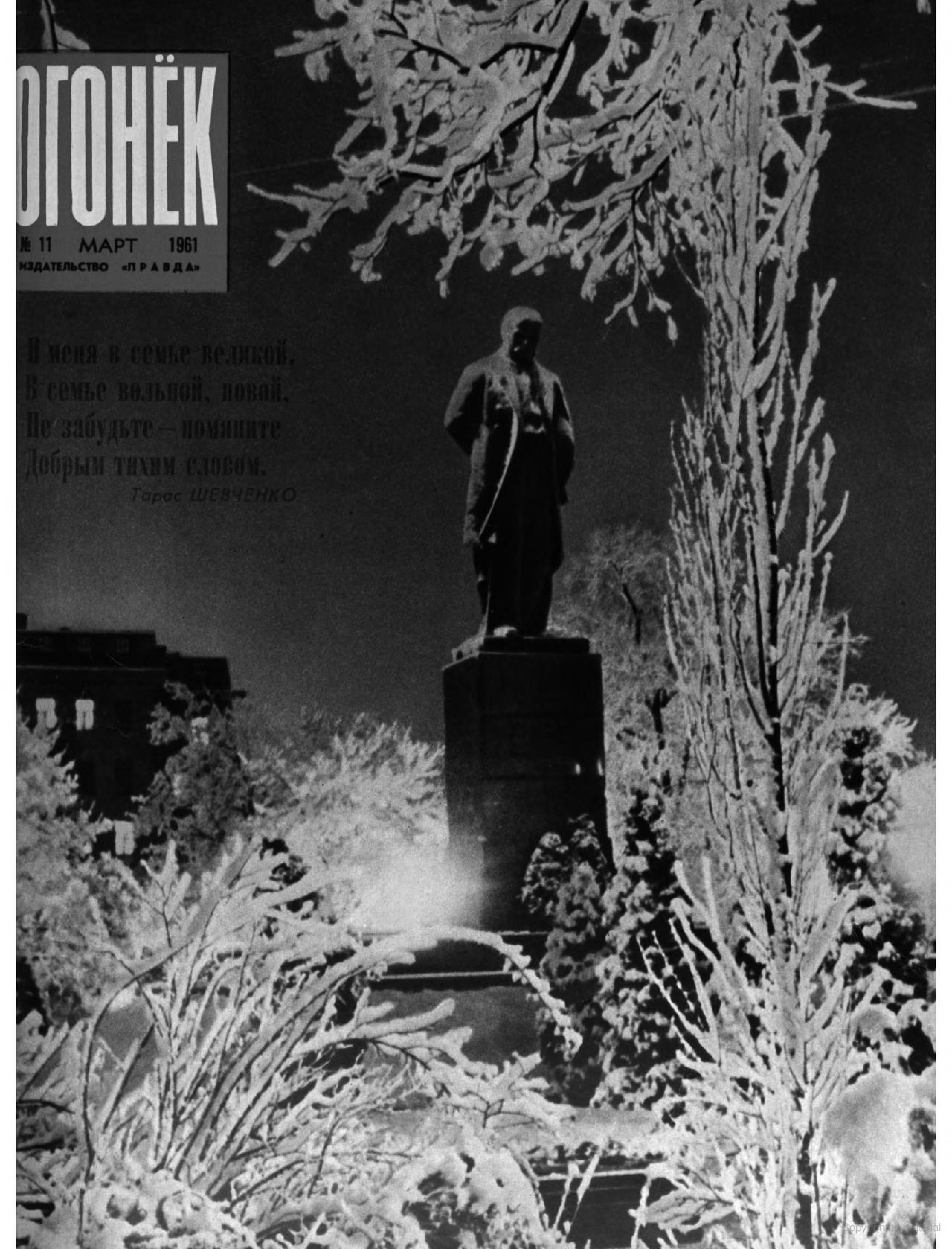

ОГОНЁК
№ 11 МАРТ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте — помяните
Добрым тихим словом.
Тарас ШЕВЧЕНКО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 11 (1760)

12 МАРТА 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СЕВЕРНАЯ ВАХТА

Долга и сурова зима в Якутии. За короткие летние месяцы почва едва успевает оттаять метра на два. Глубже — вечная мерзлота. Но далекий этот край таит несметные богатства — алмазы. И люди победили природу, взяли у нее сверкающие сокровища недр.

Теперь тайгу прорезают дороги, по которым перевозятся тысячи тонн оборудования, продовольствия. Высоковольтные линии несут свет и энергию новому индустриальному центру Якутии — городу Мирному. Прокладываются зимники, поднимаются опоры высоковольтных трасс на Вилюй — к поселку Чернышевскому, где будет возведена крупная гидроэлектростанция.

Бригадир монтажников Михаил Павлович Орлов — один из тех людей, которые закладывали основы алмазной промышленности в Якутии.

Вспоминая о первых месяцах жизни в Мирном, Михаил Павлович не скрывает, что приходилось трудно. Непривычными были климат, условия работы, да и опыт добычи алмазов был не так велик. Приходилось на ходу многое переделывать. Но люди справились! За самоотверженный труд бригадир слесарей-монтажников Михаил Павлович Орлов был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

Бригада Михаила Павловича Орлова сейчас монтирует оборудование на новой обогатительной фабрике в Мирном. Монтажники решили в честь XXII съезда КПСС досрочно выполнить свою работу. Это во многом поможет увеличить добычу алмазов в нынешнем году.

Свое обязательство бригада выполняет.

В. АЛЕКСАНДРОВИЧ

На снимке: Герой Социалистического Труда Михаил Павлович Орлов.

Фото Я. Рюмкина.

СОВЕТСКОЙ НАУКЕ РУКОПЛЕЩЕТ МИР!

ЕЩЕ ОДНА БЛЕСТЯЩАЯ ПОБЕДА!

Космический корабль вернулся на Землю

Когда этот номер журнала начал печататься, советское радио передало следующее сообщение ТАСС:

В соответствии с планом работ по исследованию космического пространства, 9 марта 1961 года в Советском Союзе был выведен на орбиту вокруг Земли четвертый корабль-спутник. Вес корабля-спутника 4 700 килограммов без учета веса последней ступени ракеты-носителя.

Корабль-спутник двигался по орбите, близкой к расчетной, с высотой перигея 183,5 километра, с высотой апогея 248,8 километра от поверхности Земли и наклонением орбиты 64 градуса 56 минут к плоскости экватора.

Основной целью запуска являлась дальнейшая отработка конструкции корабля-спутника и установленных на нем систем, обеспечивающих необходимые условия для полета человека.

На корабле-спутнике была установлена кабина с подопытным животным — собакой «Чернушка» и другими биологическими объектами, а также телеметрическая и телевизионная системы, радиосистема для траекторных измерений и аппаратура радиосвязи.

Бортовая аппаратура работала в полете нормально.

После выполнения намеченной программы исследований корабль-спутник в тот же день, по команде, совершил посадку в заданном районе Советского Союза.

Предварительное обследование приземлившегося корабля показало, что подопытное животное чувствует себя нормально.

В результате запуска четвертого советского корабля-спутника и успешного спуска его с орбиты получены ценные данные как по работе конструкции корабля и его систем, так и по характеру воздействия условий полета на живые организмы.

В настоящее время производятся изучение и обработка полученных данных. Над биологическими объектами, совершившими полет, установлено наблюдение.

ВСТАНЕМ С ГЕРОЯМИ ВРОВЕНЬ!

В Курган прибыл Н. С. Хрущев, чтобы вручить области высшую правительственную награду — орден Ленина. При встрече дорогому гостю преподнесли хлеб-соль. На снимке: Н. С. Хрущев и комбайнер совхоза «Большекаменский» Е. Ф. Толпышев.

Высшие награды — ордена Ленина по поручению Президиума Верховного Совета СССР вручил Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев Свердловской и Курганской областям за успехи в развитии сельского хозяйства.

В Свердловске и Новосибирске состоялись совещания передовиков сельского хозяйства областей и автономных республик Урала, краев и областей Сибири.

В работе совещаний передовиков сельского хозяйства в Свердловске и Новосибирске принимал участие Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев, а также заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР Г. И. Воронов, Председатель Совета Министров РСФСР Д. С. Полянский.

«Встанем с героями вровень!» — этот боевой призыв, выдвинутый украинской молодежью, все шире распространяется по стране на пороге весны 1961 года, отражая стремление тружеников сельского хозяйства встретить новыми победами XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Буря в Каире

Это произошло в Гарден Сити, районе Каира, где расположены иностранные посольства. Обычно тихие кварталы гудели, словно развороченный улей. Тысячи демонстрантов медленно двигались к улице Набатат, где находилось бельгийское посольство. На стенах домов, на каменных оградах появились портреты Патриса Лумумбы. Он смотрел на нескончаемые колонны, словно живой.

Обитатели посольства во главе с послом поспешили укрыться кто где мог. Демонстранты подошли к зданию посольства.

«Позор убийцам! Долой колониализм! — неслось отовсюду.— Свободу Конго! Вон Хаммаршельда из ООН!»

Вот с балкона посольского особняка на мостовую полетел портрет бельгийского короля Бодуэна, запылала автомашина, брошенная поспешно ретировавшимися хозяевами.

Снова и снова над морем людей неслись возгласы, призывавшие народы Африки и всего мира защитить дело свободы, обуздать колонизаторов и их наймитов.

Проведя тревожную ночь на чужой квартире, подальше от взбудораженного Гарден Сити, бельгийский посол вылетел первым же самолетом в Брюссель. Через несколько дней каирские газеты сообщили, что Бельгия порвала дипломатические отношения с ОАР.

И. БЕЛЯЕВ

Каир.

← На митинге протеста против убийства Лумумбы. Сыновья конголезского героя — Франсуа (слева) и Патрис.

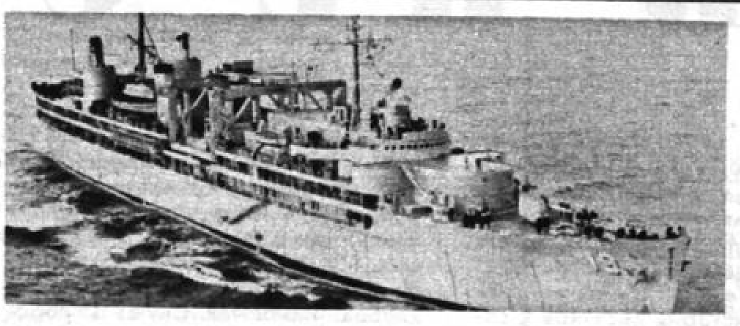
Каир требует наказать убийц. →

Новосибирск. Совещание передовиков сельского хозяйства краев и областей Сибири.

Фото А. Новикова.

СРАЖЕНИЕ ЗА ХОЛИ-ЛОХ

Немало кораблей заходит в окруженный горами шотландский залив Холи-Лох. Тепло, с традиционным гостеприимством встречают иностранных моряков местные жители. Но вот перед вами корабль, которому всегда гостеприимные шотландцы решительно заявили: «Вон!»

Это «Протей», американская плавучая база для подводных лодок, оснащенных ракетами «Поларис».

Тысячи людей приняли участие в демонстрации протеста, состоявшейся на берегу залива. А группа отважных юношей вышла в море на легких каноэ, чтобы преградить дорогу «Протею». Полицейские катера опрокинули лодки смельчаков. На снимке вы видите финал этой операции.

Объединенными усилиями американский «Протей» и английские береговые катера одержали победу над тремя каноэ. Но последнее слово в сражении за Холи-Лох еще не сказано. Англичане продолжают борьбу.

Фото Юнайтед Пресс Интернейшнл.

В МИНУВШЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 5 МАРТА, граждане Российской Федерации, Украинской, Узбекской, Казахской, Литовской, Молдавской, Киргизской, Таджикской и Туркменской союзных республик избирали депутатов в местные Советы. В будущее воскресенье, 19 марта, за самых достойных кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных отдадут голоса жители Белорусской, Грузинской, Азербайджанской, Латвийской, Армянской и Эстонской ССР.

На снимке: голосуют избиратели участка № 3 Куйбышевского района Москвы.

Фото А. Ляпина и А. Пахомова.

Монтируется еще одна домна.

Фото М. Начинкина.

СТЕПЬ НЕ СПИТ

В. АКШИНСКИЙ

Степь... Она тянулась на сотни километров, серая, дикая, безмолвная. Только холмы да овраги вносили кое-какое разнообразие в грустный пейзаж. Редко-редко забредал сюда одинокий кочевник, и ползла тогда по степи его унылая песня — о голоде, о бедности, о несчастье.

Где-то в недрах земли лежали несметные сокровища, а тут запустение и нищета. Глубоко хранила казахстанская степь свою красоту. Так бывает не только в природе, но и в человеческой жизни. Иной раз таится в человеке душевная сила, только сковала ее какая-нибудь старая привычка или традиция, которую давно пора уже выбросить, как хлам.

Но сначала о земле...

Нет теперь дикой степи. Мужают целинные колхозы и совхозы. Шумят молодые сады. Песни кочевников сменились заводскими гудками. Рождаются новые города. Пройдешь по такому — не поверишь, что и от роду ему всего-то полтора десятка лет. Городу Темир-Тау как раз столько и есть. Но у него уже своя история, свои ветераны, свой старый и новый облик. Потому что пятнадцать лет в наше время — срок довольно большой, если считать год не по дням и месяцам, а по делам.

История Темир-Тау начиналась так же, как история десятков и сотен других городов. Построили тут Карагандинскую ГРЭС, стала она энергетической базой одного из крупнейших в стране угольных бассейнов. Потом — передельный металлургический завод, здесь выплавили первые тонны казахстанской стали. Затем развернулось строительство завода синтетического каучука.

А кажется, много времени прошло. История уже.

Совсем недавно началось здесь же сооружение Карагандинского металлургического завода — гиганта черной металлургии, Казахстанской Магнитки. Город преобразился, вырос, стал красивее, и повзрослел, сил набрался город-работяга. Темир-Тау производит теперь разнообразной продукции почти на сто миллионов рублей — это если считать в новых деньгах. По сравнению с первым годом объем валовой продукции увеличился в восемнадцать раз. На новых проспектах выросли целые районы многоэтажных зданий. Здесь есть филиалы двух вузов, три техникума, медицинское училище, десятки школ, больниц, детских садов и яслей, клубов, библиотек. Снуют по городу трамваи, автобусы, такси. За последние годы население удвоилось, и сейчас по числу жителей Темир-Тау обогнал уже и Новгород, и Гродно, и Белгород, и Станислав, и многие другие города с куда более солидной историей.

Бурлит, грохочет стройка. Но уже действует новый завод. Степь воспрянула от глубокого сна.

...Доменная печь возвышается над всеми строительными площадками. В ее «мозговом центре» — помещении контрольно-измерительных приборов — я говорил с дежурным газовщиком, инженером-коммунистом Булатом Досалиевым. Ему всего лишь тридцать лет, но, несмотря на свою молодость, он уже прошел большую жизненную школу. Окончил Московский институт стали, стал горновым на одной из магнитогорских домен.

Прошло пять лет. Боевую хватку уральских металлургов он принес сюда, в родные степи.

— Да... Разбудили люди эту степь,— говорит он.— Чуть не все национальности наши приложили руку к этому делу. Начальник нашего доменного цеха Константин Трофимович Зайцев, сердечный русский человек, приехал из Череповца. Обер-мастер украинец Кузьма Павлович Геращенко долгое время работал на доменных печах в Днепропетровске и Челябинске. Один из лучших наших горновых, Ахат Набиуллин,— татарин. Есть у нас и белорусы и грузины. Все мы работаем, что называется, душа в душу. И мне, казаху, особенно радостно, что наши братья, великий русский народ и другие народы, делают все, чтобы научить казахскую молодежь новому для нее делу. А комсомольцу Гаптл-Мурату Мухамеджанову повезло больше всех: ему выпала честь вместе с лучшими уральскими мастерами выдать первую плавку казахстанского чугуна.

Когда из домны в бушующем пламени и в торжествующем праздничном салюте искр хлынул

огненный вал... Не знаю, стоит ли говорить о криках «ура», о поцелуях и объятиях?.. Все это было, но было и еще гораздо более важное. Хотя на первый взгляд ничего сверхъестественного не произошло. Просто устроили собрание. Домна пущена. Работа началась. Надо было подумать о будущем. Думали, говорили, советовались.

— Ну что мы все об одном говорим? План да план. Это и так ясно. А как жить будем? Народ нам такой завод вручил! Отсюда коммунизм пойдет. Наш чугун в фундамент его положат. Так что и работать и жить по-коммунистически — самое время.

Сейчас уже трудно вспомнить, кто в тот день сказал это. Может, Веретенников, а может, кто другой. Во всяком случае, начальник смены Василий Константинович Веретенников говорил мне так:

— Разве в том дело, кто начал? Подхватили-то все. На глазах меняются люди. По-иному жизнь пошла. Раскрылось в человеке самое лучшее. Что-то особенное появилось. Ну, как бы сказать... Сердечность, что ли. Одним словом, дружба...

А давно ли все было совсем иначе. Веретенников хорошо помнит детство, свою мать. Трудная была у нее жизнь. Муж умер, остался на руках сын. И тут любовь, может, еще более сильная, чем первая. Тогда-то восстали родственники-кержаки.

— Не смей! — кричали они.— Мы найдем тебе человека нашей веры.

И нашли какого-то слюнявого урода. Яростно сопротивлялась вдова, доказывала, что полюбила по-настоящему другого, что будет он хорошим отцом мальчику. Но богомольная братия не унималась.

— Не послушаешься — проклянем. Бог покарает тебя...

Бог... Да что он хорошего принес ей, бог? Боль да слезы. Что в нем мудрого и благородного, если не понимает он самого хорошего и чистого в человеке?

Убежала вдова в свою комнату. По-прежнему тут мерцают болотными огоньками лампадки перед иконами. Лица у святых грустные-грустные. Есть во всем этом что-то символическое: жизнь у нее была тоже невеселая, безрадостная жизнь. «Довольно! Нельзя так дальше...» Задула лампадки, сняла со стены иконы, бросила их в угол. Только одну положила на дно сундука. Решила сохранить на память. Этой иконой благословляли ее с покойным Константином. Хороший был человек.

На следующий день забрала сына и ушла. Навстречу большой любви и новой, неведомой жизни.

Отчим Васе понравился. Стали они большими друзьями. Появилась у Васи сестренка Вера. Все шло очень хорошо. Раньше Вася думал, что мама даже не умеет улыбаться. А тут стала совсем другой. Даже походка изменилась.

Много лет минуло с той поры. Приехали Веретенниковы всей семьей в Темир-Тау. Жена Василия Константиновича — врач-терапевт в городской поликлинике, сестра — контролер на заводе, отчим — старший составитель поездов. Мать хлопочет по дому. Есть у нее еще одно семейное поручение — читать газеты, слушать радио и быть в курсе всех политических новостей. Возвращаясь домой, муж и дети не то в шутку, не то всерьез иногда спрашивают ее:

— Ну, как, мама, международное положение?

Так идет жизнь. Началось все с икон, брошенных в угол. А теперь Василий Веретенников просто и бесхитростно рассказывает:

— Понимаете, вдруг открылись в ребятах увлечения и способности, о каких никто и не подозревал. Жизнь ярче стала...

Да, жизнь действительно стала ярче, осмысленней, интереснее, богаче. Все рабочие изучают вторые специальности, так, чтобы можно при случае заменять друг друга. Девяносто процентов состава смены имеет среднее образование. Многие учатся в вузах. Горновые Нурсултан Назарбаев, Владимир Колбаса, Александр Барданов и чугунщик Сарикенов — студенты вечернего отделения Карагандинского политехнического института, газовщик Борис Апарин — заочник Уральского университета. Машинист электрокрана Уссам Османов перешел на пятый курс Казахского педагогического института и уже сам преподает немецкий язык в вечерней школе. Многие рабочие увлекаются художественной самодеятельностью, спортом, фотографией. Почти все они члены народной дружины.

Наше время — время больших открытий. И, может быть, самое знаменательное из них — небывалое по масштабам открытие талантов. Появились свои рационализаторы, артисты, певцы, танцоры, музыканты, поэты. На личном счету газовщика Бориса Цитовича и бригадира электриков Ивана Якуцени более двадцати уже внедренных рационализаторских предложений. Каменщик огнеупорной кладки Николай Черный и подкрановой рабочий Геннадий Шамшурин — баянисты, крановщик Сейлхан Масалов и рабочий скиповой ямы Кенес Кульмагамбетов — домбристы, машинист консольного крана Жакслык Джарлыканов — певец. У молодого диспетчера-инженера Вилена Семенеева, оказывается, хороший лирический тенор. Стихи рабочего скиповой ямы Амантая Жунусова напечатаны в республиканском журнале «Простор». И все это началось с малого — с искры, которую заронил коммунист Веретенников.

Сам Василий Константинович давно уже увлекается театром. Без отрыва от производства он окончил актерское отделение заочного театрального института при Доме народного творчества РСФСР. Его дипломной работой была роль Дона Гуана в пушкинской маленькой трагедии «Каменный гость».

Он и сейчас душа заводского драмкружка. С его легкой руки заядлыми «артистами» стали многие рабочие его смены: машинисты транспортеров Аня Агафонова, Галя Рыбакова, Гильда Аншиц, Галя Сай, слесарь Александр Воропаев, диспетчер Юра Мартыганов...

Так раскрываются сокровенные тайны природы и несметные сокровища человеческих душ.

...Красив завод ночью, когда на десятки километров видны его огни и красные опояски сигнальных фонарей на заводских трубах. На строительных участках наступает тишина. Но завод ни на минуту не прекращает своей жизни: бушует пламя в доменной печи, ярким, клокочущим золотым потоком льется искрящийся чугун.

Степь не спит... Бодрствуют люди...

М. А. Шолохов у кировцев

Рабочим Кировского завода интересно было встретиться с Михаилом Александровичем Шолоховым. Ведь именно отсюда, из цехов «Красного путиловца», в тридцатом году партия направила в Гремячий Лог слесаря коммуниста Семена Давыдова.

Шолохов приехал не один, а вместе с хлеборобами Дона.

— Ваши Давыдовы ушли на пенсию,— сказал писатель, представляя кировцам своих земляков.— А это приехали наследники Давыдова, молодые представители Гремячего Лога.

В партноме кировцы познакомили гостей с историей своего предприятия. Рабочие рассказали, что они создают сейчас второй том истории завода.

В механическом цехе вокруг гостей образовалось плотное кольцо. Расспросы, шутки сыплются со всех сторон. Работница Серафима Давыдовна Андреева спрашивает:

— Если не секрет, над чем работаете сейчас?

— Чего же скрывать! Работаю над романом «Они сражались за Родину». Первую книгу думаю закончить в июне.

Из мартеновского цеха гости отправились в заводской Дом культуры. Разговор продолжался и здесь. «Наследники» Давыдова — председатель колхоза имени Шолохова И. М. Бондарев, слесарь А. Н. Солодовников, секретарь Вешенского райкома КПСС П. В. Сердюк — рассказали о теперешней жизни колхозного Дона.

— Мы приехали к вам, товарищи кировцы, ковать тесную дружбу,— сказал М. А. Шолохов.— Мы хотим, чтобы еще прочнее стало единство донских колхозников с кировскими рабочими. А уж если дружить, так чаще встречаться!

Гости предложили кировцам проводить свои отпуска на привольных берегах Дона.

— Приезжайте к нам, создавайте на берегах Дона пионерские лагеря, дома отдыха, охотничьи хозяйства. Мы вам поможем, встретим как родных. Посмотрите на нашу жизнь, что цветет на донских землях,— заявил под одобрительный гул рабочих Михаил Александрович.

Покидая завод, Шолохов написал в книге почетных посетителей:

«Очень рад был познакомиться с замечательными людьми Кировского завода и повидать сам завод. Это обогащает и на шестом десятке лет. 1.III.61 год. М. Шолохов».

К. ЧЕРЕВКОВ,
В. КАРПУЩЕНКО

На снимке: гости побывали и в мартеновском цехе — М. А. Шолохов, зоотехник совхоза имени Щаденко Л. М. Казенная, вешенский казак И. П. Громославский и сталевар М. Л. Жуковский.

Фото Д. Трахтенберга.

Встреча с белорусскими читателями

Очередная встреча с читателями журнала «Огонек» состоялась в Минске.

...Зал переполнен. Здесь собрались рабочие, работницы и инженеры Минского автозавода. Идет разговор о журнале, о его содержании и оформлении.

Выступающие — фрезеровщица Ю. Михолап, технолог А. Шмопель, конструктор Г. Залужный, директор клуба Н. Алимов, пропагандист Р. Рогова — вносят интересные предложения, касающиеся разных разделов журнала, публикуемых в нем рассказов, фельетонов, фотографий, рисунков.

На другой день большой разговор состоялся в зале библиотеки имени М. Горького. В обсуждении работы журнала приняли участие станкостроители завода имени Кирова, партийные работники, сотрудники Совета Министров, Госплана и совнархоза республики.

Много ценных предложений высказали в своих выступлениях тт. Джагаров, Фармосова, Свирида, Пчеленков, Головнев, Бирилло, Тюльпанов.

Проявила живой интерес к тому, как ведется журнал «Огонек», и студенческая молодежь. Один за другим поднимались на трибуну актового зала Университета имени Ленина тт. Шилович, Ляхов, Науменко, Шлях. Они просили больше рассказывать о жизни и борьбе молодежи зарубежных стран.

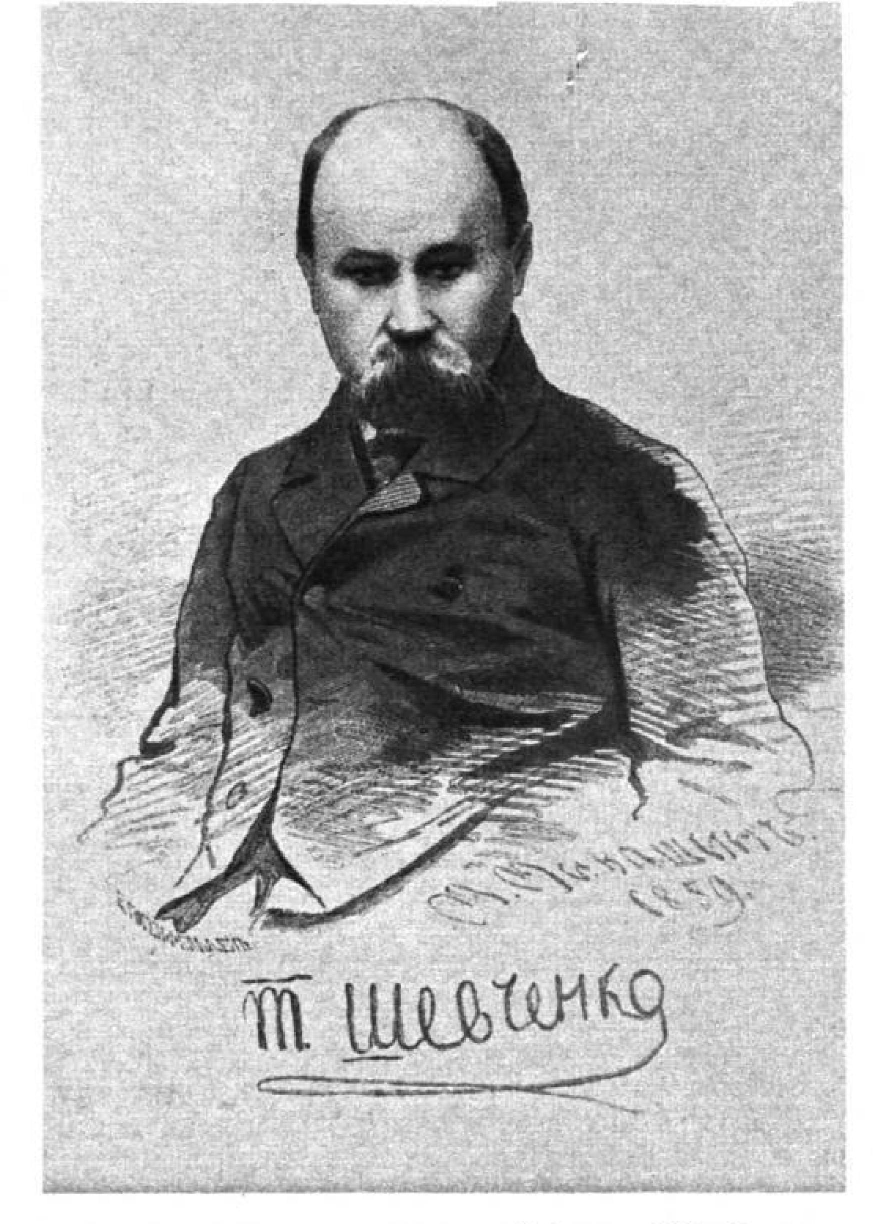
Выступает фрезеровщица Юлия Михолап.
Фото И. Змитровича.

В Академии наук БССР работу журнала обсуждали ученые, писатели, журналисты. Здесь конференцию открыл вице-президент академии народный писатель Белоруссии Кондрат Крапива.

В работе читательских конференций Минска приняли участие главный редактор журнала «Огонек» А. Софронов и заместитель главного редактора журнала «Огонек» Б. Иванов.

Наш корр.

Поэт—

Последнее прижизненное издание «Кобзаря». 1860. Портрет поэта работы М. Микешина. (Из собрания Н. П. Смирнова-Сокольского.)

М. РЫЛЬСКИЙ

Каждое большое явление искусства вызывает споры, и чем оно крупнее, тем споры ожесточеннее. Особенную борьбу мнений и оценок вызывает явление искусства, непосредственно, прямо, кровно связанное с общественной жизнью, явление искусства, которое может быть знаменем в политической и социальной борьбе. К нему тогда неизменно тянутся не только те руки, которые на это имеют право, но и те, которые никакого права не имеют, но хотят воспользоваться чужим знаменем как своим.

Так было и с Тарасом Шевченко. Вряд ли стоит ныне вступать в спор с теми враждебными народу, а значит, и враждебными великому поэту группировками, которые вопреки очевидности объявляли поэта своим, как это было, например, с украинскими националистами.

Не следует, вероятно, задним числом оспаривать мнения тех не очень глубоких и не очень тонких людей, которые, зная к тому же не все наследие Шевченко, видели в нем лишь певца патриархальной украинской старины, автора сентиментальных идиллий и чувствительных песен-романсов.

Октябрьская революция дала нам возможность узнать всего Шевченко, без всяких цензурных урезок и искажений. Советское литературоведение подняло изучение жизни и творчества поэта на достойную высоту. Наши историки литературы продолжают творчески развивать ту линию, которая намечена в вопросах шевченковедения еще Герценом, Чернышевским, Добролюбовым, Иваном Франко, Грабовским, Лесей Украинкой, Плехановым, Луначарским и другими передовыми мыслителями XIX — начала XX века.

Самое употребительное и распространенное определение Тараса Шевченко — народный поэт. Стоит, однако, подумать над тем, что вкладывается в эту формулу.

Были люди, которые считали Шевченко только слагателем песен в народном духе, случайно вразумленным книжному искусству продолжателем безымянных народных певцов. Для этого одностороннего взгляда были свои основания. Шевченко вырос в народной песенной стихии, хотя, заметим, и был очень рано оторван от нее. Не только из его стихотворного наследия, но и из его написанных по-русски повестей и дневника и из многочисленных свидетельств современников мы видим, что поэт превосходно знал и страстно любил родной фольклор.

В своей творческой практике Шевченко нередко прибегал к народной песенной форме, подчас полностью сберегая ее и даже вкрапливая в свои стихи целые строки и строфы из песен. Поэт *иногда* — подчеркиваем это слово — чувствовал себя действительно народным певцом-импровизатором. Стихотворение его «Ой, не п'ються пива, меди» — о смерти чумака в степи — все выдержано в манере чумацких песен, больше того, может считаться даже вариантом одной из них.

Но вспомним такие общеизвестные вещи Шевченко, как «Сон», «Кавказ», «Мария», «Неофиты», его лирику, и согласимся, что определение Шевченко как поэта народного только в смысле стиля, стихотворной техники приходится отвергнуть. Шевченко — поэт народный в том смысле, в каком мы говорим это о Пушкине, о Мицкевиче, о Беранже, о Петефи. Здесь понятие *народный* сближается с понятиями *национальный* и *великий*.

В одном из стихотворений, написанных после ссылки, которая надломила физически, но не поколебала духовно великого поэта, Шевченко обращается к своей музе:

Вночі,
І вдень, і ввечері, і рано
Витай зо мною і учи,
Учи неложними устами
Сказати правду.

Говорить правду — в этом видел Шевченко высокую обязанность поэта. И этому завету он был верен всю жизнь.

Правде служил Шевченко как человек, как гражданин, как художник, глубоко осознавший силу слова в борьбе за униженных и оскорбленных.

Шевченко рано осознал себя как поэт национальный, избрав своим оружием находившийся в пренебрежении «у панів» (у господ) украинский язык, который недруги считали, по выражению поэта, «мертвыми словами». В известном вступлении к поэме «Гайдамаки» Шевченко отстаивает не только свое национальное достоинство, но и демократическую свою тематику. «Гайдамаки» — поэма о народном восстании против угнетателей, и «ляхи» в ней — категория не национальная, а социальная, как мы видим это и в народных украинских думах. Что Шевченко во время создания поэмы «Гайдамаки» был далек от призывов к национальной вражде, свидетельствует предисловие к поэме, где автор говорит:

«...Весело посмотреть на слепого кобзаря, когда он сидит с хлопцем, слепой, под тыном, и весело послушать его, когда он запоет думу про то, что давно происходило, как боролись ляхи с казаками, весело, а... все-таки скажешь: «Слава богу, что миновало»,— а особенно когда вспомнишь, что мы одной матери дети, что все мы славяне. Сердце болит, а рассказывать надо: пусть видят сыновья и внуки, что отцы их ошибались, пусть братаются вновь со своими врагами. Пусть житом, пшеницею, как золотом покрыта, неразмежевана останется навеки от моря и до моря славянская земля».

Этой мыслью о славянском единстве и единении проникнуто и посвящение поэмы «Еретик» известному деятелю чешского национально-освободительного движения Шафарику и обращенное к одному из поляков, товарищей Шевченко по ссылке, стихотворение «Ще як були ми козаками». О благоговейном отношении Шевченко к передовым русским деятелям, к декабристам, к Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Щедрину и говорить не приходится: оно общеизвестно. Всей душой ненавидя самодержавие и царских чиновников, Шевченко всей душой любил русский народ, прямые доказательства чего мы находим, между прочим, в его «Дневнике». За идеей славянского единения кроется у Шевченко другая, более широкая — идея дружбы всех народов, особенно ярко выраженная в полном сочувствии к угнетенным кавказским народностям в стихотворении «Кавказ». Недаром же поэт, как свидетельствуют современники, особенно любил читать друзьям стихотворение Пушкина о Мицкевиче («Он между нами жил...»), где идет речь

...о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Это выражение — «великая семья» — перенес Шевченко и в свое «Завещание»:

И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте — помяните
Добрым тихим словом.

(Перевод А. Твардовского).

Рано осознав себя как поэта национального и столь же рано объявив себя поэтом демократии («мужицким поэтом»), Шевченко всей своей жизнью и всем своим творчеством показал, что он поэт-революционер, беспощадный враг не только национального, но и социального гнета.

Зрелый Шевченко был другом и единомышленником Чернышевского и Добролюбова, причем мы имеем полное право говорить здесь о плодотворном идейном взаимовлиянии.

Мир прекрасен, мир светел, и бесконечно радостной могла бы быть и должна быть жизнь в этом мире. Поэт часто возвращался к мечте об этой радостной жизни, и тогда из-под его пера выходили такие безоблачные идиллии, как окончание поэмы «Слепой», как многие места в «Наймичке» («Батрачке»), как стихотворения «Зацвіла в долині», «І досі сниться», «Тече вода із-за гаю».

Мир прекрасен, и всего прекраснее в нем та, которую поэт отождествлял с «зорею» («зоря» по-украински — и звезда и заря), всего прекраснее молодая счастливая мать.

У нашім раї на землі
Нічого кращого немає,
Як тая мати молодая
З своїм дитяточком малим.

ГРАЖДАНИН

Но затаптывают в грязь эту светлую красоту «злые люди», причем у Шевченко это категория не столько моральная, сколько социальная. «Злые люди» — это «царі, всесвітні шинкарі», паны и паничи, «раби з кокардою на лобі». Это они оскверняют самое святое, что есть на земле: мать, материнство. Начиная с «Катерины» и кончая «Марией» и «Неофитами» сквозной темой у Шевченко проходит мотив оскорбленного, поруганного материнства, обольщенной и обесчещенной женщины, внебрачного и потому отвергнутого обществом ребенка. Между Катериной и «богоматерью» Марией — самое короткое расстояние, и Иисус у Шевченко — прежде всего «незаконнорожденный ребенок», «байстрюк», по выражению тех же «злых людей». Иногда, как в поэме «Марина», оскорбленная и страждущая женщина становится мстительницей, но самый грозный мститель, самый беспощадный обличитель всех «злых», «несытых» (алчных), «лукавых» людей, всех угнетателей и насильников — сам Шевченко. Он поэт гнева и возмездия, возмездия сознательного и справедливого, имя которому Революция.

Шевченко остро ненавидел самодержавие, ненавидел все формы угнетения человека человеком, ненавидел угнетателей. Революционность его умонастроения объясняется не только тем, что он родился крепостным и на себе испытал весь ужас крепостного права, но и тем, что в свои молодые годы вращался в Петербурге, где еще недавно прозвучали разбудившие Россию голоса декабристов, среди передовой русской интеллигенции, объясняется, наконец, тем, что этот человек был гениален, что он видел на столетия вперед.

И все же не надо думать, что Шевченко родился последовательным революционером. В полном гнева «Послании» есть строки, в которых он пытается усовестить «просвещенных» земляков своих, «на Украине и не на Украине сущих», призывая их: «опомнитесь, будьте люди» — и заканчивает свое «дружеское послание» так:

Обнимите ж меньших братьев,
Как братья родные —
Мать пусть ваша улыбнется
За века впервые!
Обнимитесь, братья мои,
Прошу, умоляю!

(Перевод В. Державина).

Ясно, что совет «обнять меньших братьев» обращен был к «старшим братьям». Но недолго поэт «просил и умолял» этих старших братьев, представителей господствующих классов. Он вскоре бесповоротно понял всю тщетность таких увещеваний и для изображения помещиков-«народолюбцев» нашел самые беспощадные краски. Вот портрет одного из «народолюбцев», данный в поэме «Княжна»:

Гуляки, знай себе, кричат:
— И патриот и брат убогих!
Наш славный князь! Виват! Виват! —
А патриот, убогих брат...
И дочь и телку отнимает
У мужика...

(Перевод И. Гиппиуса).

В том же году, что и «Послание», даже месяцем раньше, была написана поэма «Кавказ», где, однако, нет и тени миролюбивого обращения к «старшим братьям». Поэма, начинающаяся образом Прометея, который вдохновлял столько поэтических умов от Эсхила и до наших дней, представляет собою грозный обвинительный акт против царского самодержавия, угнетателя народов.

В творчестве, в мировоззрении Шевченко все крепче утверждалась и все ярче выражалась мысль о социальных причинах человеческих страданий, мысль о необходимости и неотвратимости всенародного восстания — революции.

В 1858 году написал Шевченко стихотворение, в котором есть такие очень часто цитируемые строки:

...Добра не жди,
Не жди свободы невеселой —
Она заснула: царь Никола
Заставил спать. Чтоб разбудить
Беднягу, надо поскорее
Всем миром обух закалить
Да наточить топор острее —
И вот тогда уже будить.

(Перевод Н. Ушакова).

Были попытки поставить эти строки в зависимость от «Письма из провинции», появившегося в «Колоколе» в 1860 году за подписью «Русский человек», где звучат знаменитые слова: «К топору зовите Русь!». Эти попытки несостоятельны, поскольку стихотворение поэта написано гораздо раньше, чем «Письмо». Топор — это излюбленный революционерами того времени символ народного восстания. Положению о полном единомыслии в ту пору Шевченко с Чернышевским, Добролюбовым, Некрасовым этот факт не противоречит.

Поэт не только верил в светлое обновление человечества, он был в нем твердо уверен:

Чи буде суд! Чи буде кара
Царям, царятам на землі!
Чи буде правда між людьми?
Повинна буть, бо сонце стане
І осквернену землю спалить!

Грядущее рисовалось поэту как царство социальной гармонии:

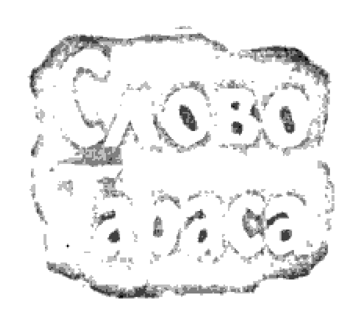
...на оновленій землі
Врага не буде, супостата,
А буде син і буде мати
І будуть люди на землі.

Прекрасный и светлый мир, которого чает и за который борется измученное человечество, воцарится на земле:

Оживут озера, степи,
И не столбовые,
А широкие, как воля,
Дороги святые
Опояшут мир; не сыщет
Тех дорог владыка;
Но рабы на тех дорогах
Без шума и крика
Братски встретятся друг с другом
В радости веселой,—
И пустыней завладеют
Веселые села.

(Перевод П. Антокольского).

Этими проникновенными строками я и хочу закончить свое слово о поэте, гениальная сила которого год от году становится и будет становиться ближе, понятнее и роднее всему трудовому человечеству.

(Из нового цикла)

Андрей МАЛЫШКО

* * *

Может, слово то живое закалялось в горне,
Может, мощь свою пытало, вырывая корни.

Может, колосом на ниве проросло, пробилось
И убрало землю цветом — людям полюбилось.

Входит слово гостем в хату средь зимы и лета,
Разгоняет тучи в небе стрелами рассвета.

Жжет сердца и души наши искрою живою,
Ярче молнии сверкает ночью грозовою.

Не стареет, словно мудрость, не седеет даже
И стоит у нашей Правды день и ночь на страже

* * *

Как за далью прежнею даль встает безбрежная,
За спаленной нивою — нива спеет вешняя.

Та — ложилась пóд ноги раненою птицею,
Эта — небывалою клонится пшеницею!

Та — лишь раны-трещины на руках исколотых,
Эта — песня бункера в спелом море золота!

Та — будяк с крапивою, ржавчина на колосе,
Эта — буйство зелени, брошенное в космосе!

Мир украшен веснами, ветры дуют с паводков...
Поднимись, Тарасе наш, погляди на правнуков!

* * *

Когда бы его печали
Поделить меж всеми людьми,
Полотнища б черные протянулись
От океана до океана
И вдали бы рыдала горько
Безутешной вдовой заря.

Когда бы его надежду
Поделить меж всеми людьми,
То пустыни земного шара
Стали бы праздничными столами
И столетний болотный мох
Превратился бы в жито.

А когда бы его любовь
Поделить меж всеми людьми,
То огромным вишневым садом
Расцвела бы земля.
И на каждой бы ветке висело солнце,
И долины б наполнились, словно чаши,
Медом и молоком,
И качались бы детские колыбели
Меж землею
И небом.

Авторизованный перевод с украинского Льва СМИРНОВА.

ИСТОРИЯ ОДНОГО АВТОПОРТРЕТА

Ник. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

Впервые я узнал о существовании этого автопортрета Тараса Григорьевича Шевченко примерно в 1930 году, просматривая журнал «Русский библиофил» за 1914 год. В начале того года отмечалось столетие со дня рождения великого украинского поэта и художника, и не удивительно, что историко-литературный и критико-библиографический журнал «Русский библиофил» посвятил несколько статей его памяти.

Наиболее интересной мне показалась статья П. Зайцева «Новое о Шевченко». В статье приводится некоторое количество любопытнейших документов, относящихся к биографии великого кобзаря, и именно в этом ее основная ценность.

Так, например, среди бумаг Тараса Шевченко, принадлежавших в то время С. В. Лазаревскому (Лазаревские — друзья поэта), автор статьи нашел счет художественного магазина Аванцо на имя Тараса Григорьевича. Из счета видно, что поэт-художник приобрел в магазине в конце октября 1860 года и в первых числах января 1861 года два овальных холста по полтора рубля каждый и две овальные золотые рамы — первую за девять с полтиной, а вторую за двенадцать рублей.

Счет датирован 31 марта 1861 года и, следовательно, был написан уже после смерти Тараса Шевченко, последовавшей 26 февраля (10 марта по новому стилю) того же 1861 года.

Выставленные в счете даты покупок художником материалов для двух своих овальных работ указаны лишь приблизительно и, как мы увидим ниже, не совпадают в месяцах с действительным положением дела.

В остальном счет является интереснейшим документом и позволил автору статьи П. Зайцеву связать его с другим документом, найденным им же у Л. Сулиева.

Документ этот представляет собой официальное извещение, написанное на бланке личной канцелярии великой княгини Елены Павловны, и содержание его таково:

«Господин Шевченко приглашается пожаловать в канцелярию государыни великой княгини Елены Павловны в Михайловском дворце в пятницу 25-го сего ноября от 11 до 2 часов для получения денег, следующих за купленный ея императорским высочеством портрет. 23 ноября 1860 года».

На документе рукой В. М. Лазаревского приписано такое разъяснение:

«Этот портрет Шевченко писан был им же и предполагался к лотерее. Выручка предназначалась на полезные издания. Великая княгиня купила его на выставке за 200 рублей. Вместо его Шевченко написал другой. Этот последний разыгран был в лотерею (20 билетов по 10 рублей), выиграл архитектор А. И. Резанов (впоследствии ректор Академии художеств) и подарил мне. В. Л. 1861.»

Переводя скупые документальные сведения на язык подробного рассказа, надо отметить следующее.

Вернувшись в Петербург в конце 1859 года из поездки по Украине, Тарас Григорьевич Шевченко начал много и интенсивно работать. Работой поэт хочет заглушить сердечную тоску, вызванную новыми преследованиями, которым его подвергли оголтелые царские прислужники на родной Украине.

В Петербурге поэт-художник близко сходится с Н. Г. Чернышевским и так называемой партией Чернышевского, ведущей активную революционную пропаганду. В начале 1860 года выходит новое издание «Кобзаря», едва пропущенное и изуродованное цензурой. Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов горячо поддерживают Тараса Шевченко. Все прогрессивное общество того времени взволновано хлопотами друзей поэта о выкупе его родных из крепостной зависимости. Готовится к печати шевченковский «Кобзарь» в переводе русских поэтов. Тарас Григорьевич выступает на литературных вечерах с чтением своих стихов, его восторженно приветствуют слушатели.

Одновременно поэт много работает как художник и гравер. Академия художеств удостаивает его звания академика.

Вероятно, в августе (а не в октябре, как это показано на счете магазина Аванцо) Тарас Шевченко покупает овальный холст и овальную золотую раму. На холсте он пишет свой автопортрет, маслом, размером 60 на 50 сантиметров, подписывает его монограммой «Т. Ш.» и датирует 1860 годом.

Автопортрет этот воспроизводится сегодня на нашей цветной вкладке. Он чрезвычайно удачен. В темных, рембрандтовских тонах (Шевченко в академии звали «русским Рембрандтом») изображен художник с удивительно неповторимым, печальным выражением глаз.

Вспоминаются слова молодого землевольца Л. Ф. Пантелеева, который так рассказывал о встречах с Шевченко: «Но стоит отойти на несколько шагов, и Шевченко становился совершенно неузнаваем... И все это делали его удивительные, бархатные, такие глубокие-глубокие темно-карие глаза; все лицо так ими скрашивалось, что Шевченко точно преображался...»

Цель написания автопортрета нам уже известна из слов В. М. Лазаревского: автопортрет «предполагался к лотерее», причем «выручка предназначалась на полезные издания».

Учитывая близость Шевченко к Чернышевскому и его окружению, нетрудно догадаться, какие именно «полезные издания» имел в виду поэт-художник. Между прочим, он и сам затевал в то время одно «полезное издание» — свой знаменитый «Южно-русский букварь», который потом даром рассылал деятелям народного образования на Украине. По сохранившемуся счету типографии Гогенфельдена Тарас Григорьевич издержал на печатание букваря 195 рублей 50 копеек, сумму, близкую к тем 200 рублям, которые он получил от княгини.

Каким же образом произошла эта покупка?

Прежде чем пустить написанный автопортрет в лотерею, Тарас Григорьевич решил предварительно экспонировать его на осенней выставке Академии художеств. Вероятнее всего, это было в августе — сентябре 1860 года, так как уже 24 сентября того же года в газете «Северная пчела» появилась следующая рецензия:

«Т. Г. Шевченко, достойно признанный академиком, выставил также из своих произведений, гравюр-офортов ВИРСАВИЮ с картины К. П. Брюллова и собственный портрет... писанный масляными красками. Художественное исполнение в этом портрете превосходно, только сходство не совсем поразительно, как то обыкновенно бывает... г. Шевченко изобразил себя не в настоящем своем одеянии. Он предпочел — скромный миролюбивый художник — представить себя в малороссийских смушках и свитке и потому вдруг иногда раздавались из задних рядов публики возгласы: — Чи то Палий... чи то Сагайдачный?»

Учитывая реакционность «Северной пчелы», можно не объяснять, почему Тарасу Шевченко был сделан явно шовинистический упрек, как-де мог он, «скромный миролюбивый художник», посметь изобразить себя в национальном украинском костюме?

Лучшие русские люди того времени — Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Тургенев, Лев Толстой — высоко ценили в Шевченко не только его поэтический гений, но и его неистребимую любовь к родной Украине.

Автопортрет Тараса Григорьевича был на выставке Академии художеств очень недолго. Так случилось, что выставку посетила великая княгиня и по каким-то причинам приобрела автопортрет. Приводимое выше приглашение художнику «пожаловать для получения денег» подтверждает этот факт категорическим образом.

Получив 200 рублей с великой княгини за автопортрет, Тарас Григорьевич не оставил намерения использовать и лотерейный способ продажи своей работы. Вероятно, мысль эту всячески поддерживали его друзья. Тотчас же художник садится за повторение, вернее, за копирование уже сделанного автопортрета.

О судьбе этого второго автопортрета пишет В. М. Лазаревский: автопортрет был разыгран в лотерею — 20 билетов по 10 рублей, и выигравший его архитектор Резанов дарит выигрыш В. М. Лазаревскому.

Это подтверждается еще и тем обстоятельством, что второй автопортрет после революции в составе всей коллекции Лазаревских поступил в музей имени Т. Г. Шевченко на Украине, где находится и поныне. Знатоки говорят, что второй автопортрет кое-чем отличается от первого.

Все это я уже знал, когда читал статью П. Зайцева. Однако ни ему, ни тем более мне не было известно местонахождение автопортрета первого, то есть купленного на выставке великой княгиней.

Я с юных лет люблю великого украинского поэта и художника.

Мне удалось найти некоторые редчайшие прижизненные издания Т. Г. Шевченко, среди которых три тиснения «Кобзаря» (1840, 1844 и 1860), «Гайдамаки» (с автографом поэта), «Тризна» и другие. Собраны мною почти все альманахи и сборники, печатавшие при жизни поэта произведения его пера или кисти.

Не удивительно, что мне захотелось узнать, где может находиться сейчас автопортрет Шевченко, бывший в руках «высокопоставленной» покупательницы. П. Зайцев заканчивал свое сообщение о покупке такими словами: «Интересно, конечно, было

Т. Г. Шевченко. АВТОПОРТРЕТ.

«Огонек».

Т. Г. Шевченко. КАТЕРИНА.

бы знать судьбу приобретенного великой княгиней портрета».

Узнать, разумеется, было бы действительно интересно, но как? Где искать концы и начала?

Был мне в тридцатые годы близок чудеснейший человек, много старше меня по возрасту, но подаривший меня своей дружбой. Это был известный художник-акварелист, искусствовед и знаток живописи Степан Петрович Яремич. К горю моему, он умер в 1939 году.

В молодости Степан Петрович объездил полмира, посмотрел все музеи Европы и после революции осел в Ленинграде, работая экспертом в Эрмитаже. После смерти С. П. Яремича в Эрмитаж ушла его изумительная коллекция рисунков старых мастеров.

С. П. Яремич был человеком безупречного художественного вкуса, громадных знаний и искренней любви к живописи. Ко всему этому был он человеком великой доброты и сердечной привязанности к людям. Меня он научил любить живопись и хоть немножечко разбираться в ней.

К нему-то я и обратился с вопросом, не знает ли он что-либо об овальном автопортрете Тараса Шевченко, купленном в 1860 году великой княгиней.

Степан Петрович задумался и, как всегда, не сразу, а примерно через час-другой, неожиданно прервав беседу уже о совершенно ином, воскликнул:

— Юнге! Екатерина Федоровна Юнге, вот у кого я видел автопортрет Тараса Шевченко! Проклятый склероз — насилу вспомнил!..

— Кто же это Юнге, Степан Петрович? — спросил я.

— Да вы знаете великолепно! Екатерина Федоровна Юнге — дочь Федора Петровича Толстого, вице-президента Академии художеств. Вся же семья Толстых нежно относилась к Шевченко. Он вместе с Екатериной Федоровной, дочкой Толстого, даже рисовал что-то. Да разве вы не читали ее записок?

Я вспомнил, что действительно читал мемуары Е. Ф. Юнге, заполненные главным образом воспоминаниями об отце Федоре Толстом. Однако в мемуарах немало теплых страниц о Шевченко-поэте и Шевченко-художнике.

— Но позвольте,— спросил я Степана Петровича,— при чем же здесь Юнге? Автопортрет Шевченко был куплен великой княгиней Еленой Павловной, а о ней ведь вот что пишет П. Зайцев:

«Взгляды августейшей гуманистки и широкое сочувствие ее к делу эмансипации крестьян хорошо известны. В данном же случае важно демонстративно сочувственное ее отношение к такой ярко-определенной фигуре, как Шевченко». Значит, она...

— Да липа все это, дорогой мой! — перебил меня Степан Петрович.— Типичное черносотенное вранье! Ни черта эта самая великая княгиня не понимала ни в эмансипации крестьян, ни тем более в искусстве. Купила она этот автопортрет по собственной глупости и, конечно, по совету жены Федора Толстого Анастасии Ивановны, которая сама в то время была фрейлиной при дворе, не помню уже, у этой княгини или у какой-то другой. И как только Елена Павловна шевченковский автопортрет купила, по Петербургу мгновенно поползли слухи, что она помогает революционерам. От страха «ее высочество» тут же преподнесла автопортрет Федору Толстому: дескать, лишь для этого она его и покупала. Ну, а Толстому это уже повредить не могло — из вице-президентов Академии его как раз в то время отставили, и ему было все равно. Вот у дочери его, Екатерины Федоровны Юнге, поклонницы Шевченко, я этот автопортрет и видел...

На вопрос мой, когда же именно это было, Степан Петрович называл какие-то даты, вроде 1905 или 1907 года, когда он бывал у Екатерины Федоровны.

Рассказ Степана Петровича был для меня, как для собирателя, не из веселых, и я упавшим тоном спросил:

— Значит, все концы с автопортретом потеряны?

— А это, дорогой мой, надо подумать, пошукать. Как говорят соотечественники любезного вашему сердцу поэта, «це діло треба разжувати»...

«Шукал» Степан Петрович долго. Гастроли мои в Ленинграде закончились, я уехал в Москву и только на следующий год вновь увиделся со своим другом.

Он пришел ко мне чуточку торжественный и сказал:

— Кажется, с автопортретом все будет прекрасно. След найден!

Из дальнейшей беседы выяснилось, что автопортрет великого кобзаря после смерти Е. Ф. Юнге оказался в руках одной «почтенной дамы», которая не прочь с ним расстаться. Она обращалась уже в различные «закупочные комиссии», но должного успеха не имела. Выяснилось дальше, что Степан Петрович, по существу, вмешался в самое время, так как «почтенную даму» начал осаждать какой-то «комиссионщик», любитель снабжать интуристов «интересными вещами», и автопортрет вот-вот мог покинуть пределы Родины.

Фамилию «почтенной дамы» Степан Петрович не называл, это было не в его правилах, да меня она, откровенно говоря, и не интересовала. Меня заботила мысль: чем можно ублажить эту «почтенную даму» взамен находящегося у нее автопортрета?

И здесь на помощь пришел Степан Петрович. Он напомнил мне, что у меня дома висят кое-какие картины далеко не первого класса и мне еще менее нужные, чем «почтенной даме» автопортрет Шевченко.

Так, кажется, и произошел этот обмен, к удовольствию обеих сторон.

После, когда мы праздновали находку, Степан Петрович сказал мне:

— Когда вы угомонитесь, станете таким же старым, как я, и будете думать о том, как правильно и красиво устроить все собранное вами на место, я бы очень хотел, чтобы этот дивный автопортрет Шевченко попал от вас в наш Пушкинский дом. На родине Тараса Григорьевича его автопортретов много, а в Ленинграде ни одного. А все-таки, как-никак, а он академик петербургской Академии художеств. Город ему наш не чужой. Да и к Пушкину у Тараса Григорьевича самое прямое отношение...

Мне думается, что Степан Петрович Яремич был абсолютно прав. В моих планах так это и задумано.

Всемирная слава

Терень МАСЕНКО

Прошел один бурливый век,
А он —
Прославленный народом,
Одетый в бронзу человек,
Над шумом нив и шумом рек —
Все выше, выше с каждым годом!

Все так же думы широки,
И сердца голос нелукавый,
Его надежда, воля, слава
Текут на все материки,
Как вулканическая лава.

Сильней тот голос с каждым днем!
Та лава жарким жжет огнем
Господ и рабства строй позорный.
А тех, кто встал на бой со злом,
Тарас зовет к борьбе упорной.

Тот зов летит через моря!
Все разгорается заря
Освобождения на свете.
Всемирна слава Кобзаря
Под небом нашего столетья!

Дух Кобзаря везде живет,
Достигнув солнечной вершины,
Бессмертный, светлый, как народ,
Как степь и горы Украины.

Он был невольником простым,
На муки отданным в солдаты,
Но сердцем пламенным своим
Он дал завет векам крылатый!

Стих Кобзаря теперь звенит
Для всех, кто жаждет дум
свободных,
И переведен «Заповіт»
На сорок языков народных.

Туда, где нынешней порой
Идет за волю бой суровый,
Пусть долетает клич живой:
«Вставайте, сбейте прочь оковы!»

Народы Конго!
Он за вас
Через поля, моря и годы
Свой голос поднял, наш Тарас,
Прославил вставшие сейчас
Вольнолюбивые народы!

Во что он верил — все сбылось.
И люди есть, и правда стала...
Клеветникам не удалось
Шевченко сбросить с пьедестала.

Уж миновала сотня лет.
А он
И в славе и в расцвете —
Как победитель, как поэт —
Идет по всей земной планете!

Авторизованный перевод с украинского
Бориса ПАЛИЙЧУКА.

СТИХИ И СЕРДЦЕ

Николай АСЕЕВ

Украина, Киев, Днепр, Тарас Шевченко — все эти понятия неразрывно связаны друг с другом настолько, что при упоминании одного из них в представлении тотчас же возникают и другие, ему сродные.

Шевченко открыл нам лицо Украины, гневное и взволнованное лицо народа, стонущего под игом и своих и чужих притеснителей, нависших над массой закрепощенных, не видевших света и счастья людей. Нет, не «тиха украинская ночь» у Шевченко. А если и тиха, то до поры до времени, когда возникнет пламя народного гнева Колиивщины, о котором долго будут вспоминать кобзари.

Тарас Григорьевич Шевченко и был всенародным кобзарем, воспевавшим и героическое прошлое своего народа, и его настоящее, и будущее. Простой народ твердым шагом вошел в поэзию, придав ей черты своего быта, своих дум, своей речи. Были и до Шевченко народолюбцы из писателей. Но поэтов, вышедших из крепостных, из зависимости от помещика, не было на Руси. И потому-то, быть может, ни у кого из современных ему писателей не было таких средств к проникновению в горькую долю крепостного человека, целиком зависимого и целиком преданного одной мечте — освободиться от этой зависимости, от этого униженного состояния закрепощенной души.

Правда, Кольцов задумывался над «Долей бедняка», но то были думы сочувствия и лишь частичного соучастия в горькой доле. Цельное же, безраздельное и безысходное горе крепостничества, великое горе души народной передал полностью только великий Тарас. Всмотритесь в перечень действующих лиц шевченковских поэм. Это обычно подъяремный человек, сносящий до времени все издевательства и в конце концов бегущий из неволи, становящийся гайдамаком, «вольным казаком», ушедшим «за пороги». Вспомним имена женщин, воспетых Тарасом Шевченко. Это замученные страшным бытом барской неволи, сошедшие с ума, лишившие себя жизни крестьянские женщины, обманутые в любви, лишенные семьи, отданные на поругание господам. Все они — Марина, Катерина, Ганна, Оксана — образы трагические и вместе с тем живые, не укладывающиеся в рамки обычных персонажей драм и трагедий иных поэтов. Это крестьянские женщины, подневольная судьба которых приводит их к горькому концу. И только однажды, в «Слепом», трагическое оборачивается счастьем. Слепой Степанко, возвращаясь из плена, находит неподкупную верность и счастье в своей избраннице.

Но редко такое горе оборачивается идиллией. Гораздо чаще гибнет любовь, гибнет молодость, гибнут надежды под суровой и беспощадной немилостью барщины. Сам перенесший и ярмо крепостничества и двойное ярмо царского, солдатского режима, великий Тарас отразил в своих строчках не только страдания современника, но и страстную, полную горя и страданий историю своего народа. «Гайдамаки», «Тарасова ночь», «Гамалия» — все это образы старинной воли казачества, утерянной и лишь в воспоминаниях являющей образцы силы и смелости. Ими вдохновляется народ на новые подвиги, на новые битвы с врагами.

Шевченко, как никто другой из поэтов, отстаивал права народа на волю, задавленную панами и чинами, от гнета которых стонала не одна только Украина. В поэмах о своей родине поэт подавал пример и другим странам, пример непреклонности и непримиримости. И никого из поэтов так не карал царский, помещичий режим, как покарал он своего бывшего крепостного, осмелившегося дерзко, недвусмысленно противостоять этому режиму. Десять лет ссылки, солдатская муштра, бесправное положение рядового Оренбургского отдельного корпуса — все должно было сломить волю мятежного поэта, но воля эта была сильнее царского гнева. Она выдержала испытание, не склонившись, не надломившись. И в ссылке не перестал поэт писать вдохновенные строчки, несмотря на то, что условия для вдохновения были каторжными. «Пусть палачи царей карают. Конец им, палачам людским...» — так пророчески возвещал поэт конец царям. Это написано в ссылке, которая, по замыслу царя, должна была смирить непокорный дух народного поэта.

Нет! Не смирился дух Тарасов от репрессий и каторжной неволи. Солдатчина не выбила из него души. Надломив его физически, она вознесла его облик на высоту мученика за свободу и права народа. И не только мучеником, но и мстителем вставал этот образ в глазах читателей его поэм. Пламенем вспыхивал гнев в сердцах читавших о судьбе крестьянских девушек и женщин в неволе панской и царской; пламенем и гневом загорались глаза читавших поэмы «Гайдамаки», «Гамалия», «Слепой». Да, Украина крестьянская, Украина страдающая взывала к сердцам со страниц «Кобзаря». Да и как же царскому режиму было стерпеть столь недвусмысленно обращенные ко всему царскому отродью строки:

> Кровопийцы! Людоеды!
> Напились живою
> Нашей кровью! А что взяли
> На тот свет с собою?

А ведь эти строки — из «Сна», который стал живым свидетельством неукротимости поэта!

> То город без края!
> То ли турецкий,
> То ли немецкий,
> А быть может, даже русский?
> Господа пузаты,
> Церкви да палаты,
> И ни одной мужицкой хаты!

Такова столица империи в описании автора «Сна». Тяжелый сон, горький сон, в котором не разберешь, турецкая ли неволя, немецкая ли вышколенность, или же барская спесь под густою мглою царского владычества мешают видеть настоящий облик города. «Ни одной мужицкой хаты», то есть нет места в этом городе богатых царских чинов крестьянскому шагу, крестьянскому взгляду. Здесь нарочно подчеркнута отделенность от народа владельцев церквей и палат.

Так до конца своей жизни не смирился, не склонился душою великий Тарас. Я не стану здесь разбирать все огромное наследство, которое он оставил нам. Но мне как стихотворцу интересна и еще одна сторона творчества Шевченко: его построение стиха. Немало сказано слов о его близости к народному эпосу. Но что́ именно было руководящим началом стиха Шевченко, кажется, никто еще не обнаружил.

Переводя некоторые поэмы Шевченко на русский, я заметил характерный стержень его стихов, опирающихся на какую-то постоянную основу. Я задумывался, чем именно отличен стих Шевченко от иных размеров и особенностей стихотворений современников. И мне бросилось в глаза после целого ряда наблюдений, что канонический, размерный стих, принятый в русском стихосложении, постоянно прерывается у Шевченко особым, напевным, не поддающимся мерке обычных размеров стихом. Этот основной напевный стих не является ни хореем, ни ямбом, и никаким иным известным размером. Он напевен в своем существе, но он и повествователен, словно создан для сопровождения голоса струнным речитативом.

Что же это за стих? Наблюдая его при переводе, я каждый раз затруднялся преодолеть некоторую несвойственную русскому стиху прерывистость строки, вдруг останавливающей плавное течение размера-мелодии и делающей паузу в, казалось бы, размеренных местах.

Например:

> Постояли поезжане
> И — в дорогу снова.
> И колодники за ними,
> Цепями бряцая,
> Потянулись. И настала
> Тишина немая
> Вокруг корчмы. Корчма одна
> С хозяйкой осталась
> При дороге. А над нею
> Дымом расстилалась
> Пыль дорожная...

Я нарочно привожу этот отрывок в переводе на русский, чтобы яснее стала моя мысль о прерывистости его размера ради выразительности описания.

Это частенько встречается в шевченковских поэмах. Ровный стих вдруг как бы под влиянием сердечного движения прерывает отсчет своих стоп, переводя их на другое дыхание.

Но не только этим характерно искусство поэта. Возвращаясь к своему излюбленному песенно-речитативному стиху, Шевченко не чуждается и свойственного русскому стиху размера. Но, повторяю, основным строем его стиха остается тот неуловимо грустный в одних случаях, а в других — неукротимо буйный размер, построенный на народном стихе. Это старинные украинские коломийки, это забытые поэтами размеры повествовательно-песенного стиха, бывшие в обиходе у народа украинского в героических песнях.

Конечно, не только такими размерами богат опыт шевченковского гения. И долгие напевы кобзарей взяты им на вооружение своего стиха, и современный русский стих послужил ему для дальнейшей разработки своего богатейшего дара.

В ПОИСКАХ НАРОДНОГО СЛОВА

С. С. Нехорошев.

В небольшом домике, окруженном фруктовыми деревьями, на одной из улиц города Черкассы живет старый учитель Степан Степанович Нехорошев. Он занят разбором своих дневников, перепиской огромного домашнего архива. Свыше пятидесяти лет, работая преподавателем в различных селах и городах, Нехорошев собирал русский и украинский фольклор. Только за последние годы учитель передал в архивы Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Полтавы 78 тысяч записанных им народных произведений, составляющих свыше 15 тысяч машинописных страниц.

Очень ценны собранные Нехорошевым легенды, предания, сказки и воспоминания современников о Тарасе Шевченко. Собирателю удалось записать легенды и предания о Богдане Хмельницком, Григории Сковороде, Устине Кармелюке...

Многие воспоминания учитель записал от людей, близко знавших Шевченко, Некрасова, Чернышевского, Короленко. Одну из таких больших работ о Некрасове собиратель недавно закончил и подарил Всесоюзному музею А. С. Пушкина.

Больше всего интересовали Нехорошева народные легенды и воспоминания о Шевченко. Степан Степанович рос и воспитывался среди лиц, близко знавших поэта и хранивших о нем благоговейную память. Прадед, дед, бабушка и другие родственники Нехорошева лично встречались с поэтом, когда он в 1859 году приезжал в Черкассы, слушали его рассказы, присутствовали затем на похоронах великого кобзаря. Еще десятилетним мальчиком Нехорошев записал рассказы и воспоминания родственников в особую тетрадь с инициалами «Т. Г. Ш.».

После смерти отца Степана Степановича осиротевшего ребенка привела к себе домой учительница В. Ф. Бубликовская, ставшая с тех пор его воспитательницей. Она предложила мальчику выбрать из своей библиотеки «большую» книгу. Случайно ему попал первый том «Толкового словаря» В. И. Даля. Эта книга определила дальнейшие интересы мальчика. Он выписывал из нее пословицы и загадки. Вскоре он обнаружил, что в словаре Даля нет многого из того, что ему приходилось слышать дома. По совету своей воспитательницы Нехорошев записывал не вошедшие в словарь пословицы, загадки, а затем колыбельные, лирические и другие песни. С 12 лет для таких записей он завел дневник, с которым никогда больше не расставался.

Вместе с В. Бубликовской Нехорошев с 1907 года начал посещать места, связанные с именем Шевченко: Канев, Пекары, Яготино, Переяслав, Прохоровку, Лубны, Прилуки, Ромны, Чернигов, — и всюду выискивал людей, знавших поэта. Бубликовская готовила к печати сборник воспоминаний современников о Шевченко. Собран был огромный материал. Первая мировая война прервала работу. Только после революции Степан Степанович возобновил собирание фольклора.

Жизнь сталкивала Нехорошева с необычайно одаренными людьми, подлинными мастерами народного слова. Собирая рассказы о Шевченко, учитель выслушал более 320 исполнителей. Он может часами рассказывать о таких самородках, как Екатерина Пудиха, знавшая много сказок, песен и рассказов о Шевченко, как дедушка П. Мусиенко, страстный поклонник Григория Сковороды, или как Феня Терпичная, покорявшая слушателей своим необыкновенным голосом.

Фольклорное собрание Нехорошева не раз подвергалось опасности. В 1914 году при обыске у Бубликовской записи о Шевченко попали в полицию. Лишь за большую взятку нужные рукописи удалось выкупить, заменив их связками старых ученических тетрадей. В мае 1919 года в одной поездке по шевченковским местам Нехорошев был схвачен бандами Григорьева. Бандиты рвали и жгли записи фольклориста, ища в них шпионские сведения. В 1922 году, когда Нехорошев учительствовал на одном из хуторов Полтавской губернии, воры вместе с вещами унесли и чемодан с рукописями. Позже они оказались у местного лавочника, который употреблял бумаги для заворачивания селедок. С большим трудом, в обмен на многие книги, лавочник вернул рукописи собирателю. В декабре 1943 года Нехорошев возвратился в Черкассы из Саратова, куда он был эвакуирован после ранения на фронте. На месте своего дома он нашел лишь груды камня... Только через шесть лет, восстанавливая дом, Нехорошев обнаружил чемодан с драгоценными рукописями.

Старый учитель спешит подвести итоги своей работы. В его доме по ночам долго не гаснет свет. Этот свет зажжен большой любовью к простым людям, к их неумирающему слову.

Л. ДОМАНОВСКИЙ

Дружеские строки

В Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина сохранилось малоизвестное письмо выдающегося художественного критика В. В. Стасова к двоюродному брату Н. Г. Чернышевского, академику А. Н. Пыпину, по поводу его статьи «Русские сочинения Шевченка», опубликованной в марте 1888 года в журнале «Вестник Европы».

«...Я с живым интересом прочел Вашу статью о Шевченке,— пишет Стасов,— я его лично знал довольно много и в разное время беседовал с ним, глубоко его уважал и ценил, и потому мне в высшей степени симпатично то, что Вы о нем говорите и как отстаиваете права малороссийской литературы и поэзии».

Н. Черников

→ **ГОРНЯКИ ЧИАТУРЫ РАПОРТУЮТ** о большой трудовой победе. К работе приступили три новых марганцевых рудника: «Дарквети», «Мгвиливи-Храми» и «Зеда-Ргани», а также Дарквегская обогатительная фабрика, самая мощная в этих местах.

Отличный подарок преподнесли чиатурцы к сороковой годовщине установления Советской власти и создания Компартии Грузии.

На снимке: Чиатура. Новая обогатительная фабрика.

Фото С. Миракова.

→ **МОЛОДЫЕ ПАТРИОТЫ**, сооружающие Ахан-Гаранский цементный завод, крупнейший в Средней Азии, решили в честь XXII съезда нашей партии сдать первую очередь предприятия во втором квартале этого года, на шесть месяцев раньше срока. Комсомольско-молодежный коллектив держит слово.

Сырец для цемента будет подаваться с карьера месторождения на завод по транспортеру протяженностью более шести километров.

На снимке: Комсомолка Раиса Бондарчук на строительстве цементного завода.

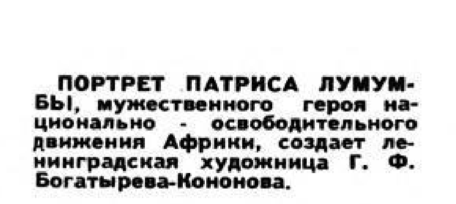
Фото Г. Пуна (ТАСС).

→ **КЭТРИН ПОЛУЧИЛА ПОДАРОК.** Эта маленькая англичанка, десятилетняя Кэтрин Манди из деревни Брайтуэлл, очень рада. Ее коллекция кукол увеличилась. Недавно она написала письмо в Москву Н. С. Хрущеву с просьбой прислать ей русскую куклу. В ответ пришел подарок — русские матрешки.

Фото Юнайтед Пресс Интернейшнл.

ПОРТРЕТ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ, мужественного героя национально - освободительного движения Африки, создает ленинградская художница Г. Ф. Богатырева-Кононова.

Фото Г. Копосова.

Самарканд – пр

Рассказ

Майя ГАНИНА

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Очень черное небо и белый узкий месяц. Бирюза. Холодно теплящаяся бирюза купола и пропасть каменного двора. И темная масса камня и керамики, навалившаяся, стеснившая пространство. Гур-Эмир. Могила эмира, могила великого Тимура, гигантский прекрасный саркофаг...

Пахнет жареной кукурузой — теплый хлебный запах; несвежей теплой водой из арыка. Очень теплый вечер. Теплая земля, теплые извивы решетки чугунных ворот, теплые стволы чинар и чайхонов.

Гур-Эмир. Есть еще Шахи-Зинда, мечеть Биби-ханым, могилы эмирских жен. Бирюза керамических плит, резное дерево, мозаичные орнаменты: треугольники, кресты, круги, шестилапые звезды, змеиные обрывки арабской вязи — автографы согнанных со всего мира мастеров. Нигде не повторяются, везде говорят о своем, о том, что люди на земле живут очень давно.

Дома, в России, об этом не задумываешься, там даже не веришь в это. Наоборот, кажется, что все началось с тебя.

С детства мечтала побывать в Самарканде и Бухаре, потом можно умирать.

Вениамин щелкнул спуском, вспыхнул и погас блиц. Фото на обложку: «Гур-Эмир ночью». Рубаха расстегнута, видна волосатая грудь, ему даже и сейчас жарко и душно: возраст, сердце. Уже три года они везде ездят вместе: Вениамин фотографирует, Наташа пишет маленькие очерки.

Они идут по теплым каменным плитам, медленно идут, и каждый шаг — туп, туп — возникает и гаснет где-то позади. За темным провалом входа вдруг желто трепещет свет и доносится протяжное: «Алла бисмилла, рахмани, рахим...» Мусульманин творит вечерний намаз, текут имена аллаха «бессмертного, мудрого, милосердного...».

Наташа останавливается. Но Вениамин входит внутрь, сторож берет три рубля и, охотно прервав молитву, ведет их к надгробьям. Торопливо, по-русски объясняет, кто похоронен, какая тонкая кружевная вязь у мраморной обрешетки, почему расколот черный нефрит Тимурова надгробья, перевирает имена захороненных здесь сыновей Тимура. Все это они уже слышали от него днем.

Ступени — каждая, как обрыв, везде почему-то такие.

Наташа присаживается на корточки, трогает пальцем мраморный цветок, выбитый в могильной плите: под ним истлело сердце Тимура. Как он называл Биби-ханым? Биби-хонча, Биби-гуль?..

Ездила с эмиром в походы, с ней Тимур советовался в трудные минуты. А может, была красавицей, мало разбирающейся в нелегкой, сложной доле жестокого мужа, утеха после тягот и забот?

Неважно, он любил ее, горевал, потеряв, и построил, чтобы не забыли, мечеть...

Тимур... Пока не съездишь в Ленинград, толком не понимаешь, что такое был Петр; лишь в Самарканде узнаешь Тимура.

Какая жизнь досталась человеку, какая судьба!

Несколько лет назад ей пришлось разговаривать с одним старым геологом; все время хотелось спросить: а он понимает, какую жизнь получил? Сколько из нее можно выкроить оседлых, покойных, ясных?.. Кто заведует этим — сам человек или что-то иное, что раньше называлось роком?

...Вениамин присел на плиту. Наташа настроит себя, а потом сама верит, что ей обязательно нужно это: прийти ночью, подержаться за желтый камень, под которым давно прахом рассыпалось жилистое тело властолюбивого хана. Вроде бы о себе не думает, но, в общем, все вокруг себя. Тщеславно, победно живет сейчас рядом с Тимуром, меряет себя по нему...

Они идут к гостинице, Наташа понижает голос:

— Слышишь, тленный запах движется за нами? Слышишь? Вот отстал...

Вениамин усмехается, произносит какую-то тяжелую остроту, но сердце стучит чаще. Может быть, старику и на самом деле пришла в голову блажь проводить горячую поклонницу? Скучно веками под каменной плитой...

Здесь все необычно, всему верится...

Они расстаются на лестнице, Вениамин мгновение смотрит, как Наташины ноги в белых босоножках поднимаются со ступеньки на ступеньку. На носок — и снова на носок, вздрагивают, пошлепывая по пяткам, задники с тонким каблуком, напрягаются, сразу обозначиваясь округлой полосой, мышцы.

И спать.

Но не спится.

Вениамин курит, сидя на подоконнике, думает о своих детях, о себе. Он был четвертым сыном зубного врача и учительницы; его дети — дети фотокорреспондента и домашней хозяйки. Сын кончает институт, дочь замужем, внуков нет. Жена — просто женщина... Вспоминает свои фотографии: люди, витрины магазинов, силуэты улиц, торжественные заседания, реки, обрывы, облака, ковши экскаваторов, кабины самосвалов, загорелые плечи, лица, лица... Москва, Петрозаводск, Севастополь, Сибирь, Урал, Казахстан, Арктика... Это его жизнь.

У него отечная кожа и еще густые пряди волос, эффектно спадающие на высокий лоб. Седые, а ему все кажется, что русые...

Когда бессонница, о чем только не передумаешь,— и он думает о Наташе. От окна — до двери, и снова к окну, медленно, шаг за шагом. Он привык к ней, как к дочери...

Выше этажом Наташа сидит на подоконнике, шевелит пальцами босых ног, ест кишмиш. На сердце блаженно, будто впереди уже никогда не будет ничего тяжелого.

Внизу лежит самый прекрасный город, Самарканд. Его освещают месяц и звезды.

На другое утро вместе с заведующим сельхозотделом обкома они едут в колхоз. Заведующего зовут Даулат-джан, шофера — Архон. Теперь пойдут мелькать колхозы, каракулевые, шелкопрядильные, чайные фабрики, детские сады, школы... Поездки, поездки — все для того, чтобы нащелкать несколько снимков и написать две странички текста.

Колхоз... Хлопчатник, десятки гектаров садов, персики величиной с голову ребенка, стандартные домики колхозников — филиал рая на земле. Пожилой председатель в тюбетейке на бритой голове объясняет, улыбается... Идет сбор хлопка, горячка, но корреспонденты, иностранцы, всякие делегаты и гости едут, едут почти каждый день.

Вениамин фотографирует девочек с бровями, крашенными усмой, а загорелых ушах — серебряные сережки. Фартуки с хлопком у них висят почти до земли, макушки — вровень с жестколистными пыльными кустами, тонкие пальцы ловко выхватывают из растопыренных коробочек белое волокно. Они собирают двумя руками, а ведь когда-то так работала только одна Мамлакат, ее фотографии печатали на обложках журналов...

— Комбайн? Пока стоит: надо, чтобы раскрылись все коробочки. Видите: снизу куста раскрылись, середина — зеленые, верх — еще цветок.— Председатель улыбается, опуская вежливые глаза.

Вениамин не настаивает, но и не мешает Наташе допытываться, так ли хорош комбайн, как пишут; почему окна в красивых домах колхозников наглухо заложены подушками и одеялами. Она уверена, конечно, что умеет вызывать на откровенность. Председатель вежливо повторяет свое: хлопок еще не созрел для комбайна. Даулат-джан начинает говорить о несовершенстве конструкции, о сорности... Вениамин сидит, поджав ноги на чорпое [1], застеленной кошмой, тянет из пиалы горячий кок-чай, равнодушно смотрит, как Даулат-джан несмело касается полной и смуглой Наташиной руки.

Потом пьют водку, едят плов и персики, едут домой. Наташа заходит на почту — узнать, нет ли писем. Нет.

Вечером в летнем театре Вениамин скучает, слушая солистов и хор, оживляется на балете. Наташа следит за дирижером, автором оперы, потом идет поздравлять его за кулисы. Сама не знает, что ей понравилось: опера, дирижер ли — красивый таджик с умным лицом.

И снова бессонница. Вениамин медленно ходит по номеру от окна к двери.

Когда бессонница, о чем только не передумаешь,— и он думает о Наташе. Ей тридцать лет, она разведенная, давно разведенная жена. Он припоминает мужчин, которые за эти три года как-то крутились возле нее. Начальник строительства целлюлозного комбината — красивый, молодой... Механик на Братской ГЭС — красивый, молодой... Геолог из поисковой партии на Урале — красивый, молодой... Никто не преуспел. Почему?

Вениамин задумчиво улыбается, прислоняется плечом к дверному косяку. Он вспоминает Наташиного мужа: мужчина как мужчина, доцент, заведующий кафедрой в Свердловском университете. Но забыт уже...

Все равно не заснуть. Вениамин ходит от окна к двери — и опять к окну.

Утром в район. В райкоме Наташа разговаривает с инструктором, бывшим депутатом Верховного Совета республики. С готовностью женщины она рассказывает Наташе о себе, о детях, заботах, болезнях. Вениамин фотографирует ее за столом, потом на улице в широком узбекском платье и шелковой шали — это будет неплохой снимок. Потом они едут в горы — там пионерлагерь, потом в детский туберкулезный санаторий, потом ужинают в ошхоне, потом домой.

Когда бессонница, о чем только не передумаешь,— он думает о Наташе. Ей тридцать лет, она славная... От окна к двери — и опять до окна. Третий штурман Станислав Гуров... Из последней командировки возвращались они по Волге теплоходом. Вениамин, хмурясь, вспоминает чернявое смазливое лицо, полноватую для молодого мужчины фигуру.

От окна к двери — и опять от двери до окна. В сущности, что она видела? Конечно, когда говорят ласковые слова и целуют руки, это трогает женщину...

От окна до двери. Желает он ей счастья? Конечно... Только не с Гуровым. А с кем?

Он ходит по номеру, тиская за спиной пальцы и передергивая плечами. Он высок и сутул, у него голубые навыкате глаза и густые пряди волос, спадающие на лоб. Седые, а ему все кажется, что русые...

Колхоз. На этот раз отстающий. Концерт артистов районной самодеятельности прямо у костра, потом разговор с председателем, ужин. И опять Наташа смотрит на председателя добрыми глазами и говорит о том, что ей очень нравятся узбекские обычаи, что на

[1] Чорпоя — деревянная кровать.

…екрасный город

полу, на мягких курпах[1] сидеть удобней, чем на стульях, что плов, приготовленный председателем, очень вкусный. «Как жаль, что мы не женимся!» — неуклюже шутит председатель. Вениамин усмехается, Наташа хохочет. Председатель смущенно отводит глаза, он молод еще, ему тоже не больше тридцати.

Наташа наклоняется к Вениамину.

— А что, если бы я и вправду вышла за него замуж?

Она медленно улыбается, по лицу проходят какие-то тени мыслей.

Вениамин пожимает плечами.

— Тебе нельзя пить.

Они спят на ковре в одной комнате с артистами самодеятельности, а утром едут в Самарканд. Наташа забегает на почту — узнать, нет ли ей писем. Нет...

Ходят по чайной фабрике, вечером смотрят «Проделки Майсары». Этой ночью Вениамин засыпает сразу. Наташа крутится с боку на бок, наконец встает, прямо в трусах и лифчике садится на подоконник.

Коленями она чувствует грудь, кожей шеи ощущает свои теплые черные косы — их она распускает на ночь, чтобы быть красивой для себя. Она видит сейчас себя, любит себя.

У нее черные глаза, черные волосы на пробор, широкий белый лоб. Она любит сейчас себя, ей неспокойно.

— «Ну,— говорю я Юрке,— баба на мостике, значит, не плыть мне этим пароходом... А оказалось, все наоборот».

Четко, кадр на кадр накладываясь, встают в памяти рассказы Гурова о жене, о том, как, окончив речной техникум, должен он был ехать в Астрахань — денег ни копейки, только банка консервов. Попросился на пароход, где первым штурманом была женщина, ставшая после его женой...

Можно написать об этом интересно, вся беда, что похожих историй писано немало. Любил — разлюбил. Какая тут философская подоплека?..

Тридцать лет — и ничего серьезного не сделано: маленькие легкие очерки — «фитюльки», как зовет их Вениамин. Но она еще напишет...

Наташа перекидывает косы за спину, выпрямляется. Она представляет сейчас, как она ходит, очень прямо неся голову: у нее такая осанка. Как улыбается. У нее очень красивые зубы... Она нравится себе.

Но это ерунда... Главное, что она еще напишет. Она бережет впечатления для книги, которая будет, как взрыв, как откровение, как расщепление атомного ядра... Еще никто не написал подобной книги, а сколько легенд на всех языках о человеке, который пел,— и, не думая, шли за ним дети и взрослые, друзья и враги. Еще не написано такой книги...

Там будет все. Плоское небо над плоскими крышами, костры — мальчишки сушат над ними дойры. Дойра — это круг, обтянутый звонкой кожей. Рокот дойр. Глухо — кожа еще сырая,— потом громче, громче; и вот люди в коротких халатах на крышах низких домиков сотрясают черные огромные круги, напряженная ладонь и пальцы выбивают дробь, — разламывается лунный свет: тревога, тревога, все сюда!.. Приходят люди, садятся вокруг костров на сухую землю, смотрят. Полыхает красное пламя — и все время сушат дойры, чтобы чистым и глубоким был звук, — и поют, и пляшут, и хлопают, и кричат так долго, что узкий месяц становится круглой желтой луной.

А после расходятся — и для всех ужин. Она сидит на ковре, поджав ноги, и смотрит на председателя. Председателя отстающего колхоза. Отстающий?.. Два года назад колхоз имел полтора миллиона убытков, сейчас — пять миллионов дохода. Для нашей средней полосы это совсем неплохой колхоз, но в Узбекистане... И председатель, который два года назад был бригадиром. Его лицо...

Колхоз табаководческий — это совсем немеханизированный труд, это гораздо менее выгодно, чем хлопок. Трудно собирать, трудно сушить, трудно низать лист за листом на длинную крепкую нить. «Нужна машина! — несколько раз напомнил председатель.— Очень машина нужна, трудно людям. Напишите, пожалуйста».

Насколько симпатичней по-человечески этот председатель, чем тот, пожилой, хитрый. Так и не сказал, чем ему плох комбайн. А глаза вежливые...

Написать бы обоих, покопаться, разобраться в душе у того и у этого, понять, почему каждый живет и поступает по-своему, угадать, что думает...

Наташа спускает ноги с подоконника, твердо упирается спиной в раму. Сейчас она уже не помнит о себе, сейчас в ее сознании уже лица, лица, слова, мысли, люди. Так сидит долго, щеки горят — она пишет и читает ту книгу, которой, наверное, никогда не суждено быть написанной.

Потом ложится и в постели еще долго размышляет о Славке Гурове, о том, почему от него нет писем. Задремывая, она тщеславно улыбается, вспоминая всякие мужские взгляды. Ей нравится думать, что она красивая, нравится думать, что ждет ее безоглядная, страшная любовь. Настоящая любовь, не та, что была, когда она жила в Свердловске.

Днем они опять ездят, а вечером Наташа заходит на почту — узнать, нет ли ей писем. Нет...

Она знает, что не заснет, и зовет Вениамина побродить. Темно, и город притих, только шуршат арыки да потрескивает высыхающая вода на облитых тротуарах. В городском саду жарят шашлыки, тянет горелым салом. Пахнет жареной кукурузой — теплый хлебный запах, теплой пылью. Очень теплый вечер...

Идут молча: все переговорено за три года, почти безошибочно угадывается, о чем молчит другой. Вениамин покачивает локтями, глядит под ноги. Пустынно, шаги, отдаваясь, опережают их, висят в воздухе.

— С тобой, Наташка, хорошо молчать, — говорит Вениамин.— И вообще ты, по-моему, хорошая...

Наташа взглядывает на него. Неужели ей так плохо, что он ее жалеет?.. Плохо?

— Идем в гостиницу,— говорит она.

Наташа лежит, положив щеку на сгиб локтя: сегодня ей даже лень распустить волосы...

Эвакуация, смерть матери, завод, а потом

[1] Курпа — ватное одеяло.

поступила в редакцию местной газеты курьером. Однажды заметила: их ночной сторож читает книгу с латинским шрифтом. Тогда она даже не умела разобрать, на каком языке. Он сказал, как книга называется, кто ее написал. Сказал, откуда приехал.

Вениамин говорит, что она любит выдумывать себя и людей.

Ночной сторож, читающий на испанском... Жалкий, бесхарактерный человек, который много знал и ничего не мог. Хорошо это или плохо, когда людей выдумывают?.. В конце концов он поверил, что талантлив, что все может, что обаятелен. Через пять лет он получил научную степень, стал заведовать кафедрой... Спустя восемь месяцев после развода Наташа уже не жалела. Рыбья кровь, лягушечий темперамент, ограниченность...

Хорошо ли это, когда выдумываешь людей?.. Славку выдумала?.. Да нет, чего там выдумывать! Он некрасив, читает только приключенческие романы, размышляет в основном о футболе и шахматных партиях. Правда, он любит музыку и сам неплохо играет на пианино. Вероятно, поэтому она начала думать о нем, о том, как обделила его судьба счастьем, возможностью продолжить музыкальное образование...

Славка... Он — это не он, это мысли о нем в одиночной каюте, это Волга со смытыми берегами и покойной, будто искусственной водой, это разговоры с ним обо всем. Это ее вахты в рубке, это гудки встречным, гудки, как слово, как голос доброго. Это белые трепещущие флаги отмашки, это Славка на мостике, старающийся под ее взглядом так пристать к дебаркадеру, чтобы мягко коснулись кнехты борта, чтобы, не дай бог, его не «раскорячило» отвальным ветром, чтобы, и лежа в каюте, узнавала она его почерк... Это серое небо, набухшее дождем, это белесо-голубое, распахнувшееся пламенем, это синее, глубокое, мягкое... Это Углич с васильковой звездной церковкой «на крови», это Ярославль, это бесконечное качание в шлюзах...

Нет, не сможет она его забыть.

...Чопан-ата, отец чабанов. Здесь он ударил бичом и разрубил Заровшон пополам на два потока, черный и белый: Кара-дарью и Акдарью. Здесь, за линией железной дороги, остатки моста-вододелителя, построенного Тимуром, здесь, на высоком голом холме, стоит памятник русским солдатам, погибшим при взятии Самарканда в конце прошлого века...

Они оставили машину на обочине шоссе и дальше двинулись пешком. Впереди Архон — их шофер и проводник, за ним, стараясь не отставать,— Наташа, далеко внизу — Вениамин.

Солнцем по горькой от полынного ветра коже, кожа сохнет, обугливаясь; плавятся горячие бессильные кости, основа твоего тела, та основа, которая когда-нибудь переживет тебя. Одни люди смертны, другие бессмертны. Если бы каждый человек был бессмертен, оставлял после себя что-то, люди давно бы обжили все галактики. Почему это не так?.. По лености, по равнодушию?.. Ведь у каждого человека к чему-то талант, в чем-то он обязательно может превзойти самого себя.

А у меня есть талант? Там ли он, где я ищу?..

Иногда мне кажется, что я везучая, что я счастливая, а иногда мне так не везет... Неужели меня нельзя любить?.. Может, я слишком думаю о себе, и у меня нет дара служить, или, боясь разменяться, я засушила в себе что-то?.. Ничего не знаю...

Какой была Биби-ханым? Почему Тимур, имевший множество женщин, любил одну ее и одну ее увековечил? Какой должна быть женщина?..

Господи, как я хочу счастья, счастья в его обычном человеческом понимании: прийти домой и видеть не старую тетку, которую все раздражает, которая каждую минуту напоминает тебе, что ты живешь из милости, а семью.

Чтобы крепко спать ночью, но обязательно услышать, как повернется маленький на соседней кровати, произнесет сонно: «Ма...»,— и отозваться тут же: «Я здесь, папа, спи...» И ладонью почувствовать, как дышит под мягкими волосенками теплое темечко, толкается твоя кровь.

Чтобы, если горько, можно было ткнуться лбом в чью-то пуговицу, чтобы тебя погладили по спине и сказали: «Брось, переживем! Не такое переживали...»

Неужели теперь уже ничего этого не будет? Тридцать лет... Сначала хочется чего-то необычного, сначала кажется, что все не то, торопясь, проходишь мимо: вперед, вперед — вот оно, еще немного... И ничего нет. И начинаешь возвращаться назад: хоть небольшого, хоть какого-то счастья, а необыкновенного, огромного, наверное, и не бывает...

Валя, давняя моя институтская подружка... Встретила на курорте, сошлась, родила — и шесть лет живет письмами, редкими приездами в «командировку», да еще иногда удается провести вместе отпуск — и тогда счастье. Он ходит с дочуркой, а она готовит, стирает, штопает — имеет семью, имеет о ком заботиться, кого кормить...

Неужто так — и больше ничего? Славка... Он разойдется с женой, мы будем вместе, ну... и все?.. Не знаю.

Солнцем по горькой от полынного ветра коже, кожа сохнет, обугливаясь; плавятся горячие бессильные кости... Но уже дошли. Вот он, белый обелиск, скоро будет сто лет, как его обвевают жаркие узбекские ветры.

Невозможно все уметь, невозможно успеть, поэтому с возрастом приходит разумная ограниченность, и начинаешь ловить себя на равнодушии: а зачем мне это?..

Взошел и Вениамин, тяжело хватая ртом воздух, вжимая в лоб мокрый платок. Огляделся. Какие у него сейчас потухшие, недовольные глаза, как повисли книзу углы губ!.. Он надоел мне, он мне неприятен, потому что иногда чудится в нем будущее, потому что я боюсь стать такой, как он. «Наташенька, в твои годы я тоже...» Тоже носило его по разным черт знает каким дальним углам, тоже увлекался, тоже не мог усидеть на месте...

Он смотрит на памятник, усмехается.

— Возьми Архона под руку, я сфотографирую вас тут.

Писем нет.

Какое дело городу, если его покинули трое?

СТАТЬ НЕ ПОД СТАТЬ

В. ПОЛЫНИН

Который год я воюю с дочерью:

— Так ты скоро начнешь носом задевать за буквы, старухи за столом сидят прямее.

— Папа, мне так удобно.

— Можешь ты хотя бы стоять не сутулиться?

— Папа, я так привыкла.

— Это не только вредно! Еще в старину говорили: без осанки конь — корова...

Я был готов уже смириться, но тут случайно попал в Центральный детский театр на вечерний спектакль. В антракте вышел в фойе. В огромном зале по навощенному до блеска паркету, среди зеркал, в ослепительном свете люстр прохаживался юный зритель. И тут, где, казалось, сама обстановка, праздничная и торжественная, заставляла распрямить плечи, развернуть грудь, подтянуть всю фигуру и приподнять подбородок, тут, словно резко диссонирующая нота, привлекала на себя внимание то сгорбленная спина, то острием торчащая лопатка, то косолапая походка, то кособокая поза. А сколько их было в одном фойе!

Я пришел на прием к заведующему Московским городским отделом народного образования А. И. Шустову и излил ему мою тревогу.

— Ну уж, — улыбнулся А. И. Шустов, — не думаю, чтобы все обстояло так печально. Наша школа борется за статного ученика. Мы следим за тем, чтобы в классах становилось все светлее, чтобы парты приходились по росту, чтобы в классах висели плакаты, на которых изображено, как ученик должен сидеть за партой, в новых школах парты старого типа мы стараемся заменить партами нового типа, столами. Так что, как видите, работа проводится. Да вы сходите в школу и посмотрите. Ну, хотя бы в 151-ю. Там даже проводятся уроки ритмики.

Но не случится ли и тут, что я буду так же, как в театре, слишком придирчив к школьникам?

Вот почему я предварительно посетил Институт физического воспитания и школьной гигиены. Он создан при Академии педагогических наук РСФСР и хотя существует недавно, но осанкой детей здесь занимались много, тщательно, и за короткое время вас не только научат объективно оценивать осанку каждого ребенка, но могут показать отчеты и таблицы, по которым у вас сложится довольно ясное представление об общем положении дел в этой области:

«...Нарушения осанки являются до настоящего времени широко распространенными среди городских и сельских детей дошкольного и школьного возраста. Несмотря на это, школьные врачи и педагоги уделяют нарушениям осанки очень мало внимания».

Валентина Владимировна Анисимова вопросами осанки занимается давно, защитила на эту тему диссертацию, только вчера проводила новое обследование в 5-м классе «Б» 659-й московской школы.

— Из шестнадцати мальчиков только трое имели правильную осанку, а у девочек из тринадцати — только одна.

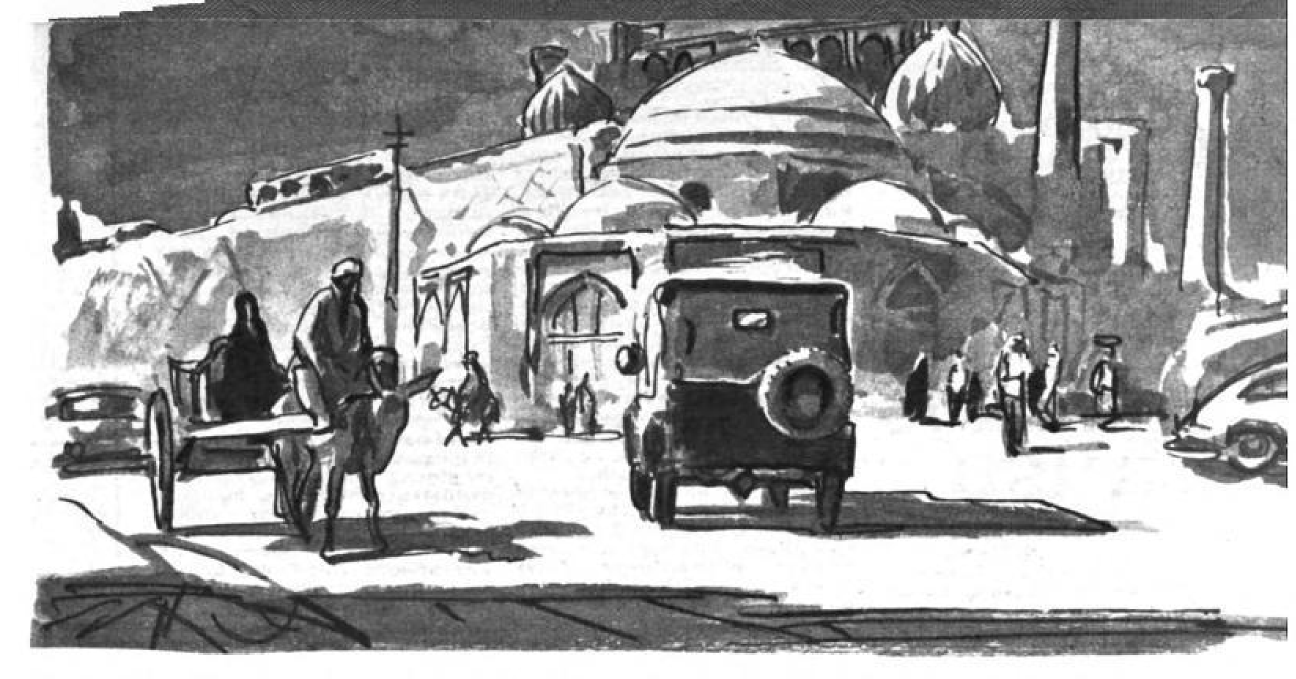
Вероятно, заведующий Мосгороно — и не только он один, разумеется, — не подозревает о существовании этих неутешительных данных. И не потому ли эти цифры выглядят так неутешительно?

— Точно установлено, — говорит Валентина Владимировна, — отчего нарушается правильная осанка у детей. Часто дети сами не знают, какой должна быть хорошая осанка. И когда их просишь держаться нормально, они из добрых побуждений принимают карикатурную позу. И не только родители, но и учителя забывают, что научить ребенка нормально сидеть, стоять, ходить нельзя с помощью лекций, отдельных замечаний и нравоучений. Вы ведь не приучите ребенка ежедневно чистить зубы, вытирать ноги при входе в помещение, мыть руки перед едой, если не будете напоминать ему об этом до тех пор, пока это не войдет у него в привычку. Тут необходимо терпение, терпение и терпение. Кстати, не последнюю роль здесь играет и личный пример. Родители, сами привыкшие залезать локтями на обеденный стол, напрасно будут одергивать ребенка, если он сутулится за своими тетрадями.

Конечно, если родители воспитывают своих детей вопреки рекомендациям современной педагогической науки, врачам-гигиенистам приходится лишь ограничиваться проповедями по радио, статьями в печати, выпуском популярных брошюр; применение санкций тут исключено. Но в школе?

В каждой школе есть врач, при каждой районной поликлинике — специальные кабинеты по исправле-

Он стоит двадцать три столетия и будет стоять. Эту землю мяли подошвы разной обуви. Разве стены мечетей и минаретов, стены старых школ, которые называются мадраса (или медресе, как почему-то принято говорить у русских), могут запомнить следы, которые оставил на них пристальный взгляд чьих-то глаз?.. Могут, оказывается, если ходить по этой сухой, пыльной земле, любя каждую травку, каждый камень, если взгляд твой не равнодушно, не с праздным любопытством скользит по многовековым плитам, а старается взять с собой то, что видит, сделать несмываемый отпечаток в сердце... Тогда происходит необратимая реакция, и стены помнят, что было время, смотрели на нас добрые глаза, ходили мимо белые босоножки. Стены, как и люди, любят, когда их любят...

Самарканд — самый прекрасный город на земле.

Бухара... Город, закрытый от палящих лучей серыми куполами, город, где в узкой, как арык, улице не разминутся два ишака, город, где у большинства рыжих, как шерсть верблюда, домов сохранилась средневековая «балхона» — выступ над первым этажом. Если нужна экзотика — пожалуйста! Я живу в мадрасе Надир-Диван-беги, построенной в 1622 году, огромной красивой мадрасе с мозаичным орнаментом на высоченном портале. Там изображены птица Семург и олень. Портал отражается в воде Лябихауза — здесь самое уютное место в городе.

В этой мадрасе — гостиница, и я поднимаюсь по необыкновенной высоты ступеням, поднимаюсь весьма оригинальным способом: сначала закидываю ногу, потом упираю ладонь в колено, потом уже подтягиваю другую... Я сплю в худжре — келье, где каменный потолок высок, как небо, где под ногами холодные плиты, а в стенах — ниши, ниши на восток, откуда восходит солнце, дарующее жизнь всему на этой земле.

Я полюбила Бухару меньше, чем Самарканд, и я не оставляю здесь своего сердца. Может быть, я просто не поняла ее души? Ведь это бывает и с людьми: встретятся два хороших человека, у них, допустим, рядом места в вагоне. Но у одного плохое настроение, а другой застенчив — и люди расходятся навсегда, так и не узнав друг друга. А могли бы узнать, настроиться на одну волну и быть чем-то богаче в жизни, когда расстанутся.

Если человека вынуть из мира и поместить в сосуд, то что он, даже самый гениальный? На каждом человеке отпечатки многих — и тем он богат. Тем он богаче, чем больше людей может в себе вместить он один...

Я возвращаюсь в Самарканд.

Что мне там нужно?.. Мне нужно поговорить с той женщиной, бывшим депутатом Верховного Совета. Понимаешь, я не могу до сих пор забыть ее нежные, беспокойные глаза, обведенные кругами, и синие ногти. Она все просила меня: «Может, будете в Ташкенте в министерстве разговаривать, так скажите вот о чем...»

Было стыдно слушать ее, стыдно записывать в блокнот ее просьбы. Журнал иллюстрированный и не ставит себе задачей критику: на то есть газеты.

Вениамин тоже говорит: «Брось, не мелочись! Важно взять главное, мелочи — дело газетчиков, а потом я из опыта знаю, что все в конце концов утрясется».

Может быть, он и прав. Не мое дело добиваться, чтобы ремонтной мастерской отпустили два килограмма меди и десять штук конических шестерен. Но для меня есть другое — написать об этой беспокойной больной женщине, у которой пятеро детей, которая покорно свыклась с мыслью о том, что скоро умрет, но просит все-таки меня хлопотать об этих шестернях и об этой меди. Для меня есть другое: понять эту женщину, понять председателя табаководческого колхоза, понять многих хороших и плохих людей, которых встречала и запомнила.

Какими надо писать людей? Есть теория, что древние греки приукрашивали натуру, оставив нам совершенных Аполлонов и Венер. А почему не поверить, что были такие люди? Человеку с брюшком, забывшему о том, что есть спорт, есть физический труд, есть таежные и горные переходы, не поверить, что тело человеческое может быть прекрасно. И он говорит: приукрашивали...

Человека не надо приукрашивать, его надо понять. Понять, пропустить через себя, и дальше он уже — ты...

Наташа сидит рядом с Архоном, глядит на дорогу. Косы у нее подняты высоко, на загорелой шее трепещут от ветра волоски. Сейчас она не думает о том, что она красивая, желанная для многих; она видит сейчас ту книгу, которой, может быть, никогда не суждено быть написанной... А где-то, еще глубже, идут мысли о Славке, что-то тоненькое, тоскливое скребет сердце.

Вениамин дремлет. Машина останавливается, он открывает глаза. Наташа выходит из дверей почты — на щеках два пятна, в руках письмо. Захлопывает дверцу.

Вениамин видит круглые, красиво законченные буквы: у него дальнозоркость.

«Здравствуй, Натаха!

Очень соскучился, но все некогда было сесть написать. Думаю о тебе, вспоминаю, как ты бегала по нашей галоше. В твоей каюте едет какая-то не очень молодая тетя, переводчица. Мы с ней каждый вечер, как я сменяюсь, садимся за шахматы. Я два раза уже продул. Петька все так же ходит ни трезвым, ни пьяным, допрыгается, что его спишут на баржу... Вчера встретили во время моей вахты «Петропавловск», погудел своей благоверной. Она тоже начала было гудеть в ответ, да сорвалась, видно, рука — вышел пшик...»

Наташа дочитывает и опускает письмо, Вениамин видит в зеркальце ее лицо. Сердце у него падает.

— Наташа,— кричит он,— Наташка, родная, он же не стоит тебя!..

Архон ведет машину, будто и нет никакого разговора, ни обид, ни надежд, только асфальт, стелющийся под колеса, только прекрасный, веками созданный город.

нию осанки. Каждый педагог знаком с основами школьной гигиены. Беда в том, что осанка учеников считается делом третьестепенной важности.

Стоило ли после всего того, что я узнал в институте, идти еще в школу 151-ю?

— Мы ту школу не обследовали, — сказала Валентина Владимировна. — А вдруг она как раз и составляет приятное исключение на общем не совсем приятном фоне? Тогда с этой школы могли бы брать пример остальные.

Руководит 151-й школой замечательный человек и замечательный педагог, заслуженная учительница РСФСР Таисия Ивановна Ходоровская. Но вот в рассказе Таисии Ивановны о том, как наша школа борется за «стройного, красивого», а не только «успевающего» ученика, прозвучали совсем не те ноты, что я слышал в заверениях руководителя Мосгороно.

— Давно известно, что неудобная парта портит осанку школьника. Найдите хоть одну школу, где размеры парт соответствуют росту учеников. Таких школ я не знаю. Мы продолжаем приобретать у нашей промышленности парты XIX века. Несколько лет назад мы купили для нашей школы вместо громоздких парт легкие удобные столы. Причем школе, а следовательно, и государству это обошлось в три раза дешевле. Пытаясь исправить вредное влияние парт, которые заставляют учеников сидеть в неправильных позах, мы меняем учеников местами, чтобы школьная доска находилась от учеников попеременно то справа, то слева. На свой страх и риск часть уроков физкультуры мы заменили уроками ритмики и учили детей правильно стоять, ходить, танцевать, понимать музыку. Физкультура и ритмика — великолепное сочетание для выработки хорошей осанки.

— Мне в гороно особенно указали на это полезное ваше начинание.

— Но это, и на мой взгляд, очень ценное начинание пришлось отменить. Никто из работников Мосгороно не возражал, по существу, против введенного нами мероприятия, но и никто не поддержал его. Потому что тогда пришлось бы перестраивать учебный план: ведь он не предусматривает уроков ритмики...

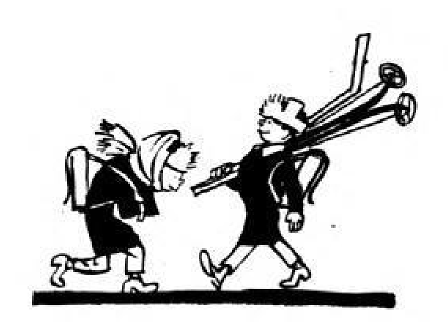
Обращали вы внимание, — продолжает Таисия Ивановна, — что дети вылетают после занятий из школы, как дробь из ружья? Нехорошо? А разве хорошо, когда под предлогом соблюдения порядка мы лишаем детей в школе всякой подвижности? Настоящий порядок был бы тогда, если ученик во время перемены бегал бы, лазал, прыгал, кувыркался, играл и вообще находил выход своей вполне естественной неистощимой энергии. Ведь медицина доказала, что только таким способом можно распрямить плечи ребенка, разогнуть его сутулую спину, выше поднять подбородок. В нашей школе мы раздвинули уроки так, чтобы среди них образовалась тридцатиминутная брешь, и эту перемену ребята с радостью проводят на дворе. Вы видели наш двор?

— Прекрасный двор! — восхищаюсь я. — Столько цветов!

— А я выброшу все эти цветы, — энергично перебивает Таисия Ивановна. — Зачем в школьном дворе цветы? Им место где-нибудь в парках и скверах. А в школе, если двор мал, из-за этих цветов не набегаешься и не напрыгаешься вдоволь. А что, если бы превратить школьный двор в сплошной зеленый ковер, знаете, как футбольное поле?

И когда школьный врач развернул перед нами свои статистические выкладки, мы с Таисией Ивановной лишний раз убедились, что статных учеников в 151-й московской школе не намного больше, чем в любой из тех школ, откуда ученые-гигиенисты черпают свои малоутешительные сведения.

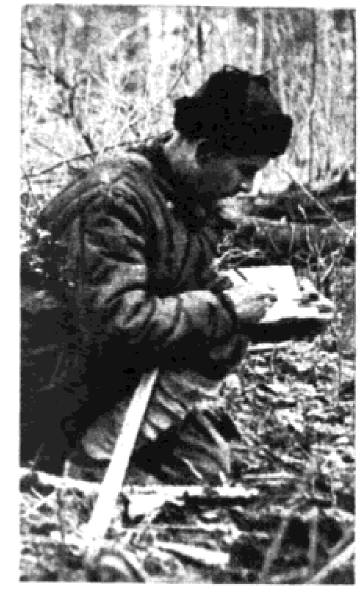
...По пути домой я зашел в магазин и купил брошюры, изданные в помощь родителям. Из них за один вечер я узнал, как воспитать статную осанку у ребенка домашним способом. Вероятно, по тому же пути пойдут и многие заинтересованные родители. Но вот как добиться, чтобы советы врачей-гигиенистов выполняла еще и школа? Ведь стать наших школьников нам совсем не под стать.

Honoris causa

...Форма присуждения ученой степени доктора геолого-минералогических наук Евгению Леонидовичу Кринову была совершенно непохожа на обыкновенную защиту диссертации. Не было официальных оппонентов и отзывов о диссертации. Не было и самой диссертации и автореферата. Членами Ученого совета являлись академики и члены-корреспонденты Академии наук СССР. А сам «защищаемый», Е. Л. Кринов, присутствовал на годичном собрании Отделения геолого-географических наук академии как гость. И когда председательствующий академик Д. И. Щербаков назвал Е. Л. Кринова выдающимся советским ученым в области метеоритики, автором более 200 опубликованных научных и научно-популярных работ, зал оживился, ища глазами Евгения Леонидовича, скромно сидевшего в последнем ряду.

Е. Л. Кринов во время очередной экспедиции в район падения сихотэ-алинского метеоритного дождя.

Фото Г. Малинкина.

Интерес, вызванный к Е. Л. Кринову, был понятен. Ученая степень доктора геолого-минералогических наук ему присуждалась без защиты диссертации, «honoris causa». А сам Евгений Леонидович, ставший крупным ученым, не только не заканчивал в свое время аспирантуры, но даже не имел высшего образования...

Когда он впервые заинтересовался метеоритами?

Может быть, это было, когда Женя Кринов впервые прочел «Путеводитель по небу» К. Д. Покровского... А может быть, и позже, когда двадцатилетний Евгений Кринов, астроном-любитель, отправился первый раз с экспедицией Академии наук СССР под руководством Л. А. Кулика на место падения знаменитого Тунгусского метеорита.

Больше года провел он в глухой сибирской тайге, изучая следы происшедшей здесь космической катастрофы.

А затем потянулись новые и новые экспедиции в самые различные районы страны. Евгений Леонидович обследовал места и условия падений метеоритов. И почти с каждой поездкой метеоритная коллекция Академии наук СССР пополнялась новыми экспонатами, собранными этим человеком.

Нужно сказать, что в то время не было еще систематизированных данных о падениях метеоритов на Землю, не было исчерпывающих монографий или руководств по данному предмету. Да и представления о специфических особенностях метеоритов, их структуре, физических свойствах, условиях их образования были далеко не такими полными, как теперь, и порой были даже ошибочными.

В 1939 году на Украине, в Сталинской области, близ хутора Жовтневый, выпал крупный каменный метеоритный дождь. Е. Л. Кринову удалось собрать многочисленные образцы выпавших метеоритов и изучить их морфологические свойства.

С этого времени определяется дальнейшее специальное направление в научных исследованиях Е. Л. Кринова.

Начав с практических наблюдений астронома-любителя, Е. Л. Кринов вошел в науку как большой специалист в интереснейшей новой области — морфологии метеоритов.

В 1947 году на Дальнем Востоке выпал сихотэ-алинский железный метеоритный дождь. Изучение сихотэ-алинских метеоритов дало Кринову целый ряд важных новых данных об условиях падения метеоритов на Землю и их разрушении. Но особенно плодотворными оказались исследования морфологических свойств частей сихотэ-алинского метеоритного дождя. Именно в это время ученому удалось установить природу частиц пылевых следов, остающихся после полета болидов, и открыть метеорную пыль.

Что представляет собой метеорная пыль?

Это продукт разрушения метеорного тела во время движения в атмосфере — затвердевшие капельки расплавленного вещества метеорита, имеющие форму правильных шариков диаметром в десятые и сотые доли миллиметра. Впоследствии Криновым установлено присутствие четырех форм внеземной пыли на Земле и дана схема классификации этой пыли.

Итогом многолетних исследований ученого-энтузиаста явилась книга «Метеориты» — первая обширная монография, изданная на русском языке. А годом позже, в 1949 году, свет увидела новая монография Кринова — «Тунгусский метеорит».

Работы Е. Л. Кринова по метеоритике были удостоены Сталинской премии.

В новой работе, «Основы метеоритики», Кринов изложил все основные данные этой науки и впервые в истории дал ее определение и содержание.

Изучение метеоритики представляет колоссальный интерес и теснейшим образом связано с вопросами межпланетных сообщений и освоения космического пространства. Кроме того, что особенно важно, эти «гости из космоса» помогут ученым разрешить проблемы образования метеоритов и их роль в возникновении и эволюции солнечной системы.

И очень много для решения этих важнейших задач сделал скромный советский ученый Е. Л. Кринов, президент Международной метеоритной комиссии.

Вот почему ученая степень доктора геолого-минералогических наук ему была присуждена без защиты диссертации, «honoris causa».

И. М. ДВОРОВ,
консультант Отделения геолого - географических наук Академии наук СССР.

Всегда боец

Микеланджело говорил: сбросьте статую с горы — что отколется, то лишнее.

Про рисунок можно сказать иначе. Спрячь рисунок и через месяц постарайся вспомнить: что забыл, то было лишним.

В работах Бориса Ивановича Пророкова забывать нечего: здесь главное все. Его рисунки врезаются в память, и, раз увидев, их невозможно забыть.

...Три женщины в черных траурных платках. Одна закрыла лицо рукой, чтобы не видеть огромного рва, забитого трупами. Старуха, с усталым, смиренным и добрым лицом, не закрывает лица: за долгую, трудную жизнь она обрела мужество. В руках ее теплится тоненькая, неверным огнем горящая свеча. Третья, молодая девушка, не плачет, она смотрит на трупы широко раскрытыми, налитыми болью и ненавистью глазами. Иногда слова звучат, как клятва. Этот взгляд — та же клятва. Такая никогда не забудет, никогда не простит и будет мстить и бороться за то, чтобы глаза других не видали ничего подобного никогда, нигде... Таков лист Пророкова «У Бабьего Яра» из серии «Это не должно повториться».

И вот совсем другой рисунок — «Мать». Женщина, широкоплечая, сильная, с гордой осанкой, кормит грудью ребенка. У малыша спокойное, полусонное лицо, как будто на земле мир и тишина. Но мать не смотрит на своего ребенка, как извечно смотрят все матери мира на своих детей, кормя их. Лицо ее сурово. За спиной у нее винтовка... Это не должно повториться!

Люди не должны гибнуть в пламени атомной бомбы! И матери мира не должны, кормя малышей, ощущать за своей спиной холод винтовки...

Художники ставят перед собой разные задачи. Матисс, например, хотел, чтобы его творчество было «чем-то вроде хорошего кресла». Другие ищут в искусстве только выражения своего внутреннего «я». Для них весь мир лишь материал для вдохновения, поэтому они приемлют мир таким, как он есть, и не стремятся его переделать. Творчество Пророкова — это совесть, страсть, радость и гнев. В его работах нет мелочности, красивости, болтливости — всего того, что присутствует в произведении искусства, когда его автору нечего сказать.

Мазок Пророкова лаконичен и смел. Формы обобщены, его не занимают детали: он должен сказать главное, и это придает рисункам выразительность и монументальность.

Разных людей рисует Пророков, но обо всех он рассказывает языком острым и точным, языком прокламаций, листовок, плаката, языком поистине монументального искусства. Так говорят политические ораторы и трибуны, политическая страсть придает их словам силу.

Еще 18-летним юношей Пророков получил первую премию «Комсомольской правды» за лучший политический рисунок. С тех пор прошло более 30 лет. Работа в газетах, в осажденном, блокированном Ленинграде, фронт, поездки по стране — все это научило Пророкова считать, что рисунок так же действен, как слово, как оружие, как винтовка.

Во всех работах Пророкова чувствуется героический, непобедимый оптимизм. Он присущ самому Пророкову, который, несмотря на тяжелую контузию, героически совершает свой подвиг художника; он присущ его героям.

«Сердце мое полно солнца»,— писала француженка Даниэль Казанова.

Сердца героев Пророкова полны солнца даже тогда, когда суровы их лица, а руки сжимают винтовки,— это солнце надежды, солнце борьбы, солнце победы.

А. ЖУКОВА

Есть ли на Урале ледники?

Со школьной скамьи мы знаем, что граница между Европой и Азией проходит по Уральскому хребту, протянувшемуся на две с лишним тысячи километров от берегов Северного Ледовитого океана до знойных полупустынь Приаралья. Но не всем известно, что на Урале есть ледники.

Дело в том, что первые исследователи этой горной страны считали невозможным существование там современных ледников из-за незначительных высот хребта и континентальности климата. Интересно, что в статье «Урал», опубликованной в 1932 году в Малой Советской Энциклопедии, сказано следующее: «Ни постоянного снежного покрова, ни ледников на Урале нет...»

Но на самом деле ледники на Урале есть. Они расположены в северной части древних гор — на Полярном и Приполярном Урале.

В 1957 году в северной части Полярного Урала, у озера Большая Хадата, расположенного в 80 километрах к востоку от Воркуты, была организована научно-исследовательская гляциологическая станция Института географии АН СССР. За прошедшие три с лишним года с начала работ по программе Международного геофизического года ученые-гляциологи провели обширный комплекс исследований. Они изучали строение и скорость движения ледников, накопление и таяние снега и льда.. Большое внимание уделялось климатическим условиям оледенения Полярного Урала. Если до начала Международного геофизического года на Полярном и Приполярном Урале было известно лишь 45 ледников, то уже к концу 1960 года число вновь открытых ледников увеличилось до 120!

Чем же можно объяснить жизнедеятельность полярноуральских ледников?

Влажные воздушные массы, приходящие в основном с запада, приносят на северную часть Уральского хребта обильные снегопады. Сильные западные ветры сдувают снег с вершин и несут его на подветренные склоны. Скапливающиеся здесь снега не успевают стаять в течение короткого лета и постепенно превращаются в лед. Таким образом, зарождаются ледники, которые медленно движутся. Они заполняют креслоёвидные углубления гор и залегают на открытых склонах, где производят большие разрушения, формируя горный рельеф Урала, напоминающий остроконечные вершины Альп и Кавказа. А множество глубоких каровых озер Полярной части Урала придают его природе неповторимое своеобразие...

Евг. ЗИНГЕР,
научный сотрудник Института географии Академии наук СССР.

У Бабьего Яра.

Б. Пророков. ИЗ СЕРИИ «ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ».

За колючей проволокой.

81

На обороте:
МАТЬ.

«Огонек».

Тревога.

Хиросима.

Шведт шагает в завтра

Б. ГУРНОВ

Фото автора.

Город называется Шведт. Вероятнее всего, это название вам ничего не говорит. И не удивительно. Ведь даже здесь, в Германии, до самого последнего времени Шведт считался таким захолустьем, где, по местной пословице, «лисы говорят «спокойной ночи».

В довоенном словаре Брокгауза сказано, что в округе крестьяне выращивают табак. В городе достойными упоминания оказались сигарная фабрика да старинный графский замок. Вот и все, что за семьсот с лишним лет городской истории смогли оставить потомкам прежние обитатели и хозяева Шведта — местный маркграф со своими приближенными. Булыжные мостовые, густо обсаженные приземистыми разномастными домиками, две церкви, парк, две закусочные, одна из которых теперь называется «Городское кафе».

С полудня до часу в кафе полно и шумно: обедает рабочий люд. В остальное время редкие старички за столиками медленно пьют пиво, играют в скат и, как в былые годы, пытаются формировать общественное мнение.

— Теперь это очень трудно,— вздохнул мой случайный застольный знакомый местный старожил Карл Кремпнер.— Все изменяется так стремительно, неожиданно, широко.

Разговор состоялся на третий день нашего обеденного знакомства. В первый мы просто раскланялись, во второй поздоровались, пожелав друг другу приятного аппетита. На третий я спросил:

— Что новенького?

Кремпнер, не задумываясь, ответил:

— Все! Все новое. Новые люди, дома и улицы, новые слова и разговоры даже здесь, в кафе. Раньше все важнейшие события — а было их, не считая церковных праздников, дай бог два в году — происходили перед окнами кафе, на перекрестке главных улиц. Теперь за всем, что происходит в городе и вокруг, не уследишь, даже если заберешься на колокольню.

Новое, молодое и сильное сердце древнего города теперь — крупнейшие промышленные новостройки. Наступая на город из чащи окрестных лесов, они целиком захватили его, вовлекли в стремительный темп созидания нового.

По решению Социалистической единой партии Германии и правительства Германской Демократической Республики здесь будут воздвигнуты нефтеперерабатывающий комбинат и бумажная фабрика. Бывший захолустный Шведт станет центром создаваемого здесь нового гигантского промышленного района.

Нефтеперерабатывающий комбинат в Шведте! Поначалу это известие многих удивило. Ведь как ни старались люди в течение многих десятков лет, они не смогли выжать из немецкой земли ни капли нефти. И все-таки комбинат спроектировали и начали строить. Нефть придет! Каждую минуту тонны жидкого золота будут поступать в ГДР по мощному нефтепроводу из Советского Союза, страны, откуда, неся весну новой жизни, шестнадцать лет тому назад пришли в Шведт, на берега Одера, русские парни в солдатских шинелях.

«В каждой капле нефти отражается братское единство и сплоченность мировой системы социализма» — написано на большом плакате в центре города. Чуть пониже, рядом с флагами тех социалистических стран, куда пойдут ответвления нефтяной артерии дружбы,— схема будущего нефтепровода: Польша, Чехословакия, Венгрия. Самый длинный, протянувшийся на запад луч обрывается у города Шведта.

То, что на плакатной схеме обозначено маленьким условным знаком нефтекомбината, сейчас огромный прямоугольник развороченной земли, желтеющий в темно-зеленом окружении соснового леса. Посредине качаются на ветру три сосны. «Пальмами Тонне» в шутку называют их строители по имени Гейнца Тонне, партийного секретаря стройки. В последний момент, когда расчищали участок, отведенный для строительства нефтекомбината, секретарь предложил оставить хотя бы три дерева на память о подвиге пионеров стройки, пришедших сюда в начале 1959 года.

Быть может, со временем, когда три высокие сосны затеряются средь цехов фабрики искусственного волокна, которая по плану комбината должна быть воздвигнута на первом участке строительства, здесь будет установлен монумент в честь первых строителей. Впрочем, может, его и не нужно: гигантский комбинат увековечит их подвиг. А три сосны будут напоминать о тех трудностях, которые преодолели первые строители, пробудившие к новой жизни этот дотоле глухой край.

Со всех концов республики собрались и продолжают прибывать в Шведт добровольцы-строители. Стройка нефтекомбината объявлена ударной молодежной. Кое-кто теперь уже склонен равнодушно произносить эти слова: прошла, мол, новизна, яркий порыв первого почина...

— Не согласен! — резко стукнул кулаком по столу Гейнц Тонне, когда я заговорил об этом.— В сорок девятом — пятидесятом, когда добровольцы уходили на новостройки, всюду было еще нелегко, всюду чувствовались последствия войны. А сейчас молодой человек меняет на палатку или койку в общежитии теплый родительский дом, сознательно идет на ограничения, на большие трудности во имя будущего.

— Какой из объектов, сданных в истекшем году, вы считаете самым важным? — спросил я у участников совещания руководящих работников стройки.

— Фундамент цеха № 2,— прикинув что-то в уме, медленно ответил руководитель стройки Вальтер Мельцер.

— А я считаю помещение «Ротер Трефф»,— возразил Гейнц Тонне.

Мельцер удивленно взглянул на партсекретаря.

— Подумаешь, объект — комната в общежитии!

Потом вдруг мотнул головой, смущенно улыбнувшись, согласился:

— Верно. Не будь этого, не видать бы нам высоких процентов плана.

«Ротер Трефф»—«красная встреча» — так называют на стройке экстренные летучие производственные совещания рабочих бригад с инженерами, представителями общественных организаций и администрации. Такую «летучку» может собрать каждый работник стройки, от начальника до чернорабочего, если обнаружит узкое место в работе, отыщет причину брака или придумает что-нибудь новое для улучшения качества работы и повышения производительности труда.

...Рано-рано, задолго до утренней зари, в том конце стройки, где высятся еще невидимые в предрассветной мгле цилиндрические громады баков нефтехранилищ, вспыхивают огненно-голубые светлячки электросварки. Словно вышли они на смену медленно гаснущим звездам. Мерцающие светлячки на баках горят весь день, незаметные в солнечных лучах, и снова мигают строителям безошибочным ориентиром вечером, когда на огромную стройку спускается ночь и на небе загораются звезды. И кажется тогда, будто рождаются эти звезды из ярких искр голубого пламени электросварки.

Работа у сварщиков точная, трудная, опасная. Часами на ледяном ветру, на двадцатиметровой высоте варят они сейчас предохранительные поручни для безопасной работы тех, кому в будущем придется подниматься на крышу огромных резервуаров. А сами? «Привыкли»,— говорят. И шутят: «Держимся за воздух».

В прошлом году, когда стройке потребовались первые сварщики-монтажники, на месте специалистов не оказалось. Пришлось пригласить из других городов. Приехали они не по молодежным путевкам, а по объявлению. Особенно прельстила их та его часть, где говорилось, что по соглашению сварщикам будет гарантирован заработок значительно выше среднего. Народ собрался опытный, пожилой, тертый. Цену себе знают, торгуются, не продешевят. Выговорили они себе по договору с администрацией гарантированную постоянную ставку из расчета 160 процентов ежедневного выполнения нормы.

Дождь ли, снег, работа или простой, вынь да положь эти деньги. В день получки от кассы отходили с ухмылкой: уметь, мол, надо устраиваться. Устраивались они так до тех пор, пока не пришли в бригаду молодые, беспокойные люди: Фределин Фогнер, Бальдур Буш и Райнер Штукар. Попытались они вовлечь бригаду в общее социалистическое соревнование — не удалось. Предложили устроить конкурс на лучшее рационализаторское предложение по повышению производительности труда и экономии материалов — снова неудача. На пути всякого новшества, словно непреодолимая, глухая стена, искусственно завышенный заработок.

— К чему шуметь и кипятиться? — урезонивали молодых энтузиастов стройки бригадные старожилы.— Зарабатываем, слава богу, хорошо, больше все равно не дадут.

— А нам и не нужно! — с жаром говорил Фределин Фогнер

ВОКРУГ НАС

Штаб защиты растений

В лаборатории.

Фото Г. Копосова

В особняке на Исаакиевской площади Ленинграда разместился штаб по борьбе с вредителями сельского хозяйства — Всесоюзный научно-исследовательский институт защиты растений. Отсюда лаборатория прогнозов, которой руководит доктор сельскохозяйственных наук И. Я. Поляков, сообщает на места, в каких зонах ожидается появление вредителей растений.

На стенах лаборатории расположились, будто живые, пушистые водяные крысы, проволочники, короткохвостые суслики. Вот малый суслик, немного больше мыши, но сколько хлопот доставил он в минувшем году хлеборобам Западного Казахстана! Авиация, мощные наземные агрегаты с сильнодействующими ядами были брошены против этих зверьков. И все же они успели истребить тысячи гектаров пшеницы. Еще более грозный вредитель — зерновая совка. Гусеница этой бабочки невероятно прожорлива. Прошлым летом было уничтожено много совки, и все-таки она нанесла вред посевам в Северном Казахстане.

Крохотные, но ненасытные льняные блошки... Защитники растений спасли от них в прошлом году не одну сотню гектаров посевов и собрали дополнительно 26 тысяч тонн волокна и 60 тонн льносемян.

Слушаешь рассказ ученых о значении борьбы с вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур и понимаешь: вот где еще колоссальный резерв повышения урожая.

Разрабатывая долгосрочный прогноз распространения массовых вредителей и болезней сельскохозяйственных культур, лаборатория профессора Полякова пользуется исследованиями и наблюдениями ученых своего института и сообщениями агрономов, биологов, химиков, физиков, инженеров-механиков, экономистов сотен других научных учреждений разных краев страны.

В прогнозе распространения вредителей и болезней, представляющих серьезную опасность для сельского хозяйства, учтены не только данные научных учреждений, но и использованы сведения метеорологической службы о климатических условиях, ведомственные отчеты, в которых зафиксированы все виды сельскохозяйственных работ, проведенные в течение года.

Погода, агротехника, хозяйственная деятельность колхозов и совхозов имеют прямое влияние на рост или снижение активности вредителей. Хорошо провели предпосевную обработку семян — ухудшили условия для размножения грызунов и вредных насекомых; оставили под снегом неубранные валки скошенного хлеба — помогли спокойно перезимовать вредителям.

В некоторых районах Сибири и Казахстана в прошлые годы сильно затянули уборку обильного урожая. На полях осталось зерно. Этим воспользовались совка, суслики, клопы-черепашки. Они вдоволь напитались, выросли, разжирели. Им стали не страшны никакие морозы, они легко перенесут самую суровую зиму. Лаборатория сигнализирует, какие весной появятся вредители. Расплачивайтесь за бесхозяйственную уборку! Встречайте во всеоружии врага, которого сами вскормили...

Профессор И. Я. Поляков достает из шкафа объемистую книгу. Это долгосрочный прогноз возможного распространения вредителей и заболеваний растений на 1961 год. В нем учтены все особенности минувшего сельскохозяйственного года, даны и рекомендации, какими средствами и методами лучше повести наступление на вредителя.

Лаборатория предсказывает: защитников растений ожидает напряженный труд. Не теряя ни одного дня, они уже сейчас могут спланировать весь комплекс работ, заранее привести в готовность все могучие средства: химические препараты, ручные механизмы, тракторные и автомобильные агрегаты, самолеты и вертолеты.

К. ЧЕРЕВКОВ

В НАШЕМ КВАРТАЛЕ

В обыкновенной школьной тетради аккуратные записи: «Памаевым к 12 часам. Торт на 1 200 грамм «Юра и Валя, поздравляем вас с днем рождения. Мама, Таня». «Симоновой к 3 часам. Торт 1 шт. 1 кг. Пирог с яблоками — 1,5 кг. Пироги с мясом — 2 кг.

Козловой к 10 утра. Торт 1 кг. «С законным браком. Геннадий, Маша Козловы...»

Эта своеобразная летопись семейных торжеств — книга заказов домовой кухни.

Три года тому назад ра-

Молодой кондитер Аня Ращупкина. Ее изделия любят во всех семьях восьмого квартала.

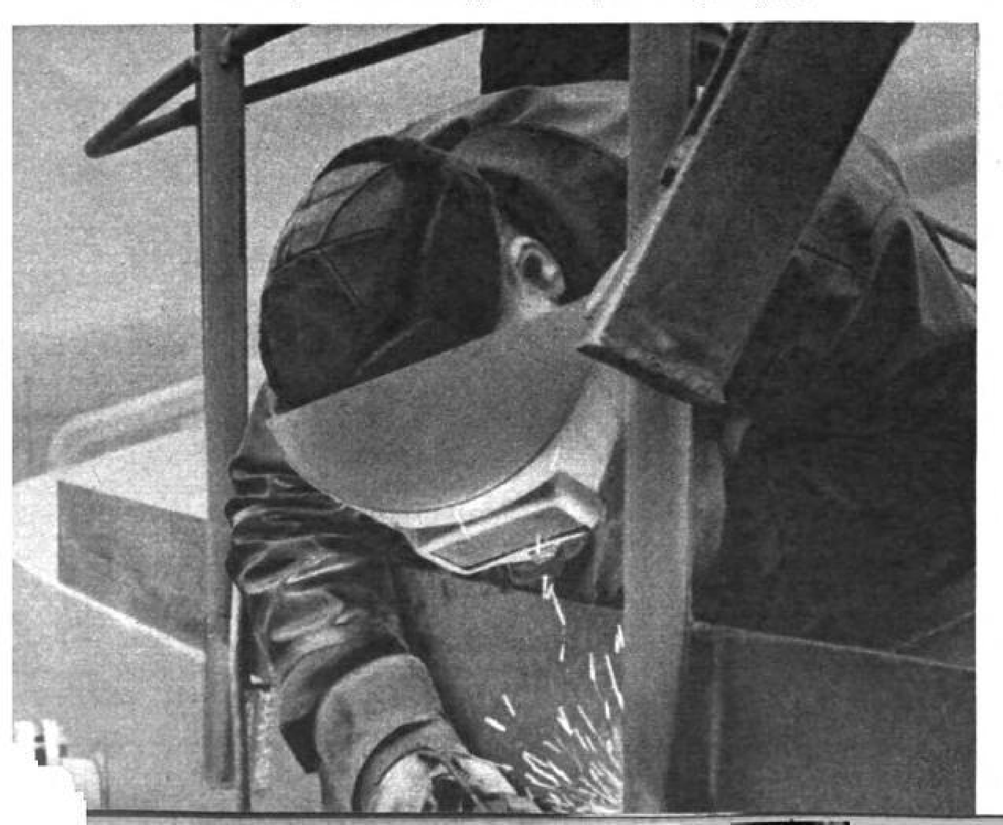
Фото Ю. Хренова.

партсекретарю Тонне и руководителю молодежного штаба стройки Граупперу.— Не в деньгах дело, а в справедливости. Не хотим мы больше ни с того ни с сего быть государственными пенсионерами. Хотим сдельщину. Что заработал, то и получи...

Накануне встречи на «Ротер Трефф» в бригаде сварщиков был крупный разговор со «старой гвардией». О чем шла там речь, не говорят. Должно быть, о социализме, справедливости и нормах. Не случайно же на «Ротер Трефф» вся бригада единогласно просила администрацию ввести для сварщиков равные со всеми условия — сдельщину.

Можно планировать, а потом сравнивать сухие цифры выполнения производственных заданий, судить о качестве работников и руководителей по кубометрам вынутой земли и тоннам перевезенных грузов, по километрам проложенных труб и дорог. Но то, как меняется человек, как побеждает в его душе новое, хорошее, не уложишь в схемы, цифры и проценты. Ведь создание осязаемой, зримой материальной базы еще не все и, пожалуй, даже не самое трудное в борьбе за победу социализма на немецкой земле.

Здесь работают молодые мастера электросварки.

В Берлине рассказывают ставший анекдотичным случай, происшедший в университете на занятиях по русскому языку. Один из студентов спросил преподавательницу: «Почему по-русски трудно сказать «вы»?» Даже в песне поется.— И затянул строку из «Подмосковных вечеров»: — «Трудно вы-сказать и не вы-сказать»...

Забавное языковое недоразумение. А ведь в немецком языке в действительности есть местоимения, выговаривать которые многим старожилам Шведта приходилось очень трудно, особенно в первые годы народной власти. Это «мы» и «наше» вместо «я» и «мое».

«От «я» к «мы» — этот короткий лозунг определяет суть важнейшего процесса рождения на немецкой земле нового человека социалистического общества.

В Шведте этот процесс активно начался лишь три-четыре года назад, когда перед городом открылись ставшие ныне явью широкие перспективы будущего. Началось с курьеза, с того заседания городского совета, о котором теперь и вспомнить не могут без смеха. После того как стало известно о планах строительства в окрестных лесах гигантского нефтекомбината, один из депутатов внес на рассмотрение сессии горсовета жалобу своих избирателей: группа грибников обратилась к городскому парламенту с просьбой воспрепятствовать строительству на том основании, что в случае сооружения комбината будут вырублены участки леса и придется слишком далеко ездить за грибами...

Прошло с той поры три года. В окно старого кафе теперь упирается еще покрытый строительными лесами угол нового дома. На лесах плакат: «20 тысяч часов добровольно бесплатно отработали на новостройках Шведта граждане нашего города. К концу семилетки методом народной стройки построим 3 тысячи новых квартир».

Три тысячи новых квартир в городе, где шесть тысяч жителей! «Было»,— уточняет бургомистр Хартман и, развернув огромный план, рассказывает о том, что будет со Шведтом к концу семилетки. К 1965 году, когда будут готовы ныне строящиеся комбинаты, население города вырастет минимум втрое. С колокольни, самой высокой точки города, бургомистр и главный инженер Бернхард Ват-

— ДОМОВАЯ КУХНЯ

ботники Лебяжинского железного рудника поселились в огромном доме в новом восьмом квартале Нижнего Тагила. Тогда же открылась здесь домовая кухня. Она быстро завоевала популярность. Многие забегают сюда, торопясь на работу, чтобы «на ходу» выпить чашку кофе, закусить свежими беляшами или вкусными блинчиками.

Но особенно оживленно бывает на кухне перед обедом и вечерами. Более трехсот готовых обедов, около шестисот различных полуфабрикатов мясных и рыбных блюд ежедневно готовят здесь.

В раздаточном зале мы говорили с постоянной посетительницей домовой кухни Евфалией Тимофеевной Черных.

— Что я беру сегодня? Полкилограмма пельменного теста и фарш. Тесто здесь прекрасное, лучше и дома не приготовишь. Можно купить и пельменное, и кислое, и слоеное. Вчера заказывала пироги с мясом и капустой, очень вкусно приготовили — вся семья хвалила повара. Сын у меня — инженер, невестка — врач, оба работают, а по хозяйству я одна и за внучкой смотрю. Домовая кухня очень облегчает мою жизнь. Выбор не маленький: в меню всегда 6—7 готовых блюд и не меньше десятка различных полуфабрикатов. А главное, ходить недалеко. Сами мы контролируем работу кухни, следим за порядком, чистотой, кое-что поварам подсказываем...

Нет, пожалуй, квартиры в доме 23/40, где бы не пользовались домовой кухней.

А. ГРИГОРЬЕВ

Еще три лося взяты на учет.

Перепись сохатых

Воздушное такси. Воздушный пожарный. Воздушный строитель...

Поистине безгранично применение авиации в народном хозяйстве.

Совсем недавно у нас появился еще один воздушный работяга.

...Самолет летит над лесной опушкой. Вспугнули стаю тетеревов, веером разлетелись птицы в разные стороны. Грузно снялся с верхушки сосны глухарь. Меж заснеженных холмов промелькнул табунчик косуль.

Наш самолет ищет встречи с лесным великаном — лосем. И не затем, чтобы его убить. Цель иная.

Под крылом машины — лесная чаща. Она хорошо просматривается с птичьего полета. И хотя кругом много валежника, учетчик, который сидит рядом с пилотом, ясно видит поднявшуюся с лежки семью лосей: быка, корову и двух телят. И вот в бортовом дневнике появляется первая запись: «Четыре головы».

Воздушный статистик продолжает полет над лесным массивом. Обнаружены еще пять семей и два теленка, каким-то образом отбившиеся от родителей.

В большом, вытянувшемся вдоль болота осиннике на кормежке удалось найти 28 сохатых.

Полеты над окрестными лесами продолжались несколько дней. А потом в костромской госохотинспекции подвели итоги воздушной переписи. Они несказанно обрадовали местных охотников: сейчас в области три тысячи двести лосей. А ведь было время, когда их считали буквально по пальцам.

Лоси давно уже находятся под надежной защитой советских законов. Каждый случай браконьерства тщательно расследуется. Почти полностью истреблены злейшие враги этих животных — волки.

Сохатые питаются молодыми побегами осины, сосны, березы, ивы. И когда их слишком много в лесу, они наносят немалый вред лесопосадкам. Поэтому время от времени приходится прибегать к отстрелу животных. Тогда на обеденных столах многих любителей-охотников появляются вкусные блюда, приготовленные из лосиного мяса.

В. БОРОНИН

Буратино танцует

Театр оперы и балета в Уфе показал новый балет композитора Наримана Сабитова «Буратино». Сказка о деревянном человечке и о Мальвине, девочке с голубыми волосами, понравилась не только ребятам, но и взрослым. Этот веселый, темпераментный, яркий спектакль создан талантливой молодежью театра.

Э. ВОЛОВИЧ

Сцена из балета «Буратино». Арлекин — В. Савельев, Мальвина — Э. Тимиргазина, Пьеро — И. Бугров. ↓

Фото Р. Мухаметова.

силевский объяснили мне, как все это будет выглядеть в натуре.

— Вон там, чуть к востоку, будет новый городской центр. Современнейший комплекс из стали и стекла. Дугой изогнется вокруг него ряд жилых корпусов на одиннадцать тысяч жителей. Новые общественные здания — по шестнадцать — восемнадцать этажей. Весь поток транспорта пойдет по кольцевой магистрали.

Размечтавшись, бургомистр и инженер широкими жестами мысленно перекраивают по новому плану кривые улочки старого города.

— Но ведь там повсюду стоят дома, многие из которых, должно быть, принадлежат еще частным лицам? — спросил я.—Что, если они не согласятся на переселение?

— Бывает и так,— согласился Хартман,— но упорствуют чаще всего в силу привычки или по незнанию наших планов. Спустимся, покажу одну такую упорствовавшую.

Дом фрау Гихе окружен толстой, высокой стеной. А живут за этой стеной всего два человека— сама хозяйка да ее сестра. По сравнению с огромными корпусами, что выросли вокруг, дом кажется карликом, а стоит в одном ряду с ними на основной магистрали города, что идет к будущему центру от памятника советским воинам. По плану дом намечено снести, а на его месте построить школу. Старой хозяйке говорили об этом уже давно, предлагали множество различных вариантов переселения, а она ни в какую.

Все ее бывшие соседи уж давно переехали в новые, благоустроенные квартиры. На месте их разномастных домиков выросли многоэтажные гиганты, а крепость ничем не объяснимого собственнического упрямства Гихе все держалась. Вплоть до самых последних дней, когда надо было решать: ломать мешавший стройке старый дом или, застопорив всю стройку, пересматривать проект. Тогда за это дело пришлось взяться самому бургомистру. Подошел он к дому, постучал— никакого впечатления. Только услышал, как за дверью дома-крепости звякнули опускаемые запоры.

Тогда решился бургомистр на хитрость. Перешел на другую сторону улицы, чтобы из окон дома было видно, как он уходит, обошел кругом квартал, выждал и снова постучался к Гихе, на этот раз со двора. Старуха открыла, смутилась, но делать нечего. «Заходите,— говорит,— милости просим, господин бургомистр». После этого дня несколько раз еще побывал бургомистр у несговорчивой старухи. Рассказал о будущем города, показал проекты, планы, а потом вместе пошли смотреть новую будущую квартиру старой домовладелицы.

Так пал очередной, но не последний бастион старого Шведта, который зачастую лишь после длительного, упорного сопротивления отступает перед неудержимым натиском нового. Того нового, что неузнаваемо изменило и с каждым днем меняет все больше землю и людей в этом разбуженном крае.

— Испокон веков пожилые люди жили минувшим, гордились, хвастались своим прошлым,— удивлялся мой знакомый Карл Кремпнер.— А теперь, послушайте, гордятся настоящим, думают и мечтают о будущем. Ведь это же вопреки законам!

Да, вопреки старым законам! На земле Шведта вступил в силу новый закон, самый правильный и справедливый из всех существовавших прежде,—закон социализма, который несет большое, счастливое будущее маленькому древнему городу.

Шведт.

— Это и есть «крепость» фрау Гихе,— говорит бургомистр Хартман.

Не надо топт

Повесть

Николай **АСАНОВ**

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

7. Бригада и Александр

Стожарова опять не было в цехе. Присутствовал только его голос. Александр раза три звонил по телефону из заводоуправления, спрашивал, как идут дела. Шурочка холодно отвечала, что все в порядке. Термисты выправили положение с деталью «И18», теперь она шла нормально, так что Александр мог и совсем не звонить.

Но сама Шурочка не знала никакого покоя. Утром, идя на работу, она зашла к Александру, но его не застала, и соседка, с сочувствием оглядывая побледневшее и как-то сразу похудевшее лицо Шурочки, сказала:

— А наш Александр Александрович загулял! Вчера явился пьяненький, и на рубашке помада. Думала, он с вами хороводился, но вижу, вы не краситесь!

Бледные губы Шурочки совсем побелели, и она выбежала из дома, словно ее ударили.

Впрочем, дело было не в том, где и как проводит время Александр. Пусть хоть совсем не возвращается. А вот что делать ей, Шурочке? Она так отчетливо видела листы чертежей и красивую Аллу Борисовну над ними, руку Александра, водившую по этим чертежам и раскрывавшую перед практиканткой все тайны, что порой у нее от злости перекашивало рот. Она спохватывалась, когда становилось трудно дышать, выхватывала зеркальце из сумочки, глядела на себя и не узнавала. Вот уж не думала, что можно быть такой злой!

Но что же ей-то делать?

Ребята работали, пожалуй, лучше, чем обычно. Тут уж сказалась извечная забота об обиженном человеке. Они не знали, что произошло между Шурочкой и Александром, но душой чувствовали, обиженная-то она, Шурочка, и теперь старались изо всех сил не подать и виду, будто о чем-то догадываются. Только по предупреждающим сигналам, которыми они обменивались, если кому-то надо было обратиться к Шурочке, она понимала: ребята предостерегают того, кто идет к ней, чтобы, не дай бог, не заговорил об Александре Александровиче.

И еще одно: работали молча, без шуток, без разговоров. Станки гудели напряженно. Даже и те, кто любил порой уменьшить скорость, чтобы иметь возможность обменяться словом с соседом, сегодня стояли, как каменные, только руки двигались, снимая или ставя новую деталь, меняя резцы. Если так пойдет, то к вечеру будет рекордная выработка!

Шурочка обошла линию, на которой работала бригада Жени Ястребова, уловила сосредоточенный взгляд бригадира на своем лице, но Женя тут же отвернулся к резцу, будто не слышал по звуку, что резец идет с полным сопротивлением. Может, поговорить с Женей?

В конце концов это ведь Женя Ястребов

Продолжение. См. «Огонек» №№ 9, 10.

атъ цветы

предложил начать соревнование за звание бригады коммунистического труда. Женя предложил и тот знаменитый пункт о рационализации, благодаря которому к бригаде присоединился сам начальник участка Стожаров, подписавший все обязательства бригады. Шурочка подписывала обязательства последней. Она помнит: там был пункт «Вести себя по-коммунистически в обществе». Она еще спросила: «Что это значит?» Женя обиделся, сказал: «Как честный человек». Шурочка удивилась, спросила снова: «А мы разве бесчестные?» Александр тут же сказал: «Мы имеем в виду честное отношение к труду, к обществу, к товарищам...» «Ну, а сам-то Александр поступил честно?»

Тут она спохватилась: все эти два дня ни разу не назвала любимого своего человека Сашей! Только Александр, а то и Стожаров! Это про себя-то! В своих-то мыслях!

Они честно выполнили все обязательства, взятые перед собой и перед народом. Народ имеется в виду свой, цеховой, заводской. Они не печатали о соревновании в газете, им важно было, что они сами стали лучше, умнее, что ли, вдумчивее. Те, кому не пришлось окончить десятилетку, записались в вечернюю школу, начнут посещать с осени. Два человека ходят на курсы по подготовке в техникум. Составили расписание посещения выставок. Когда в районном Доме культуры организовался народный университет, записались. Прослушали уже две лекции. Даже Александр, более, так сказать, грамотный, культурный, посещал лекции и сказал потом Шурочке: «Знаешь, а это освежает голову!» Они сидели рядом на лекции о музыке.

Так что же ей делать?

Она не заметила, как снова вернулась к станку Ястребова. Женя смотрел преданно, осторожно, готовый сделать все, что она потребует. Его лицо побледнело от волнения. Но едва встретился глазами, опять склонился к резцу. А ей хотелось, чтобы его глаза спрашивали!

И, не помня как, сказала:

— Давай соберемся всей бригадой в перерыв...

Сказала и подумала: «Что я наделала!» Но Женя уже кивнул согласно, и ей ничего не оставалось, как отойти.

Вот когда ей стало и стыдно и трудно!

Что же это получается? Ведь это она свои личные переживания выносит на обсуждение бригады! И когда бывало такое, чтобы отношения между влюбленными приравнивались к производственному вопросу? Как и что она скажет?

Поднимется и начнет речь: «Все вы знаете Александра Александровича Стожарова. Он является творческим членом нашей бригады. Он полюбил меня, и я полюбила его. А вот теперь он вдруг заперся на три замка с этой практиканткой-дипломанткой Аллочкой Славиной, и чем они там занимаются — никому не известно...» Нет, известно. Он передает этой практикантке-дипломантке их общее достояние — проект автоматизации станочной линии номер три. Вот что он там делает! А провожает ли он ее, приходит ли с пятнами губной помады на сорочке или пьянствует вместе с ней по ресторанам — это неважно!

И тоже нет, важно! Важно потому, что он позорит звание члена бригады! Если они решили отлично работать, честно жить, учиться, повышать свой культурный уровень, так, будь добр, делай это! И не прячь глаза под взглядом товарища! И не будь бесчестным!

Все эти мысли она выстрелила, как из пулемета. Одну за другой. В яблочко! В центр мишени! И снова пошла по цеху, строгая, бледная, не тая больше страдальческого выражения в глазах, которые стали темнее, упрямее и даже как будто шире.

Гудок прозвучал резко, будто ударил по обнаженным нервам. Послышалось щелканье контроллеров — ребята выключали станки. Резиновые ленты конвейеров пошуршали немного и тоже стихли. И ребята сразу подошли к конторке. Никто не задержался у станка или возле приятеля, как обычно бывало в перерыве, никто не шутил, не запел, не бросился сломя голову вон из цеха—так тоже бывало,— молча подошли, усаживались возле конторки на скамьи, просто на пол, на ящики с деталями, и хоть бы кто спросил: «В чем дело?», «Из-за чего задержка?» — значит, ждали необычного.

Женя Ястребов, сидевший в расслабленной неподвижности, чтобы лучше отдохнул каждый мускул — он где-то вычитал про дыхательную гимнастику индийцев и упорно упражнялся в поисках «нирваны»,— вскочил на ноги, коротко сказал:

— Слово для сообщения имеет мастер Коробова...

В его голосе звенел металл. Шурочка подняла удивленные глаза: какая там «нирвана», какое спокойствие! Женя, видно, точно знал, что должна сказать Шурочка, хотя она сама совсем не представляла, о чем и как говорить. Но вот Женя оглянулся на нее, сказал: «Говори, Шура!» — и сел снова, на этот раз какой-то собранный, сухой, будто занял место судьи за длинным столом, а Шуру выставил свидетелем.

— Товарищи! — звонким — вот-вот переломится — голосом сказала Шура и умолкла.

Почему-то вспомнилась давняя прогулка с Александром по дачному перелеску и крик кукушки. Александр только загадал, сколько им жить вместе, а кукушка, громко вскрикнув, вот как сейчас Шура, вдруг задохнулась и смолкла. Еще небо было белесое, предгрозовое, и Александр, взглянув на него, заторопился домой, боялся за свой выходной костюм. Но дож-

да в тот день так и не было, а кукушка закуковала, когда они уже подошли к домику отца. Зачем она все это вспомнила? Ведь ей надо говорить!

Ребята удивленно ждали. Но она уже овладела собой. Заговорила она точными, резкими словами, сопровождая каждое взмахом руки, как будто в руке у нее был молоток и она обивала им гранитную глыбу, чтобы высечь из нее новый образ Александра. А может, разбивала его скульптурный портрет? Ведь у каждого влюбленного человека в душе создается этакий твердокаменный облик любимого. Вот она и била по нему изо всей силы:

— Товарищи, Александр Александрович Стожаров взял наш проект обратно из совнархоза! — Раз! — и отбит гордый нос скульптурного образа.— Он передал этот проект практикантке Славиной для того, чтобы та могла написать диплом! — Два! — и крупные красивые губы мраморного Александра отлетели прочь.— Своей рукой он задерживает техническое развитие нашего цеха, над проектом которого мы все думали много месяцев! — Три! — и отбитая рука статуи лежит под ногами Шурочки.— Его принудил к этому директор завода товарищ Баклагин из каких-то своих личных интересов, но разве у товарища Стожарова не было собственной головы, чтобы обдумать такой поступок или хотя бы посоветоваться с нами? — Четыре! — и пышноволосая каменная голова памятника летит прочь...

Она на мгновение остановилась и с ужасом взглянула на дело своих рук. Цельномраморный образ любимого был разбит вдребезги и валялся перед толпой бригадников грудой обломков. Они и сами-то смотрели на это святотатство со страхом. Шурочка вдруг закрыла лицо руками и опустилась на первый попавшийся ящик, боясь поднять глаза на товарищей. Наступило долгое молчание, которое она могла принять как осуждение своего поступка. Может быть, ребята думают сейчас, что она совершила предательство по отношению к любимому человеку? Разве так говорят о том, кого любят?

Ребята молчали, и Шурочке становилось все больнее и горше.

— Да, для нашей бригады это ЧП! — сказал ловкорукий старик Потапыч.

Он начитался детективной литературы и любил щеголять военными словечками. Сказал и замолчал, подобрал с полу щепку от ящика и принялся строгать ее перочинным ножом, выпуская из-под руки пышный павлиний хвост витой стружки, не отрывая глаз от щепки. И опять все долго молчали.

Женя Ястребов, не вынеся этого давящего молчания, спросил:

— А может, ты ошибаешься, Коробова?

«Вот-вот, они уже обращаются ко мне не по имени, а по фамилии! Они отдаляются от меня. И все из-за того, что я не посоветовалась сначала ни с ними, ни с комсоргом... Если бы они знали...»

Корольков попытался для важности пригладить свой хохолок. Волосы снова встопорщились, и он, гневно взмахнув рукою, сказал:

— Ничего она не ошибается! Что, мы сами не видели, что у Стожарова есть этот индивидуализм? Это же самый опасный пережиток!..

— Подожди ты с пережитками! — досадливо сказал Ястребов.— Как это ты выяснила, Коробова?

— А вы и сами можете посмотреть! Он уже второй день сидит с этой Славиной в кабинете главного технолога, от работы даже освобожден, все показывает да разъясняет! Но разве об этом речь? Ведь он проект взял! Я не знаю, чем его улестили, но ведь теперь о представлении проекта и речи быть не может! А если и будет речь, то к нему Славина припаяется! И потребует ждать, пока она диплом не защитит!

— Это верно! — подтвердил самый старший из бригадников фрезеровщик Стернин.— Сам дипломную работу пишу. Только я чужое не хватал, нашел свое и делаю: «Перевод деталей из цветного металла на выпуск точным литьем». Пока не защищу, предлагать даже нашему бризу не могу. Тем более совнархозу. Консультанты-то одни и те же!

— Да, вопрос! — Это произнес Яков Бережной. Его совсем недавно осудили на собрании бригады за выпивки. Александр тогда произнес горячую речь о коммунистическом поведении в быту. Казалось, Яков мог бы сейчас вспомнить об этой речи и выдать Стожарову сполна, но голос его звучал печально, раздумчиво. Видно, думал парень не о себе, а о всей бригаде.

— Вызвать товарища Стожарова, пусть сам расскажет,— несмело предложил старик Потапыч.

У старика Потапыча было высокое почтение к старшему по званию, которое он сохранил со школы. Казалось, он не очень верил в свое предложение: согласится ли инженер прийти на их вызов и отчитаться в своих действиях? И опять уткнулся в свою изрезанную щепку. Лицо его побагровело от усилия: он вырезал из маленькой щепки птицу и боялся сделать неверное движение, чтобы не сколоть роскошный кривой клюв.

— Правильно! — поддержал Корольков.— И поручим вызвать бригадиру. Ястребов тоже немало вложил в этот проект!

— Ладно,— нехотя согласился Ястребов.— Поговорим после работы. А сейчас — в столовую. И не опаздывать! — по привычке предупредил он.

Старик Потапыч поднялся и с неловкой улыбкой вручил Шурочке диковинную птицу: павлин не павлин, однако хвост длинный, завитой, клюв крючком, одно крыло поднято. Еще раскрасить бы эту стружку, чудо искусства получится. Но Шурочка, едва взглянув, положила птицу на полочку. Ей теперь не до искусства! Уничтожать произведения искусства, оказывается, куда легче, чем создавать, но вот почему-то хочется плакать о разбитом...

Ястребов вошел в кабинет технолога какимто журавлиным шагом, так ему было неловко. Но, увидев за столом Стожарова и Славину, о чем-то горячо споривших, а самое главное, увидав злосчастный проект перед ними, он сразу взвинтился, даже ростом стал словно бы выше, а лицо напряглось, плечи и кулаки налились, будто свинцом.

— Александр Александрович,— торжественно сказал он,— бригада просит вас остаться после работы на собеседование.

— По какому поводу? — удивился Стожаров, глядя на неожиданного посла.

— По поводу нашего проекта! — отрезал Ястребов.

У Александра на лице выступили пятна. Он вскочил на ноги, спросил срывающимся голосом:

— А какое у вас, собственно, право требовать у меня отчета по моему проекту?

— Мы желаем знать, что делается с нашим проектом! — отчеканил Ястребов.

В душе он уже сожалел, что начал так резко. Какое же это в самом деле коммунистическое отношение друг к другу, когда два члена бригады готовы глаза один другому выцарапать? Но Славина тут произнесла протяжным голоском, отчетливо выговаривая, словно выпевая, каждый слог:

— Ну и смешной юноша! Он, что, ваш заместитель?

И все доброе настроение у Ястребова как дождем смыло. Особенно после того, как Стожаров ответил Алле:

— Просто бригадир!

Так вот нет же, не просто бригадир, а бригадир коммунистической бригады! Не в том, конечно, смысле, что они все коммунисты — сам Евгений всего лишь комсомолец, есть у них и беспартийная молодежь,— а в том смысле, что они хотят работать по-коммунистически, жить по-коммунистически, и никакими насмешками их с этого пути не собьешь! Он постоял еще мгновение — вдруг Стожаров одумается! — но Александр уже опустился в свое кресло, стоявшее в такой близости от Аллиного, что Женя в душе пожалел бедную Шурочку больше, чем в тот час, когда она начала свое сообщение об Александре Стожарове. И, пожалев, торопливо вышел, чтобы не сказать что-нибудь такое, за что будет потом стыдно перед бригадой.

Александр сидел, задумавшись. Аллочка попыталась привлечь его внимание к какой-то формуле, но он словно не слышал. Сказал торопливо:

— Простите, я сейчас вернусь! — и вышел.

Путаные цифры закружились перед Аллочкиными глазами хороводом, она зевнула и отошла к окну.

Из окна был виден заводской двор. В столовую и из столовой шли рабочие. Вот появилась группа молодых парней и девушек. Они столкнулись на полдороге с только что ушедшим отсюда парнем и заговорили о чем-то. Парень резко показал рукой на окно, у которого стояла Аллочка, и она отшатнулась, будто ей выстрелили в лицо. Спрятавшись за портьеру, она смотрела на эту застрявшую среди панели толпу. То один, то другой тыкали кулаками в сторону ее окна, и каждое движение было, как удар в лицо. И куда этот Александр выскочил! Он бы мог защитить ее! Тут она вспомнила, что есть еще один способ избавиться от этих враждебных жестов и взглядов: надо просто задернуть штору и отойти к столу.

Вернувшийся через полчаса Александр в недоумении остановился перед запертой дверью. Он подергал за ручку. За дверью все было тихо. В коридоре останавливались удивленные сотрудники. Не было случая, чтобы кто-нибудь запирался в кабинете. Александру уже подсказывали: «Да там никого нет!» Но он услышал робкие движения и затем, после томительной паузы, испуганный голос: «Кто там?»

Как ни неловко было, Александр поспешил ответить: «Я!» Только тогда на глазах изумленных свидетелей дверь открылась изнутри на самую малость, в эту малость Александр и втиснулся бочком, после чего дверь снова захлопнулась и щелкнул замок. Свидетели этого втискивания покивали головами: «Ну, ну, порядочки!», «Кого они боятся?», «А что они там делают?» — и недоуменно разошлись по своим делам, но весть о том, что Стожаров с практиканткой сидят в кабинете технолога, оградившись от всех двойным оборотом ключа, немедленно разнеслась по всему заводу. Известно, что сплетни распространяются быстрее радиоволн.

А в кабинете Александр строго допрашивал Аллу.

— Зачем вы заперлись?

Она прижалась к нему, как плющ к скале, прошептала:

— Я боялась...

— Кого? Почему?

— У этого парня глаза настоящего бандита!

Александр захохотал от всего сердца. Вот уж у кого нет никакого шанса прослыть бандитом! Женя Ястребов, самый смирный и умный из бригадиров,— и вдруг бандит! Но Алла со слезой в голосе сказала:

— Почему вы смеетесь? Оставили меня одну и смеетесь!

Он немедля оборвал смех. В самом деле, откуда же ей, ничего не знающей о жизни, понять, что вся закавыка не в ней, а в нем! Что не ее, а его вызывают на суд общественной совести! Но Алла смотрела в его лицо такими блестящими, испуганными глазами, в кабинете было так уютно и полутемно, что он мгновенно забыл все свои вопросы, а когда ее доверчивые губы прикоснулись к его губам, он забыл и обо всем другом. Пожалуй, даже и лучше, что Алла предусмотрительно закрыла дверь...

В то же мгновение это самое словечко-мысль «предусмотрительно» резануло его по сердцу. А что, если это и верно простая предусмотрительность? То есть заранее подготовленная обстановка для будущего действия? Он осторожно отклонил Аллу за плечи и поглядел в ее глаза. Ничего, кроме желания снова прильнуть к нему, в глазах ее он не обнаружил, однако и покоряться этому зову не стал, сказал торопливо:

— Не здесь...

Она покорно отошла к столу, и он мог наконец открыть замок этой проклятой двери.

Александр заодно отдернул и штору, а когда подошел к Алле, она встретила его пронзительным взором и спросила:

— Что сказал Баклагин?

Александра за время короткого знакомства больше всего поражало то, что Алла умела изменяться молниеносно. Только что перед ним была трепещущая, перепуганная девушка, искавшая защиты в его сильных объятиях. А вот теперь — это деловой человек со странной способностью угадывать, что произошло и что будет дальше. Да, конечно, он был у Баклагина. Но не станешь же объяснять Алле, что на беспокойный вопрос Александра, как быть с бригадой и с требованием отчета, Баклагин усмехнулся и ответил: «Да никак». Для Бакла-

гина это может, и естественно. Но Александр еще не привык разъединять себя и комсомол, себя и бригаду, себя и цех. А Баклагин требует именно такого разъединения. «Им до вас не должно быть дела!» — вот что сказал Баклагин. «Вы обещали помочь Алле Борисовне, ну и помогайте, а остальное предоставьте мне!» Но сказать об этом Алле — значит в какой-то мере умалить свою способность защитить ее, в которую она так трогательно поверила. И Александр несколько суше, чем было нужно, сказал:

— Баклагин торопит нас с нашей работой...

Алла покорно села за стол, как провинившаяся девочка. И эта покорность была тоже одним из видов ее оружия. Когда она делалась такой покорной, у Александра язык не поворачивался обидеть ее. Нахмурившись, но уже сдаваясь, он в десятый раз принялся объяснять своей ученице, что значит энергетический поток силовой линии, к которой будут подключены станки, и как отвечать комиссии, если она заинтересуется количеством потребляемой энергии. Алла торопливо записывала его советы, громоздя ошибку на ошибку, а он терпеливо поправлял ее, думая про себя: как же она училась все эти пять лет? Неужели перед каждым зачетом у нее был такой же добровольный учитель? Тогда сколько же этих учителей перебывало в ее объятиях? Но высокая грудь, пухлый локоток с ямочкой прижимались к его плечу, крупные красивые губы благоговейно повторяли каждое его слово, и он не находил в себе силы задать этот тревожный вопрос...

8. Баклагин и Шурочка

Шурочку вызвали в управление сразу после перерыва.

Услышав голос Баклагина, она сказала, что некого оставить в цехе, но Баклагин довольно ядовито заметил ей, что в цехе есть целая бригада коммунистического труда, они справятся и одни.

— Если уж они научились вмешиваться в дела начальства, так, наверно, со своими прямыми обязанностями как-нибудь сладят,— добавил Баклагин.— А коли не умеют работать, так им не место на заводе и нечего именовать себя разными высокими званиями...

И Шурочка поняла, что предстоит бой.

Она только никак не могла понять, откуда Баклагину известно, что они «вмешались» в дела начальства? Неужели Женя Ястребов не удержался и раззвонил? Но Женя категорически отрицал, что он кому-нибудь «звонил» о цеховых делах. Он даже буркнул:

— Может, Стожаров?

Шурочка так взглянула на него, что он отпрянул, будто напоролся на стальные иглы. Потупив голову, он ушел к станку, и Шурочка со всей мстительностью обиженной за любимого человека девушки могла точно представить, как он бормочет про себя: «Видно, не видать мне ее, как своих ушей!» «И не увидишь!» — хотелось крикнуть ей вдогонку Жене. «Конечно, Александр поступил плохо, раскрыв общий секрет перед какой-то Аллочкой, но уж в предательстве-то его никак не обвинишь!»

Однако, как злобно и мстительно она ни думала, червоточинка в сердце оставалась. И вроде бы что-то там скребло и прорывалось все дальше. Ведь была же Шурочка вынуждена признать, что кое в чем Александр поступил плохо! А если так, то почему бы другим не думать теперь об Александре самое худое? Конечно, не ей — Шурочка, наверно, нашла бы оправдание и этому безнравственному поступку Александра,— но на чужой роток не накинешь платок. И ей становилось все хуже и хуже.

Естественно, что к Баклагину она пришла не с розовыми щеками и без милой улыбки.

Тимофей Павлович встретил ее долгим, испытующим взглядом, будто ждал — вот сейчас Шурочка повалится на колени и признается в какой-то страшной вине. Но Шурочка за собой никакой вины не чувствовала и к начальственному взору отнеслась безразлично. Она стояла перед Баклагиным, равнодушно выжидая, что он скажет, и только сердилась, что директор не предложил ей сесть. Ему же все равно, в какой позиции он пронзит ее своими гневными очами, а подумать о том, что Шурочка за четыре часа успела набегаться по цеху, он был обязан. Однако Баклагин молчал, и Шурочка продолжала стоять, стараясь только не переминаться с ноги на ногу,— это была бы уже сдача на милость победителя. А сдаваться ей было незачем.

— Б-р-рак! — проскрипел Баклагин.

Удивительно, что иные люди умеют менять интонацию! Услышишь этакий вот скрипучий голос, и по коже мороз продерет, и не подумаешь, что этот же «оратор» только что изъяснялся со своей супругой сладчайшим тенорком, убеждая ее, что неотложные дела не дадут ему вернуться к супружескому ложу раньше полуночи. А после этого разговора перешел на нежнейший полубаритонный говорок, утверждая по другому телефону, что только страсть и трепет любви заполняют его сердце. А еще через минуту в обращении к начальнику в том же голосе прозвучит такое обожание, что умный начальник за одну только эту интонацию выгнал бы человека с работы. Но нет, все трое, четверо или пятеро собеседников, услышавших эти абсолютно разные голоса, других голосов «оратора» не слыхали и думают, что человек этот именно таков, каким они его знают.

На долю Шурочки досталась самая противная интонация, ну словно бы железом провели по стеклу.

— Так, значит, бр-рак выпускаете? — продолжал Тимофей Павлович, насладившись замешательством обвиняемой.

Надо сказать, что умение превратить себя в следователя, а собеседника в обвиняемого Баклагин применял только при разговорах с низшими по званию. Начальство об этой особенности его характера ничего не знало. В те времена, когда Шурочка была еще школьницей, такая система разговора давала Баклагину неоспоримые преимущества.

Увы, Шурочка о тех временах имела смутное представление. Наскок Баклагина так возмутил ее, что она начисто забыла о правилах поведения с начальством, которые внедрял Тимофей Павлович. Все эти «Ваше дело маленькое!», «За вас я думаю!» и прочие заповеди, проповедуемые Баклагиным, с которыми как-то мирилось большинство попадавших на зубок директору, вдруг вылетели у нее из головы: столь несправедливо было обвинение, предъявленное ей.

— Когда это мы выпускали брак? — гневно спросила она.— Наша бригада уже год работает без технического контроля!

— Вот им-мэнно! — взвыл Тимофей Павлович, быстро открыл ящик письменного стола и сунул прямо под нос Шурочке злополучную деталь «И18», именуемую в просторечии «рогулькой». Деталь на его ладони распалась на две части, поблескивавшие ядовито-серым изломом.— А этто-то шьто такое? — возопил он.

— Вина термистов! Вы же сами видите! Мы сняли ее по совету товарища Стожарова с производства, а через два часа термисты наладили режим, и теперь «И18» идет без брака!

— Хор-рошо! — проскрипел Баклагин.— А за чей счет прикажете списать приборы, которые собирались с бракованной деталью? За ваш? Я приказал подсчитать: с вас начетец в две тысячи восемьсот пятьдесят два рублика! Ясно? Но я не желаю держать у себя в цехе бракодела и предпочитаю не взыскивать с вас начет, а уволить вас! Ясно? Приказ получите вечером. Расчет завтра. Да, вы живете, кажется, в общежитии? Разрешаю оставаться до подыскания новой работы. Можете идти! Всё!

Это прозвучало, как «кругом, марш», и Шурочка повернулась и вышла. Только оказавшись за дверью, она вдруг опомнилась. Да что же это такое? Это же самодурство! Это черт знает что такое! Если Саше рассказать...

И словно споткнулась. Саша, нет Александр Александрович, товарищ Стожаров сидел в кабинете почти что рядом, а рядом с ним сидела практикантка-дипломантка, и Шурочке отчетливо представилось, как они сидели. И, кто знает, может, за эти дни их отношения стали еще ближе! Говорила же противная соседка Александра о его пьяном виде и о губной помаде на сорочке...

И все равно она так этого не оставит! Она будет бороться!

Шурочка пошла в партком.

Секретаря партийной организации Власьева не было. И, словно нарочно, зазвонил телефон. Помощница Власьева послушала, лицо ее вытянулось, она неприязненно поглядела на Шурочку, с которой всегда была дружна, сказала, положив трубку:

— Товарищ Коробова, «бегунок» вам пока еще не вручили! Время рабочее, и вас ждут в цехе...

Вот, значит, как! Завтра ей вручат этот самый «бегунок», как невежливо называли увольняемые обходной лист, на котором должны были расписаться представители администрации в получении всего, что связывает человека с за-

водом. Человек сдает пропуск на завод — расписка коменданта охраны; книги в библиотеку — расписка заведующего клубом; койку в общежитии — расписка начальника жилищно-коммунального отдела. Впрочем, ей милостиво предоставили право прожить в общежитии «до подыскания места работы...»

Она пошла в цех. Вот сейчас никто бы не узнал в этой усталой женщине с опущенной головой, еле передвигавшей ноги, своенравной и строптивой Шурочки. Даже и в цехе она не смогла притворяться бодрой. И Женя Ястребов первым заметил, что с Шурочкой что-то произошло. Заметил, может, потому, что бригадиру положено отвечать за каждого члена бригады, а может, и по другому поводу.

— Зачем вызывали? — спросил он.

— Увольняют...— только и могла произнести Шурочка. А ведь она клялась себе самыми страшными клятвами, что ее друзья узнают об этом последними...

— Что? — Ястребов вытаращил глаза.— Увольняют? Тебя? За что?

Он мог бы задать еще и сотню вопросов. У Шурочки меж пальцев — она закрыла от стыда лицо руками — текли крупные, одна другой больше, слезы. Говорить она не могла, боялась разрыдаться. Так, с закрытым лицом, она, как слепая, добралась до конторки и там упала на стул.

Ястребов проводил ее взглядом. Станок работал, отойти было нельзя. Шурочка сидела в конторке, не показываясь в окошечке, из которого она обычно выглядывала, как кукушка из старинных часов. Ястребов снял деталь, швырнул ее, не глядя, в ящик и перебежал к станку, за которым работал комсорг. Они посовещались полминуты, после чего Ястребов поставил к своему станку старика Потапыча — Петиного соседа — и принялся работать на двух станках. Корольков исчез из цеха.

Ребята провожали его взволнованными взглядами. Не было еще случая, чтобы кто-нибудь из членов бригады уходил во время работы. Но тут было такое дело, что каждый согласился бы заменить Петра. Над бригадой нависала опасность.

Вернулся Корольков перед самым гудком. Молча встал у своего станка. На вопросы только махнул рукой и еще выдавил: «После, после!»

Ястребов наведался в конторку Шурочки. Вернулся, мрачно сказал:

— Проверяет наряды за последнюю декаду. Завтра все надо сдавать другому мастеру.

Пение сирены прокатилось, как освежающий гром. Ребята выключали моторы, бежали к конторке. Никто и не подумал убрать стружку, протереть станок.

Властный голос Ястребова остановил это торопливое движение:

— В чем дело, ребята? Что это за картина Брюллова «Гибель Помпеи»? Все убрать и подчистить! Мы ждем товарища Стожарова!

— К черту Стожарова! — выругался Яша Бережной.— Ты скажи, за что Шурочку увольняли? — Он во всем был неумеренным человеком.

Ястребов тут же призвал его к порядку:

— Смотри, Яков, бригада тебе поверила, но может и разувериться! Держись спокойней!

— За что Коробову увольняют? — снова закричал Яша.

— Вношу ясность! — Комсорг поднял руку, устанавливая тишину.— Я был у директора. Директор сказал, что исправил приказ: Коробову не увольняют, ей объявили выговор...

— За что выговор? — крикнул тот же неугомонный Яков.

— За то, наверно, что Стожарова разоблачила! — хмуро поддержал Якова Стернин.— Сам диплом пишу, знаю, как хочется пенки слизнуть, да в чужой горшок не лезу!

— Где, когда, какой великий выбирал путь, чтобы протоптанней и легше! — нараспев прочитал Бережной.— Только наш Стожаров — маловеликий товарищ. Испугался начальства — и лапки вверх!

— Прекрати сейчас же! — прикрикнул Корольков. Но Яшка и сам притих. По цеху, плотнее запахнув светлый макинтош, чтобы не испачкать о промасленные станки, шел Баклагин. Он остановился в двух шагах от ребят, обвел их долгим взглядом, спросил:

— О чем шумите, товарищи передовики? Почему не идете отдыхать? Или обсуждаете вопрос о браке? Дельно, дельно, хотя и поздновато...

Шурочка, услышав методический голос Баклагина, изумленно высунулась в окошко. А Баклагин продолжал пошучивать взятым напрокат голосом:

— Руководство у нас чуткое! Оно пришло к заключению, что с передовой бригады спрашивать не за что, в браке термисты виноваты. А мастеру — за недостаток контроля — выговор! Давайте на том помиримся и разойдемся!

— Нет, не помиримся! — вдруг сказал Корольков и сделал рукой такое движение, будто отметал шуточки директора.— И собрались мы не по поводу мастера. Тут дело простое: если бы руководство не разобралось, то суд разобрался бы, а за вынужденный прогул могут сделать начет на того, кто неправильно уволил. И начет был бы более точный, чем тот, который вы записали было на Коробову. А бригада наша собралась для того, чтобы обсудить неправильное поведение своего сочлена, инженера товарища Стожарова...

— Эк вы как загибаете! — все с той же веселой улыбочкой проговорил Баклагин.— Это, знаете ли, называется комсомольским авангардизмом! Партийная организация в этом случае...

— С партийной организацией мы обязательно посоветуемся, Тимофей Павлович,—это уже вмешался Женя Ястребов.— А товарищ Стожаров сам настоял на своем участии в нашей бригаде. У нас есть заявление от него: он пожелал быть членом бригады «по творческим вопросам и консультациям»,— так у него и написано.

— Не знаю, что и как он написал,— мрачно сказал Баклагин, и Шурочка снова услышала знакомый скрежет железа по стеклу,— только должность начальника участка у нас не выборная, и отчета от начальника никто требовать не вправе, кроме администрации. А руководство наше временно освободило товарища Стожарова от работы в цехе. Так что необоснованные ваши претензии предъявляйте кому-нибудь другому. А вообще-то говоря, рабочее время кончилось и пора по домам! Если желаете еще пошуметь, пожалуйте в клуб!

И Тимофей Павлович величественно удалился, стараясь не задевать станки плащом. Движения от этого у него были плавные и медленные, совсем как показывают в кино выход царя в мантии.

И тотчас же в цех вошел дежурный обходчик, видно, дожидался, когда потребуют.

— Что за собрание? — совсем по-баклагински спросил он и тут же заторопил: — Кончай митинг, ребята! Пора на покой!

Ребята торопливо пошли к проходной.

За воротами Корольков вдруг сказал:

— А ведь они переполошились, и Баклагин и Стожаров! Сами испугались, а нас берут на испуг! Для этого и Шурочку обидели, думали, мы отступимся! Так вот нет же, не отступимся! Ясно?

И всем стало ясно, что отступаться они не станут.

Окончание следует

Можно ли строить из воздуха?

Услышав этот вопрос, вы, вероятно, только пожмете плечами. И в самом деле, как же строить из воздуха?! Делать из него кирпичи? Или плиты перекрытий? А может быть, использовать его в качестве несущих колонн? Странный вопрос...

— Не спешите с выводами,— сказал руководитель лаборатории пластмасс Центрального научно-исследовательского института строительных конструкций доктор технических наук А. Б. Губенко.— Не такой уж он странный. Наша химическая промышленность все больше и больше осваивает выпуск замечательных пленок и тканей — легких и прочных. Сочетание таких пленок и воздуха уже теперь дает строителям широкие возможности. А какие необычайные перспективы открываются в будущем!

Представьте себе большой спортивный праздник на стадионе имени В. И. Ленина. Сто тысяч болельщиков пришли сюда посмотреть состязание любимых команд. Но вот в разгар игры солнце вдруг скрывается, небо заволакивают свинцово-черные тучи. Начинает накрапывать дождь. И вдруг всю огромную чашу стадиона накрывает гигантский прозрачный купол. Он склеен из нескольких слоев скроенной особым образом пленки, между которыми находится сжатый воздух. Он-то и поддерживает все сооружение над трибунами и полем. Теперь уже дождь настроения никому не испортит.

— Такие конструкции мы, строители, называем аэростатичными, или пневматическими. Типы их могут быть самыми разнообразными. И, конечно, они найдут широкое применение, — продолжает рассказывать Губенко. — Но это в будущем, хотя и весьма недалеком. А вот посмотрите, над чем мы работаем уже сейчас.

Руководитель лаборатории встает из-за стола, подходит к окну и показывает на высокое сооружение, напоминающее большой шатер, которое стоит во дворе института.

— Вот временное зернохранилище, — говорит он. — Обратите внимание: никаких опор в середине его нет. Форма сооружения поддерживается внутренним давлением. Как видите, воздух здесь служит, как говорят специалисты, «несущей конструкцией». Причем разница между внешним и внутренним давлением настолько незначительна, что ее совершенно не ощущаешь.

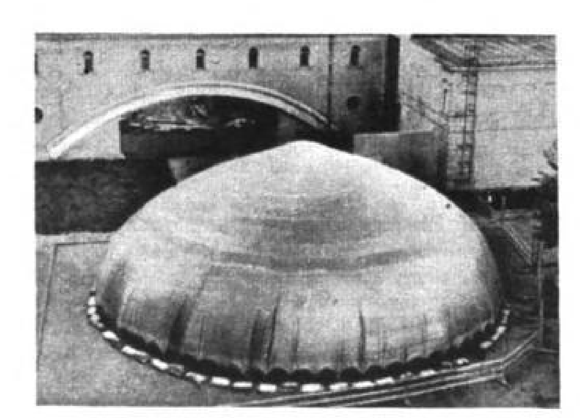
Проект зернохранилища разработан экспериментальным конструкторским бюро. Изготовлено зернохранилище из особой ткани, пропитанной синтетическим составом.

Несомненно, во многих колхозах и совхозах заинтересуются надувным зернохранилищем. Ведь вес его всего восемьсот килограммов, а в сложенном состоянии оно легко упаковывается в средний по размерам ящик. И в то же время в таком зернохранилище умещается более 500 тонн зерна.

На самом обычном грузовике его можно доставить в поле, на колхозный ток или на глухой железнодорожный разъезд. И буквально за полчаса на самом пустынном месте вырастет временное зернохранилище.

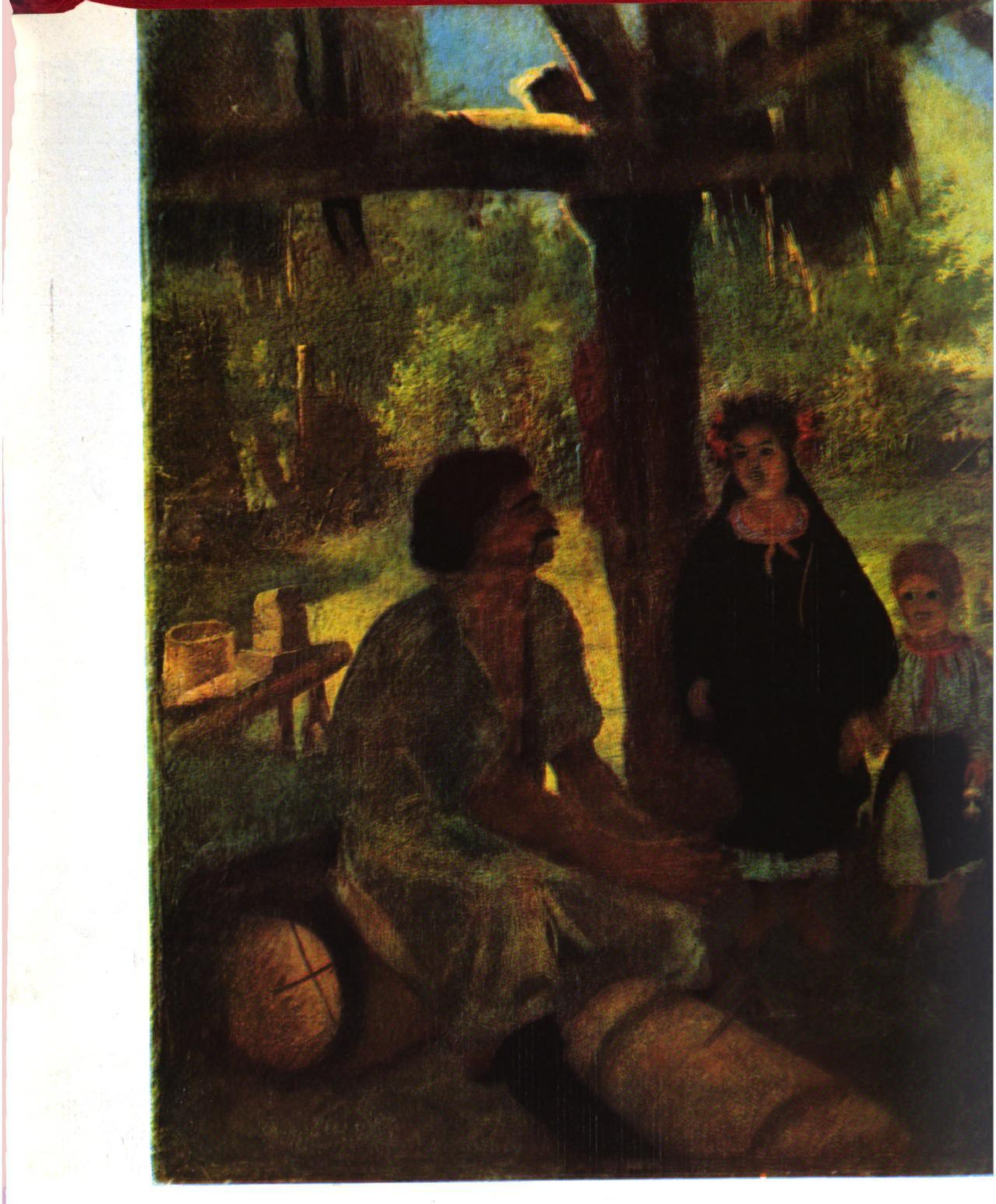
Сотрудниками лаборатории пластмасс в содружестве с работниками Научно-исследовательского института овощного хозяйства создан и другой интересный проект надувного сооружения. Только это уже не склад, а... теплица.

Известно, что полиэтиленовая пленка пропускает тепло солнечных лучей лучше, чем обычное стекло. Ее-то и решили использовать для покрытия сборно-разборной весенней теплицы. И никакого каркаса, как это делается обычно, здесь не потребуется. Нужно только сколотить из досок торцовую стенку с дверью и вентилятором, приклеить к ней пленку, расстелить ее по всей площади теплицы и закрепить на земле края. Вентилятор накачает внутрь воздух, и пленка, как лежащий аэростат, поднимется и натянется на высоте двух метров.

Так выглядит надувное зернохранилище.

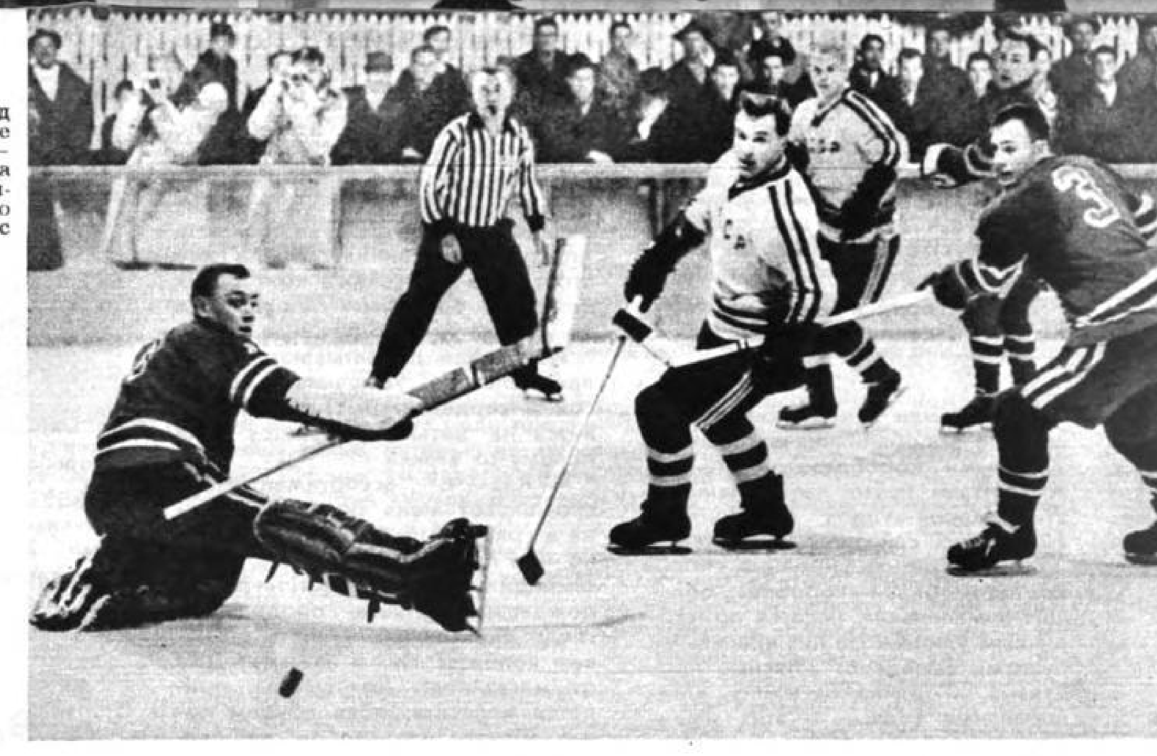
Г. ВЛАДИМИРОВ

Т. Г. Шевченко. НА ПАСЕКЕ.

Г. С. Мелихов. МОЛОДОЙ ТАРАС ШЕВЧЕНКО У ХУДОЖНИКА К. П. БРЮЛЛОВА.

Матч сборных команд СССР — США в Лозанне закончился со счетом — 13 : 2. На снимке: ворота американцев атакует Николай Снетков. Фото агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл.

Издали и вблизи

В. ВИКТОРОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Внезапная московская метель нарушила все авиационные расписания, и получилось так, что направлялись мы из Москвы на первенство мира по хоккею в Лозанну и Женеву, но первый матч видели в Праге по телевизору.

В вестибюле гостиницы «Интернациональ» вечером 2 марта собралось около сотни хоккейных знатоков, и хоть передавался матч Канада — Швеция, а не Чехословакия — Финляндия, но страсти разгорались с каждой минутой, словно события происходили тут же, на пражском льду, а не на берегу Женевского озера.

Мы вспоминали об этом, несколько необычном для нас начале чемпионата на следующий день, когда, уже приехав в Женеву, увидели снова в гостинице на телевизионном экране очередной хоккейный матч Швейцария — Норвегия. Однако на сей раз не было бурно-пламенных болельщиков ни у телевизора, ни на трибунах стадиона.

Но как же это так? Неужели женевцев не волнуют дела их родной команды? Эти вопросы мы задали соседу по столику, и он ответил нам, пожав плечами: «О-о, у нас нет никаких шансов, что же волноваться? А хороший билет стоит 25 франков».

Таково различие между спортивным климатом Москвы, Праги и Женевы — этих трех городов, принимавших у себя в последние годы сильнейших хоккеистов мира.

Все мы помним, какие страсти кипели зимой 1957 года у нас в Лужниках. А как ликовала Прага зимой 1959 года, когда ее игроки, вопреки всем прогнозам, добились победы над канадцами!

На сей раз свои ледяные поля предоставила хоккею Швейцария, а в Женеве не нашлось даже двенадцати тысяч болельщиков, чтобы заполнить трибуны и поддержать свою команду. Женева, как оказалось, склонна была тратить свои франки лишь на матчи фаворитов.

Обычно чемпионаты мира по хоккею, как и олимпийские турниры, проходили под знаком подавляющего превосходства большой пятерки. Спортивный квинтет образовывали команды Канады, СССР, Швеции, Чехословакии и США. Они и разыгрывали между собой призовые медали. Но на этот раз квинтет превратился в дуэт, и это также наложило свою печать на ход чемпионата. Большинство американских хоккеистов — чемпионов последних Олимпийских игр, как известно, предпочли новым золотым медалям долларовые блага и перешли в профессиональные команды, освободив свои места для необстрелянной молодежи. Чехословацкая команда также была вынуждена заменить ряд своих игроков молодыми спортсменами, однако, судя по ее первым выступлениям, она будет в решающих матчах грозным противником для всех команд. Ну, а со шведами довольно грубо расправились претенденты на золотые медали — игроки из команды «Трейл Смоук Итерс». После предварительного знакомства с канадцами, еще до отъезда в Швейцарию, шведы потеряли двух своих сильнейших нападающих — Нильсона и Лундвалла, оказавшихся в больнице. В Швеции эту команду называли не «глотателями дыма», а «глотателями людей». Команде «Тре Крунур» дорого обошлась эта острота!

По всеобщему мнению, главными претендентами на золотую медаль остались две команды — Канады и СССР, и вокруг них разгорелись главные страсти.

За неделю до решающей встречи СССР — Канада, в тот воскресный день 5 марта, когда Женевское озеро голубело под нежным весенним солнцем, когда корявые платаны были уже аккуратно подстрижены, как и женевские пудели, а плохо подстриженные девушки за столиками на тротуаре пили свой оранжад, в тот день, когда писался этот репортаж, можно было составлять лишь весьма спорные прогнозы.

Накануне развернулись если не решающие, то по крайней мере очень важные события мирового чемпионата: на льду выступили два основных фаворита.

Этот большой день начался матчем канадцев со сборной ФРГ, а на «десерт» зрителям в Лозанне предстояло увидеть продолжение спортивного спора двух давних соперников — советской и шведской команд.

Когда мы заняли свои места на трибуне прессы и увидели канадцев, мы, конечно, понимали, что у немцев нет шансов на успех. Вопрос заключался лишь в том, каких усилий потребует победа от канадцев. Очень скоро мы смогли убедиться в том, что добыть ее будет не так уж легко. Во всяком случае, канадские болельщики, прибывшие в Швейцарию в довольно большом количестве, так волновались, что «открыли счет» значительно быстрее, чем их игроки. После одиннадцати минут матча, в то время как канадские хоккеисты все еще безуспешно штурмовали немецкие ворота, бутылки с вином и виски, прихваченные болельщиками, видимо, для подъема духа, были уже полупусты. Рев на трибунах стоял оглушительный, а за две минуты до конца первого периода наши соседи перешли от стаканов прямо к горлышкам. Уже после второго периода многие на трибунах спали, беспомощно склонившись на плечи своих более выносливых товарищей, так и не дождавшись окончательного исхода борьбы.

Да, нелегко далась победа канадским хоккеистам! Несмотря на внушительный счет — 9 : 1, — этот матч показал, что канадцы выступают неравномерно и играют не всегда слаженно.

Мы не будем подробно описывать второй матч этого большого хоккейного дня. Спортсменам Советского Союза немало сил и энергии потребовалось на эту игру: ведь шведские спортсмены для нас давно были камнем преткновения.

Еще во время блистательного дебюта советской команды на первенстве мира 1954 года ничья со шведами чрезвычайно усложнила положение наших хоккеистов, и лишь победа над канадцами обеспечила им золотые медали. А кто может забыть трагическую ничью со шведами на московском чемпионате, когда, не проиграв ни одной встречи, команда СССР вынуждена была довольствоваться лишь серебряными медалями!

У нас были все основания волноваться. И словно желая нам помочь, приободрить спортсменов, над трибуной вдруг поднялся большой плакат. На красной материи было написано: «СССР». И другой: «ПРИВЕТ СОВЕТСКИМ ИГРОКАМ!». Это была инициатива членов общества дружбы «Швейцария — СССР». Забегая вперед, мы не можем не упомянуть об эпизоде, который разыгрался в конце матча, когда какой-то ретивый хулиган пытался вырвать плакат из рук наших друзей, но тотчас же получил решительный отпор от зрителей.

В перерыве между периодами, когда исход матча был, в сущности, решен и советские хоккеисты продемонстрировали свое полное преимущество, забив три шайбы, к нам подошел польский журналист.

— Вам, может быть, будет интересна одна деталь, — сказал он. — Польские хоккеисты сидят рядом с канадцами, и они рассказывают, что «глотатели дыма» и словом за весь период не обмолвились, притихли, сидят и смотрят.

Для такого поведения были, конечно, все основания. Ведь игроки из канадской команды хотя и встречались в Москве со многими хоккеистами из сборной СССР и смогли испытать их возможности, но всей нашей команды они не знали. Они не знали могучей защиты, возглавляемой Н. Сологубовым, и понятия не имели о первой тройке. Теперь всю команду СССР, не по звеньям, а в полном боевом составе, канадцы видели впервые, и им было на что посмотреть! Советские хоккеисты играли уверенно, и нам думается, что сюрпризом для канадцев было не только искусство Александрова, Альметова и Локтева — первой тройки, но и неожиданный пыл локомотивской тройки, не очень проявившей себя в Москве. Канадцам было над чем подумать во время встречи советской и шведской команд.

Нам неизвестны выводы, которые сделали канадцы для себя. Мы не знаем, как оценили они каждую из шести шайб, забитых советскими игроками. Но мнение многих обозревателей было едино! Они заявили, что никогда еще не видели столь слаженной, столь тщательно подготовленной советской команды.

Один из наиболее авторитетных швейцарских спортивных обозревателей, Андрэ Жерар из газеты «Ла Сюиз», сравнивая возможности двух главных претендентов, писал, что силы их столь равны, что невозможно предвидеть исход решающего матча.

6 марта. По телефону.

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Н. А. Некрасов «Коробейники».

«Коробейники» на привале. «Отдыхают» уже не первый час.

НЕОБЫЧНОЕ ЗАДАНИЕ НАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ

ЗЛОКЛЮЧЕН „КОРОБЕЙ

Как поссорился мясокомбинат с холодильником

Давно ушли в прошлое некрасовские коробейники, шагавшие с тяжелыми коробами за спиной. А все-таки нечто напоминающее этих ухарей-купцов сохранилось еще и по сей день...

Вы не обратили внимания, сколько автомобилей-«коробов», больших и маленьких, несется по столичным улицам? На них красивыми буквами выведено: «Мясные продукты», «Горячие бублики», «Минеральные воды»... В этих машинах путешествуют современные «коробейники». Правда, называются они нынче по-другому — экспедиторами, а то и вовсе «материальщиками» — это должно означать, что они несут материальную ответственность за вверенный им товар.

И вот, став по воле редакции таким «коробейником», изъездив с «коробом» немало километров, нередко слышал я со стороны своих новых товарищей вопрос: «Что строчишь карандашом?» Теперь можно и рассказать о злоключениях «коробейника».

...Рано-рано утром у ворот мясокомбината в Останкине собираются десятки автомашин-«коробов» — от юркого «Москвича» до огромного рефрижератора. Они выстраиваются в очередь к весам.

Хотя мы и находимся на территории мясокомбината, но сами мы не «мясокомбинатские», а «холодильниковские». Это, как меня предупредили, нужно запомнить твердо. Два предприятия живут в вечном разладе. Мясокомбинат совнархозовский, а девятый холодильник «минторговский». Казалось бы, чего им ссориться?

Корпуса девятого холодильника возвышаются рядом, за забором, и хорошо видны отсюда. Работает там свыше сотни экспедиторов, которые днем и ночью развозят по магазинам продукцию Останкинского комбината.

Комбинат — большое современное предприятие, оснащенное новейшей техникой. Строительство его еще продолжается, но и сейчас он дает ежедневно почти триста тонн колбасы, котлет, мяса и полуфабрикатов.

В белом халате я становлюсь «своим» человеком и свободно перешагиваю «пограничную линию» между комбинатом и холодильником. Вот эта дверь из склада готовой продукции и есть «пограничная линия». Возле нее стоят два высоких конторских стола, а за ними — «полпреды» комбината и холодильника.

Из склада подкатывают к столам тележки, увешанные колбасой и сардельками. Тележка ставится на весы. Называется она почему-то «танк».

— Как с ассортиментом? — спрашивает меня рослый мужчина в грязноватом халате. Он только что подошел. Наверное, тоже экспедитор. — Что идет? — И, не дождавшись ответа, продолжает, глядя на «танки»: — Опять столовая колбаса? Ну, и попадет нам от магазинов! До вечера придется колесить, пока сбудем товар. Покупатель теперь требовательный: колбасу подавай ему разных сортов, а комбинат гонит все столовую да столовую...

— А вот сосиски! — бросает кто-то из работников комбината.

— А какие? Опять самые дорогие. Погоня за планом!

Мы «колбасим» по городу

Было около полудня, когда моя машина «Мясные продукты. Централизованная доставка» наконец выехала из ворот комбината. Отправляемся на Красную Пресню — таков наш маршрут.

Первый магазин — первая неудача.

— Здравствуйте, привезли колбасу,— сообщаем мы.

Директор сорок пятого магазина смотрит на нас широко открытыми глазами:

— А кто вас просил? Сегодня у нас по графику завоза нет.

— В накладной указано...

— А нам вчера привезли. Полторы тонны. Куда же еще? А какая у вас колбаса?

— Столовая.

— Нет, этого не надо. Вы начальству скажите, чтобы разные сорта присылали.

— Не возьмете?

— Ну куда же брать? И что у вас происходит, не пойму: в начале месяца не везли колбасу. Теперь, в конце месяца, гоните, и все один и тот же сорт. Комбинату для выполнения плана это выгодно. А покупатель другое требует. Ему давай полный ассортимент изо дня в день!

Неудача постигла нас и в магазине тридцать семь, но уже по другой причине.

— Колбаса? — переспросил пожилой мужчина в халате и сделал кислую мину.— Нет, не надо. У нас ее достаточно.

— Позвольте,— возразил я,— но у вас на прилавке только одна куриная. А где ассортимент? — Я произнес это слово особенно выразительно.

— «Ассортимент»?! — Он передразнил меня.— А что мне делать с куриной? Пусть синеет?! Продам ее, тогда возьму другую. Езжайте с богом!..

Так объездили мы один за другим чуть ли не с десяток магазинов, значившихся в накладной. Кое-где колбасу брали, кое-где отказывались. Накладная, которой мы всюду козыряли, была написана явно без всякого знания положения дел в магазинах. Так. По трафарету. Лишь бы отвязаться от «коробейника».

Как же быть с оставшейся колбасой? Не везти же ее обратно на комбинат? Звоним диспетчеру холодильника.

— Сдайте в любой магазин,— предлагает он нам.— Кто возьмет, тому и сдайте...

Так мы и поступили. Нас выручил магазин на углу улицы «Правды». Туда, оказывается, уже два дня не завозили колбасу, и это был, пожалуй, единственный магазин, где были довольны нашим приездом.

Теперь я понял, почему хозяйке приходится порой обходить несколько магазинов, прежде чем она найдет то, что нужно.

А «война» двух соседей продолжается. Вот уж поистине: «Когда в товарищах согласья нет...»

Любят ли москвичи московские котлеты!

Когда шофер Василий Яковлевич Алешкин, пожилой уже человек, узнал, что мы повезем по магазинам московские котлеты, он искренне огорчился.

— Это еще хуже колбасы! Не хотят магазины торговать котлетами. Почему? Сами увидите...

...У нас опять-таки есть накладная и точный маршрут. Наш путь лежит в Тимирязевский район.

Дмитровское шоссе. А вот и сам магазин в прекрасном новом доме. Вокруг целый лес башенных кранов, десятки строящихся домов.

Директор встречает нас неласково:

— Котлет не возьмем. Нет ни

ОГОНЁК ДЛЯ ДОМА

КАРТИНЫ, ГРАВЮРЫ, РЕПРОДУКЦИИ, ФОТОГРАФИИ

Гладко окрашенные, приятного, спокойного тона стены не нуждаются в дополнительных украшениях, и декорирование такой комнаты зачастую вполне можно ограничить оконным занавесом, хорошо подобранным по цвету и орнаменту.

Если же вы хотите развесить картины, гравюры, фото, надо тщательно продумать для них место, учитывая расположение мебели, освещение, близость занавеса и его окраску, цвет и орнамент стен.

Не увлекайтесь большим количеством «экспонатов». Одной-двух картин вполне достаточно.

Но не обязательно вешать картины, а тем более их репродукции. Гравюры, рисунки, фотографии лучше украсят стену, чем репродукция даже очень хорошей картины. Репродукции редко точно передают цвета подлинника, к тому же масштаб, величина картины, является очень важным композиционным моментом.

Когда вы окантовываете под стекло фото, продумайте заранее размер и цвет паспарту. От широких светлых полей вокруг изображения выигрывает часто и само изображение и стена. Но все же большие, хорошие фотографии (30 × 40 или 40 × 60 см) лучше окантовывать без полей; при этом пейзажи как бы увеличивают пространство комнаты, производя впечатление окна.

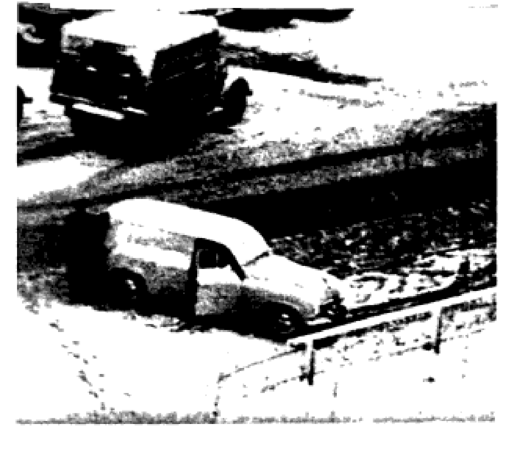
Не следует злоупотреблять фотопортретами; дветри фотографии близких людей в простых рамках можно поместить, скажем, над письменным столом; остальные фотопортреты, воспоминания о пребывании на курортах и т. п. лучше вклеить в альбом или положить в папку и держать их в ящике.

Пора отказаться и от лепных позолоченных рам. Они были уместны в те времена, когда и мебель была золоченая и люстры и платья

вышиты золотой канителью. Теперь же они ни с чем в интерьере не монтируются, и давно пора «Всекохудожнику» и другим организациям выпускать багеты без украшательства, простые, красивые и дешевые.

Доцент И. ГИЛЬТЕР

Я. МИЛЕЦКИЙ

...ия ...ника"

грамма бумаги. Не во что заворачивать...

— Вот так штука! — опешил я от неожиданности и поспешил к прилавкам.

Бумаги сколько угодно, торговля идет нормально.

— Котлеты московские есть? — спрашиваю продавца.

— Нет пока. А вы мясо возьмите. Хорошее.

— А будут котлеты?

— Не знаю. Если привезут, будут, не привезут — не будут.

Все ясно. Дело не в бумаге.

Мы едем на Лиственничную аллею. Там студенческие общежития, а студенты — любители котлет: никакой возни, да и дешево. Но магазин оказался закрытым. Санитарный день.

— Что ж, диспетчер не знал, что ли? — спрашиваю шофера.

— Им лишь бы сплавить нашего брата...

Снова в путь. Василий Яковлевич, старый «коробейник», делится своим опытом:

— Зимой еще ничего: куда-нибудь пристроим наши котлеты, а вот летом, ну, чистая беда. Повозишь, повозишь их, а они уже синеют. Придумали возить котлеты в дюралюминиевых ящиках. От этого они еще быстрее портятся. Сколько мы об этом ни говорили, сколько магазины ни жаловались, не слушает нас мясокомбинат. Однажды летом я весь день зря проездил и к вечеру привез котлеты обратно. Куда мне их девать? Всю ночь и просидел во дворе: не хотели принимать...

В магазине на Дмитровском шоссе вместо положенных им десяти ящиков с трудом взяли пять. Принимал сам мясник. «Мне продавать, мне и принимать». Он открывал каждый ящик и перебирал котлеты.

— Вы меня, конечно, извините, вас это, может, и не касается, но мы тоже знаем вашего брата — экспедитора. Вчера привезли котлеты, так почти синие были. С трудом продал, а три покупателя принесли товар обратно...

Он забраковал несколько ящиков, и с ним трудно было спорить.

Зато обрадовал нас следующий магазин: вместо положенных десяти ящиков там охотно взяли двадцать восемь. Плохо, видимо, планируется доставка котлет!

Мы уже проехали весь наш маршрут, а в «коробе» осталось еще шестьдесят ящиков. Что делать? Позвонили диспетчеру, а у него один стандартный совет: «Сдайте в любой магазин, где возьмут». И вот мы ищем того, кто возьмет. А время идет, стрелка часов приближается к трем.

«Бой разгорелся» в сто шестнадцатом магазине.

— Привезли котлеты,— говорим мы.

— А нам не нужно,— отвечают.

— Но у вас их на прилавке нет.

— Зато у нас много мяса.

— А откуда его получаете?

— С девятого холодильника.

— И мы с девятого. Вот и составим акт, чтоб вам мяса не возили, если котлетами торговать не хотите...

Из соседней комнаты раздался женский голос:

— Зина, возьми у них двадцать ящиков, так и быть...

Победа за нами. Идем к машине. Навстречу — женщины с хозяйственными сумками, интересуются:

— Что привезли?

— Котлеты московские.

— Вот молодцы!

У прилавка выстроилась очередь.

Зина принимала котлеты с придиркой.

— Обожглась уже,— ворчала она.— То каша вместо котлет, а то и вовсе лотков не досчитаешься. И с пельменями такое же безобразие. Про вас не говорю, а своим товарищам, экспедиторам, передайте, чтоб обманом не занимались.

— Передам. Обязательно.

На накладной Зина подписала свою фамилию: Терюхина. Если и впредь в магазине не будет котлет, пусть хозяйки спросят с Зины Терюхиной...

Так, с трудом, сдали мы свой «багаж». И повернули домой.

— Повезло,— резюмировал Василий Яковлевич.— Среди продавцов есть такие, которые не любят котлет. От них ни вару, ни навару. Мясо — это другое дело: его и так разрубишь и этак. Все себе не в убыток. Ну, и котлеты, конечно, стали неважного качества.

«Фасовка» на особом режиме

Однако московские котлеты — это еще не самое страшное.

— Будете развозить «фасовку»,— сказали мне на следующий день и, видя мой недоуменный взгляд, добавили: — Ну, это фасованное мясо...

— Помучаешься,—добавил один из экспедиторов,— поездишь! А как оно, все еще на особом режиме? — спросил он тут же.

— Пока на особом! — ответил другой.

Так я узнал, что по приказу Московского областного управления Государственной инспекции по качеству товаров и торговле по РСФСР был введен особый режим приемки фасованного мяса, выпускаемого комбинатом.

Жалобы на плохое качество фасованного мяса приняли массовый характер. Много раз торговые инспектора отправлялись проверять эти жалобы. И что же? За год пришлось забраковать более ста пятидесяти тонн фасованного мяса. То вес не тот, то упаковка небрежная, то «не мясо — сплошные кости», а то еще что-нибудь.

Никакие предупреждения не помогали. Тогда Государственная инспекция прибегла к решительной мере: был введен особый режим. Это означает, что прежде чем пустить партию фасованного мяса в продажу, его должен осмотреть инспектор и поставить штамп «Допущено к реализации».

Какое же мясо я повезу сегодня?

...Итак, моя машина, простояв в очередях почти шесть часов, выехала наконец в рейс, нагруженная до отказа ящиками с «фасовкой». За рулем сидел Борис Александрович Трехин, коммунист, старый шофер, «коробейник» с многолетним стажем.

Пока тяжело нагруженная машина идет из Останкина в район Красной Пресни, я слушаю горестный рассказ Бориса Александровича об огромных простоях автомашин на мясокомбинате. Холодильник платит за эти простои большие штрафы. Но, видимо, никого по-настоящему они не беспокоят.

— Руководители комбината и холодильника без конца спорят друг с другом. А им бы подумать, как обеспечить магазины тем, что людям нужно,— говорит Трехин.— Товар-то есть. Будет его еще больше. А в магазине того нет, другого, третьего... Кто виноват? Спрашивать нечего: и комбинат, и холодильник наш, и магазины. Так оно и идет. У них свои планы, а у покупателя свои.

На Красной Пресне в самом большом здесь продовольственном магазине нам «почти» повезло. Невысокого роста мужчина, поглядывая на ящики, решительно сказал:

— Возьму! Но не взыщите, проверю каждую пачку. Нет доверия к поставщику!

Он стал перебирать ящик за ящиком. Ему на помощь поспешили два представителя рабочего контроля, случайно оказавшиеся в магазине, и работа пошла споро. Мясо было приличного качества, удовлетворительно расфасовано, но все же горка забракованных пачек росла.

— Одни кости!

— Ребро, а не мясо!

— Вся пачка развалилась...

И все-таки один из рабочих-контролеров заметил:

— Фасовка-то улучшилась! Так и скажите начальству.

Не буду подробно описывать наши злоключения в этом последнем рейсе. Все шло, как и накануне: в одних магазинах брали больше, чем им полагалось по накладной, в других вовсе отказывались под разными предлогами.

И опять, объездив указанные в накладной магазины, мы все же не распределили девяносто килограммов баранины. И опять мы, как былые коробейники, расхваливая свой товар, ездили с улицы на улицу.

На мясокомбинат машина вернулась только в половине десятого вечера.

И так каждый день. Каждый день отправляется в путь целая армия «коробейников». Труд их не легок. И встречают их порой не с распростертыми объятиями.

СПАСИБО ХУДОЖНИКУ!

Как хорошо, что картины Рокуэлла Кента увидят миллионы читателей журнала (см. «Огонек» № 5 за 1961 год). Из помещенных 13 картин трудно выделить что-либо лучшее, они все хороши. Но особенно врезалась в память картина «Художник в Гренландии». Смотришь на нее и представляешь суровую природу этой страны, безграничное пространство льдов и чувствуешь, как же силен человек, покоривший эту природу. И как красив и миролюбив этот большой человек, создавший такие прекрасные картины.

К. КУБЕЕВ

Алма-Ата.

ПИСЬМО С ПОЛТАВЩИНЫ

Москвич, шофер такси Александр Васильевич Поникаров, удивился, получив письмо из Полтавской области. Знакомых в тех местах у него нет, кто же может писать?

Писал грузчик Василий Петрович Голобородько. Он никогда не видел Александра Васильевича, но знал о нем довольно много. В 52-м номере «Огонька» за прошлый год в корреспонденции В. Полынина «Предлагаем тост!» рассказывалось о хороших делах московского шофера.

Голобородько обращался к Александру Васильевичу с необычной просьбой: «Прошу Вас узнать, живет ли мой дядя Голобородько Сергей Дмитриевич в Москве или нет? Война разбросала нашу семью, утеряны адреса, да и времени прошло много. Родственников и знакомых у меня в Москве нет. К кому обратиться, не знаю. И вот, прочитав в «Огоньке» о Ваших добрых поступках, решил обратиться к Вам».

А. Поникаров не обманул доверия своего коллеги. Он тут же пошел в Центральное адресное бюро и вскоре сообщил В. Голобородько, где живет его дядюшка.

Недавно Александр Васильевич снова получил письмо из Полтавской области: дядя и племянник уже встретились.

В. ЖУКОВ,
литсотрудник газеты «За доблестный труд».

Москва.

СТРОИТЕЛЯМ

Позвольте мне, чехословацкому строителю, поздравить строителей Каракумского канала, а вместе с ними и всех строителей в СССР. Ваши трудовые победы вызывают большую радость и желание воспевать подвиги советских людей.

Подвиг ваш, как знамя всей эпохи,
Как пример всем поколениям Земли,
Дорогой своей стране советской
Вы в подарок гордо принесли.

Пусть же мчатся воды по каналу
И несут цветение и жизнь.
Там, где жизни долго не бывало
Путевые огоньки зажглись.

Александр ПАЛЕКС

г. Кошице.

Один из ста

Андрей СОБОЛЕВ

В жаркий июньский полдень 1918 года с полустанка Сотницкая, Юго-Восточной железной дороги, вышел маневровый паровоз. Семафоры были закрыты, но локомотив на предельной скорости мчался на север. Работавшие на путях железнодорожники успели заметить лежавшего на стальных плитах паровозной будки окровавленного мужчину с забинтованной головой и работавшего у паровозной топки мальчика. Мальчик, очевидно, не мог управлять паровозом и заботился только о том, чтобы локомотив не остановился...

В диспетчерской станции Лиски, наполненной едким махорочным дымом, раздался телефонный звонок. Диспетчер снял трубку.

— Что? Что? Куда он идет? К Подгорной? Закрыть семафор! Направить паровоз в улавливающий тупик. Что? Тупика у вас нет? Тьфу, черт! Я и забыл, что тупик только у нас.

Диспетчер явно растерялся. Как ни крутись, столкновения не избежать. Авария обеспечена.

Но скоро у диспетчера созрел план. Надо рискнуть! Он энергичным жестом взял телефонную трубку: «Говорит диспетчер лискинского железнодорожного узла! Всем станциям ростовского направления открыть семафоры. Пропустить без задержки паровоз».

Пока диспетчер хлопотал, принимая меры против возможной аварии, локомотив все ближе подходил к Лискам. С каждым километром пробега давление пара в котле падало все больше и больше. Не получая новых порций угля, паровоз постепенно сбавлял ход. Наконец наступил момент, когда он совсем остановился — прямо перед зданием вокзала станции Лиски.

Возле паровоза собралась толпа любопытных. Несколько железнодорожников поднялись в паровозную будку, вывели из нее четырнадцатилетнего мальчика. А вслед за ним вынесли на руках полуживого, окровавленного мужчину.

Мальчик был сильно чем-то напуган и долго не мог говорить. Наконец он пришел в себя и рассказал все по порядку.

Зовут его Коля. Его отец Василий Кирьянович Капранов — паровозный машинист, работал на одном из крупнейших в стране паровозостроительных заводов. Оставив на заводе жену и восьмимесячную дочь Галю, Капранов вместе с сыном и девятью товарищами в начале июня 1918 года приехал в Воронеж. Здесь они вступили в продотряд, состоявший из рабочих Центральных железнодорожных мастерских, и выехали в богатые хлебом села Острогожского уезда. И вот сегодня вблизи полустанка Сотницкая на группу Капранова напал конный разъезд белоказаков атамана Краснова. Пятеро бойцов продотряда были зарублены на месте. Василий Кирьянович, истекая кровью, добрался с сыном до полустанка. Здесь было их спасение. На путях стоял маневровый паровоз. У машиниста хватило сил подняться в будку. Вслед за отцом туда же поднялся и легко раненный сын. Открыв до предела регулятор, обессиленный Василий Кирьянович упал на стальные плиты паровозной будки, потерял сознание. Мальчик снял с себя рубашонку, разорвал ее на полосы и кое-как перевязал отцу раны.

Как только был открыт регулятор, паровоз рванулся вперед, на предельной скорости помчался на север, в сторону Лисок. Разъезд белых долго гнался за паровозом, осыпая его градом пуль, но потом отстал...

В Лисках врачи оказали раненым медицинскую помощь и отправили их в Воронеж. Здесь отца и сына поместили в больницу. Василий Кирьянович надолго был прикован к постели.

Пока отец и сын находились в больнице, в Воронежских железнодорожных мастерских события развертывались своим чередом. Воронежские рабочие знали, что брянские железнодорожники еще четыре месяца назад построили первый бронепоезд Брянского совдепа. И решили построить свой бронепоезд.

Был подыскан нужной марки паровоз, его обшили броневыми плитами. В мастерских закипела работа. Началась запись бойцов-добровольцев.

Весть об этом дошла до Владимира Ильича Ленина. В Воронеж прибыл представитель Москвы. По его предложению решено было сформировать железнодорожный дивизион, основной задачей которого должно быть восстановление железных дорог и мостов, разрушенных врагом. Представитель Москвы рассказал рабочим, что молодая Красная Армия особо нуждается в частях военных железнодорожников. «Этот род войск только создается в нашей армии», — говорил он.

Спустя некоторое время дивизион был сформирован и принят представителями командования как боевая часть Красной Армии. По этому случаю состоялся торжественный митинг. Впереди развернутого строя стоял юный знаменосец, совсем еще мальчик, с высоко поднятым красным знаменем в руках. Это был Коля Капранов, числившийся в списках части как воспитанник дивизиона. На алом полотнище красовалась вышитая шелком надпись: «10-й железнодорожный дивизион».

В ноябре 1918 года дивизион был переброшен на борьбу с Колчаком. Восточный фронт был тогда главным. Началась страдная боевая пора. Укомплектованный железнодорожниками, в большинстве своем участниками первой мировой войны, дивизион зачастую откладывал в сторону инструмент и специальную технику и дрался с врагами как отличная пехота, показывая в бою изумительную стойкость и выдержку.

Боевая слава воронежских железнодорожников гремела на фронтах гражданской войны. Продвигаясь на восток через Лиски, Балашов, Пензу, дивизион получал новые пополнения бойцов-добровольцев, разрастался все больше. В 1919 году он был переформирован в 10-й железнодорожный полк.

Оперируя в Заволжье, полк в исключительно трудных условиях многоснежной зимы восстановил на Восточном фронте не одну сотню километров железных дорог.

Судьба Колчака была предрешена. Красная Армия добивала остатки его дивизий за Уралом. Но на юге страны появился новый враг — царский генерал Деникин. Советское командование срочно перебросило с Восточного на Южный фронт несколько частей и соединений. Среди них был и 10-й железнодорожный полк. Осенью 1919 года он уже стоял невдалеке от Ельца, которым незадолго до этого овладел генерал Мамонтов.

Глухой сентябрьской ночью 1919 года разведчики железнодорожного полка проникли на елецкий железнодорожный узел. С ними был и воспитанник Коля Капранов. Добыв нужные сведения, бойцы на рассвете возвращались в часть. Но неожиданно их внимание привлекли красные огненные точки, двигавшиеся со стороны Касторной. Это возвращался из разведки бронепоезд Мамонтова.

Коля Капранов с винтовкой в руках стремительно поднялся и побежал к насыпи. Перепрыгнув через кювет, он взобрался на железнодорожное полотно и принялся за дело. Достал из кармана шинели два железнодорожных костыля, попробовал втиснуть их в зазор между рельсами. Однако сил у него было маловато для такой работы. А красные огни все приближались. Казалось, еще мгновение — и бронепоезд раздавит мальчика. Но мальчик нашел выход. Схватив винтовку, он ударил прикладом по головкам костылей, загнал их в зазор. Не успел Коля отбежать и нескольких шагов, как сзади раздался страшный грохот. Бронепоезд свалился под откос. Послышались вопли белоказаков, началась беспорядочная стрельба.

Коля мчался со всех ног прочь от полотна. Вдруг его что-то сильно ударило в грудь. Он упал на землю, потерял сознание. А когда очнулся, над ним стояли двое: здоровенный казак и офицер.

— Чей будешь? — резко спросил офицер.— Встать, мерзавец, когда с тобой говорят! — Капранов не двинулся с места, продолжая молчать.—Ты что же, змееныш, не хочешь отвечать на мои вопросы? А ну, — обратился офицер к казаку, — подними его!

Казак схватил Колю за ворот шинели, поставил на ноги. Мальчик застонал, снова опустился на землю.

— Стреляйте, гады, в лежачего,— тихо сказал он.

В это время в стороне раздался короткий выстрел. Офицер взмахнул руками, повалился на землю. Казак поднял руки вверх. Свои подоспели как раз вовремя...

Когда белых выбили из Ельца, воины-железнодорожники подняли сброшенный Капрановым под откос бронепоезд белых, отремонтировали его, закрасили прежнее название «Гром победы» и написали новое — «Народный мститель». Командование полка послало на бронепоезд сто человек самых смелых бойцов и командиров. Среди них был и Коля Капранов.

За дерзкие налеты белогвардейцы дали бронепоезду иное название — «Сто чертей». Это название понравилось бойцам.

За отличные боевые действия, стойкость и мужество, проявленные в боях с врагами, 10-й железнодорожный полк в 1919 году получил Красное знамя ВЦИК. С этим знаменем полк победоносно прошел всю гражданскую войну. После ее окончания Капранов не ушел из полка. Вместе с друзьями-однополчанами он строил и восстанавливал железные дороги Донбасса, Белоруссии, Кавказа.

За образцовое выполнение заданий Советского правительства по восстановлению и строительству железных дорог 10-й железнодорожный полк в 1925 году был награжден вторым Красным знаменем.

Николай Капранов был направлен на курсы командиров. Окончив их, он прибыл в родной полк командиром взвода и, пройдя последовательно все ступени командирской службы, встретил Великую Отечественную войну в должности командира 10-го отдельного дважды Краснознаменного железнодорожного батальона (в 1940 году полк был переформирован в батальон) в звании подполковника. Он погиб при эвакуации Керчи весной 1942 года.

ГОСТ

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

Рисунки В. Добровольского.

«Под мухой» — так называют завсегдатаи эту единственную в своем роде гостиницу.

Горячий и холодный душ, ванные, чистые комнаты, мягкие постели, свежее белье, заботливый уход... Одним словом, не хватает только приветливой надписи «Добро пожаловать!». Но надписи нет, ибо сюда никого не приглашают, хотя заведение редко пустует. Клиенты не приезжают сами — их привозят. Короче говоря, это вытрезвитель.

Состояние, в котором прибывают сюда постояльцы, работники милиции деликатно называют опьянением, медики — отравлением алкоголем. По сути же дела, это потеря человеческого облика.

И чтобы привести человека в себя, работникам вытрезвителя приходится немало потрудиться. Прежде всего клиента необходимо утихомирить, ибо алкоголь развязывает не только язык, но и руки. Эту операцию привычно и ловко проделывают две медицинские сестры под наблюдением дежурного лейтенанта. Они попросту раздевают клиента, брезгливо приговаривая: «Тоже мне герой! Вояка!» Странное дело, в голом виде человек почему-то перестает буянить. Он уже не лезет в драку, не кричит, что он самый главный и что он завтра же всех уволит.

Теперь его можно вести под душ. После душа клиент, как правило, готов ко сну. Те же сестрички укладывают его в постель.

Наступает утро, а вместе с ним и самая неприятная минута в жизни пьяницы. Проснувшись в незнакомом помещении и обведя мутным еще взглядом голые стены и ряды кроватей, каждый задает тривиальный вопрос: «Где я?»

Узнав название «гостиницы», человек приходит в ужас и столь же тривиальным жестом хватается за голову. А она трещит, она разламывается, в нее лезут всякие трезвые мысли. При воспоминании о вчерашних безобразиях человек начинает раскачиваться всем телом и бормотать: «Боже, что я наделал! Что скажут на работе! А жена, дети? А соседи?»

И тут наступает раскаяние. Нет раскаяния более глубокого и более искреннего, чем раскаяние человека, протрезвевшего после безобразной попойки. Он проклинает водку и собутыльников. Он дает самую страстную клятву никогда больше в рот не брать проклятого зелья. И вообще ему ужасно хочется снова стать хорошим, как он еще в детстве обещал своей мамочке. Одним словом, он готов на все, лишь бы... Ах, лишь бы не сообщили на работу! Перед работниками вытрезвителя он предстает кроткий и тихий, с готовой стереотипной формулой своего будущего поведения: «Дяденька, я больше не буду...»

...ИНИЦА „ПОД МУХОЙ"

Что же, может, и в самом деле пожалеть? Ведь в первый раз!

Нет, непедагогично! Он может очутиться в вытрезвителе во второй раз и в третий раз. И даже много-много раз. Потому что раскаяние ненаказанного пьяницы, как бы ни было оно глубоко, скоропреходяще.

Вот почему, кроме обычных услуг медико-смирительного характера, за которые, кстати сказать, клиенту предъявляют счет на четыре рубля, работники вытрезвителя обязательно посылают письмо по месту работы.

Впрочем, иногда и письма не помогают. Но тут уж милиция ни при чем.

* * *

Итак, вот что может случиться в первый раз.

31 января, в 10 часов вечера, на пороге дома № 13 по улице Богдана Хмельницкого лег спать прилично одетый человек. Каменная ступенька казалась ему мягче подушки, асфальт тротуара — пуховой периной, уличный шум — колыбельной песенкой. Впрочем, наплевать ему было на такие пустяки: человек был мертвецки пьян. Прохожие брезгливо обходили неподвижное тело, возмущались: «Как можно так напиваться?! Безобразие!» Очевидцы утверждают, что в ответ на это гражданин пробормотал: «Потушите свет» — и богатырски захрапел. Впрочем, находились и сочувствующие: «Что особенного? С кем не случается! Ну, выпил человек, ну, лег спать...»

Наконец прибыл милицейский патруль. Бесчувственное тело погрузили в машину и отвезли в вытрезвитель. Утром неизвестный проснулся с готовым вопросом: «Где я?» Ему назвали учреждение и, в свою очередь, спросили: «Кто вы?» И тут оказалось, что неизвестный — начальник отдела кадров жилищно-строительного управления ЗИЛа Павел Григорьевич Кочерыгин. Он по должности призван подбирать кадры, а тут, видите ли, его самого подбирают на панели. Нехорошо получается...

С этой оценкой работники вытрезвителя согласились целиком и полностью. Так вот, нельзя ли в таком случае дельце замять и на завод не сообщать? А он, клиент, со своей стороны, обещает, что больше ни-ни. Одним словом, «дяденька, я больше не буду».

Но тут не такие дяденьки, чтобы посочувствовать. Однако сочувствующие нашлись. На самом заводе! Тут, как говорится, «спустили дело на тормозах». Сперва секретарь парткома завода тов. А. И. Косицын написал резолюцию: «Обсудить на коллективе». Потом секретарь партбюро ЖСУ завода тов. Б. Г. Блинов решил вынести вопрос на специальное заседание. И чуть было не вынес. Но потом оказалось, что на том же заседании обсуждается поведение, так сказать, рядовых пьяниц — слесарей Маметьева и Ситдикова. А тут речь идет о самом начальнике отдела кадров ЖСУ. Неудобно... Так и не вынесли. Так и не обсудили.

— Ничего особенного! — рассуждают в жилищно-строительном управлении завода.— Ну, был под мухой. Ведь в первый раз!

* * *

Ох, уж этот пресловутый «первый раз»!

Когда в Научно-исследовательском институте алмазного инструмента узнали, что сотрудник Алексей Васильевич Куликов напился и попал в отделение милиции, к этому событию отнеслись добродушно-снисходительно:

— С кем не бывает! В первый раз...

— Но ведь как напился! До чертиков, до отделения милиции!

— Так ведь первый раз...

— Полез в драку!

— Ничего, в первый же раз...

— Сквернословил!

— Впервые...

— Оскорбил женщину!

— Один только разочек...

Хороша философия!

Человек напился, пристал на улице к женщине, один только разочек подставил ей ножку, один только разочек обругал нецензурной бранью и получил... одно только общественное порицание.

* * *

Но вот что бывает вслед за первым разом.

«Директору научно-исследовательского института стекловолокна.

102-е отделение милиции г. Москвы просит принять меры общественного воздействия к инженеру Колкову Виктору Федоровичу 1907 г. р., который, будучи в нетрезвом виде, хулиганил в парке МВО, порвал рубашку гражданину, нецензурно бранился, за что подвергнут аресту на шесть суток.

О принятых мерах прошу сообщить в 102-е отделение милиции.

Начальник 102 о/м г. Москвы Подгорный».

Какое странное сочетание: Научно-исследовательский институт, инженер — и... нетрезвый вид, нецензурная брань! Впрочем, в институте ничего странного в этом не усмотрели. Подумаешь, событие! И начальник 102-го отделения получил отписку:

«ВНИИСтекловолокно получило Ваше письмо о нарушении сотрудником института тов. Колковым В. Ф. правил общественного порядка — мелкое хулиганство.

По отбытии срока наказания тов. Колков был обсужден на общем собрании профгруппы, где было вынесено предупреждение. О чем и ставим вас в известность.

Зам. директора ВНИИСВ по хоз. адм. части М. КОВАНОВ».

Значит, картинка такая: «Сегодня состоится общее собрание профгруппы». На собрание профгруппы пришли в полном составе — двенадцать человек. На повестке дня — производственные вопросы, уплата членских взносов, персональное дело инженера Колкова. Постановили: производственную программу выполнять, членские взносы платить, Колкова предупредить.

Одним словом, замяли дело... Ну как не спрыснуть такое обстоятельство? И однажды днем Колков очнулся в вытрезвителе и задал стереотипный вопрос: «Где я?»

Итак, первый раз остался без последствий. И за ним последовал второй. А в институте попрежнему считают, что ничего особенного не произошло, как будто и в самом деле верят в поговорку: «Пьян да умен — два угодья в нем».

* * *

А вот что может получиться, когда первый и второй раз останутся без последствий.

Первый раз кровельщик И. Я. Елманов попал в вытрезвитель еще несколько лет назад. В РСУ-1 Ремстройтреста Фрунзенского района полетело письмо. То ли его подшили к делу, то ли не подшили, начальство то ли погрозило пальцем, то ли не погрозило, только Елманов вновь и отнюдь не по собственной воле очутился в том же вытрезвителе.

С тех пор злополучный кровельщик побывал здесь уже тридцать три раза. Он стал завсегдатаем, так сказать, своим человеком, в вытрезвителе. Милиция засыпает его штрафами, начальство выговорами — обыкновенными, строгими, с предупреждением, даже с последним предупреждением. Он, со своей стороны, дает обещания — обыкновенные, торжественные, окончательные, но каждый раз спрыскивает их. И дело кончается вытрезвителем.

На каком-то этапе до него «не дошли руки». Может быть, именно тогда, когда это случилось «в первый раз». И теперь он отбился от рук. «Не можем справиться», «Мы бессильны», «Безнадежен»,— твердят в один голос и начальник РСУ тов. Старов, и начальник отдела кадров тов. Михайлова, и секретарь партбюро тов. Золотарев. «Безнадежен!» Да можно ли так отозваться о молодом еще человеке, который уже несколько лет живет и трудится в большом коллективе?

* * *

Гостиница «Под мухой» никогда не пустует. В любой час дня и ночи здесь можно встретить постояльцев.

Много кратких, но весьма выразительных писем разослали в прошлом году сотрудники вытрезвителя по месту работы своих клиентов.

Но клиенты время от времени возвращаются под сень гостиницы «Под мухой».

И тем не менее то и дело слышится благодушное: «Ну что особенного? Просто заложил за воротник». Или: «Залил за галстук. С кем не случается!» Или назидательное: «Пей, да дело разумей».

Можно смело сказать: поговорки эти выдуманы пьяницами себе в утешение. Тот, кто пьет, никакого дела не разумеет. Тот, кто умен, не напивается пьян.

Неуместно здесь ни умиление, ни благодушие. Даже «в первый раз». Только непримиримость — вот единственная мера борьбы с пьяницами.

Хлеб сатир

М. СЕМЕНОВ

Рисунки М. Ушаца.

ТРУДНЫЙ ВОПРОС

Мне позвонили с радио:

— Не хотите ли принять участие в развлекательной передаче «Почему я стал сатириком»? Заплатим мы хорошо.

Я на всякий случай поинтересовался:

— А сколько все-таки?

— Ну, скажем, десять рублей за четыре минуты вещания.

Немного подумав, я ответил:

— Каждый месяц жена выдает мне на метро и автобус, обеды в столовой, сигареты, новые книги в общей сложности около тридцати рублей. Иногда она спрашивает меня: «Милый, почему тебя поносят и шпыняют на каждом шагу? И каждый, кому не лень? Скажи, дурачок, как это тебе взбрело в голову заделаться сатириком?» И знаете, я только краснею, как рак, и не могу высказать в свое оправдание даже двух слов. Отчего же вы думаете, что за ваши десять рублей я смогу вещать целых четыре минуты? И второй вопрос: если человеку так крупно не повезло, что он стал сатириком, то нужно ли устраивать из этого развлечение для нескольких миллионов радиослушателей?

КРОКОДИЛ НЕ ПОМОГ

Телефонный звонок.

— Это редакция «Крокодила»?

— Да.

— У меня жалоба. На нашей кухне протекает раковина. Напишите об этом фельетон.

— А вы пробовали вызвать слесаря из домоуправления?

— Нет, не вызывали.

— А вы попробуйте вызвать.

Через полчаса опять звонит телефон.

— Редакция «Крокодила»?

— Да.

— Знаете, это опять я, по поводу раковины на кухне.

— Ну как, был у вас слесарь?

— Был. И знаете, просто замечательно получилось: раковина больше не течет! Насчет слесаря вышло просто здорово. Дошлый вы все-таки народ — фельетонисты, всегда до чего-нибудь додумаетесь!

ПОЧТА

Каждое утро на столе гора рукописей: фельетоны, стихи, темы для рисунков, рассказы, юморески. Особенно много басен. Про Орла и Курицу, Льва и Зайца, Рака и Щуку. Один из авторов, бывший бухгалтер, написал:

«Находясь в периоде творчески активной старости, хочу помочь моей стране своими баснями...»

Я ответил ему:

«У вас есть определенная склонность к юмору. Но тратить свой талант на двадцатистрочные басни — это все равно, что безжалостно дробить крупный алмаз на мелкие, еле заметные для глаза песчинки».

Через полгода поток басен заметно уменьшился. Зато в сценарном отделе киностудии пришлось вдвое увеличить штат консультантов по разряду кинокомедий...

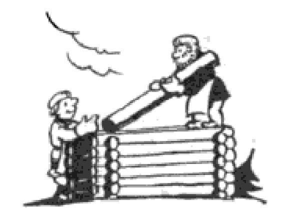
ТАЙНЫЙ ПОРОК

В издательство пришли два писателя. Один принес пухлую рукопись в сорок печатных листов, другой — тоненькую тетрадку. Первый был романистом, второй — автором юмористических рассказов. Директор издательства долго и горячо жал руку автору романа и еле кивнул юмористу.

Когда писатели ушли, директор

Почему мы так говорим

Обыденкой

«Они собирались выйти со светом, чтобы вернуться обыденкой...» (Л. Леонов «Русский лес»).

«На другой день Давыдов обыденкой съездил в райком и получил от Нестеренко разрешение на поездку в окружной комитет партии...» (М. Шолохов «Поднятая целина»).

«Обыденкой» — «в течение того же дня». В таком смысле это слово употребляется и у Леонова, и у Шолохова, и у Л. Н. Толстого, и других писателей. Словарь Академии наук отмечает его как слово просторечное. В. Даль указывает, что «обыденный» означает «однодневный».

В старых русских городах, в том числе и в Москве, были и существуют и сейчас Обыденские улицы, переулки, проезды. Это память о прошлом. На этих улицах были когда-то обыденские, то есть построенные в один день, церкви. Их возводили по обету, обычно для избавления от мора, и в работе часто принимал участие весь город.

В Новгородской и Псковской летописях рассказывается о возведении таких храмов: «Бревна возиша из лесу того же дни, и срубаша, и освятиша единого дне и служиша».

В другой летописи говорится о возведении церкви: «Начали рубить против 18 числа в 6 часов ночи, и клали светочи и зажигали скалы на батогах, светили светло, а срубили за 2 часа до дни, и святить начали в 5 часу дни».

Мишень

«Мишень» происходит от персидского слова «нишан» — знак, мета.

Мишенями называли печати. «С мишенем грамоту дали есма...» (датировано 1351 годом). «Грамоту написал, да и мишени свои к ним приложил...» (1506 год).

Мишенями были и круглые чеканные пластинки из металла, подобные печатям. Были мишени и шитые на тканях и даже рисованные: «писаны мишени краски лазоревы, а в мишенях травы писаны золотом».

У богатых к столу были серебряные блюда с украшением — выбитыми мишенями по ободу. Мишени были и на доспехах. «Пансырь на хрепте мишень набита медяна».

Набитые и нашитые мишени четко выделялись. Понятно, что они были хорошей целью. Отсюда и единственное сохранившееся до наших дней значение слова «мишень».

И. УРАЗОВ

Воинствен

Однажды мне довелось побывать в командировке в поселке Нешкан, на Чукотке. Здесь стало известно, что на остров Идлидля, километрах в восьми от Нешкана, вышло стадо моржей. Раньше там их не бывало, и мы с колхозниками поехали на кожаной байдаре обследовать новое лежбище.

Стадо оказалось огромным. Море вокруг острова и сам остров буквально кишели моржами. Моржи уступали нам дорогу, ныряя перед самым носом лодки. Вдруг впереди появилась моржиха с моржонком. Когда байдара подошла к ним метров на двадцать, моржонок нырнул, а мать его, как торпеда, помчалась наперерез байдаре.

Нам повезло: байдара была малогруженой, и мощные удары зверя отбрасывали ее в сторону. Когда моржиха в последний раз прошла под днищем, нырнула и скрылась, мы все облегченно вздохнули.

Е. БАРЫМОВ

Бухта Лаврентия.
Чукотка.

ИКА

захлопнул дверь своего кабинета и жадно схватил тетрадку юмориста. Долго из-за толстых портьер доносился его приглушенный смех...

Затем дверь открылась, директор позвал главного редактора. Передавая ему пухлую рукопись, директор сказал:

— Я вот не выдержал и увлекся новым произведением нашего уважаемого Н. Читатель, безусловно, будет потрясен. Поручите наблюдение за романом одному из наших наиболее серьезных редакторов. А этот пустячок,— он указал на тетрадку юмориста,— я задержу пока у себя. Как-нибудь посмотрю на досуге.

Директор задержал рукопись юмориста для того, чтобы прочитать ее еще раз дома, в кругу семьи. Но такое откровенное признание нельзя было у него вырвать даже под пытками. Он обожал юмор и страшно мучился, что должен тщательно скрывать от окружающих эту свою слабость, как скрывают приверженность к спиртному, клептоманию или слепую веру в черных кошек.

В ремесле юмориста было что-то непристойное. И это прекрасно понимали все работники издательства — от главного редактора до курьера.

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

Моя двенадцатилетняя дочь как-то спросила:

— Папа, когда ты пишешь фельетон, то, наверное, очень сердишься на своего героя?

Что можно было ей ответить? Своими заблуждениями и неприличными поступками герой каждый раз вызывал во мне скорее сочувствие, чем неприязнь. То же, вероятно, испытывает врач, принимая больного. Кроме того, выкинув какой-нибудь из ряда выходящий номер, герой давал импульс моему творчеству. Нет, видит бог, сердиться на героя мне было просто не за что.

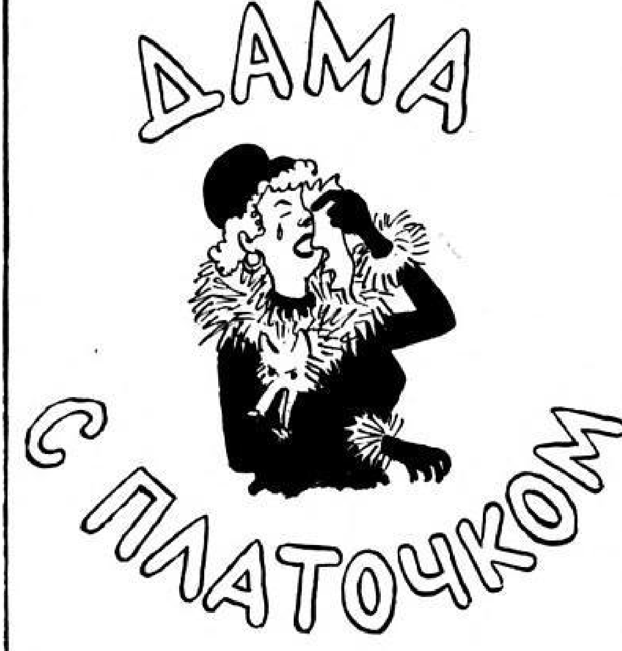
Кого я действительно устойчиво ненавидел, так это редактора своего будущего произведения. Потому что твердо знал: он непременно вычеркнет все мои сколько-нибудь оригинальные мысли и своими нудными дидактическими рассуждениями испортит все остроты.

Но дочке я, конечно, ничего этого не сказал. А просто вынул из кошелька двугривенный и посоветовал ей сходить в кино.

...ная моржиха

Фельетон

Рисунки Е. Ведерникова.

Она сидела в кресле, томно откинув голову на чернобурку и ежеминутно прикладывая к глазам скомканный платочек. Она жаловалась. Она молила и требовала:

— Вы должны меня понять: я спасаю сына!.. Он катится в пропасть, и я борюсь за него. А меня обижают, травят, давят... Я слабая женщина, у меня силы на исходе...

Платочек метнулся к глазам, и мы улучили мгновение для реплики:

— Но ваша сестра говорит, что вы своего сына не кормите по три-четыре дня.

— Моя сестра? Эта презренная, морально разложившаяся личность?!

— Но ваш брат и муж подтверждают это. А кроме того...

— Кроме того, мой брат — хронический алкоголик. А муж — развратник и пьяница! Они спаивают моего сына!

Потрясенные таким букетом пороков в одной семье, мы робко упомянули о решении двух товарищеских судов. Тут в голосе собеседницы послышался металлический скрежет. Казалось, даже шерсть на ее чернобурке слегка поднялась.

— Товарищеский суд?! — рявкнула дама.— Да что там понимают? Кого слушают? Мои соседи — торговцы краденными вещами. В комиссии содействия — проходимцы и фальсификаторы. Участковые — забулдыги. Да и председатель товарищеского суда походя взятки берет!.. Вы должны мне помочь!

— Помогите себе сами,— посоветовали мы.— И перестаньте мучить людей кляузами.

Дождавшись в коридоре сотрудника редакции, Раиса Ивановна с таинственным видом оглянулась по сторонам и шепнула:

— Ваш фельетонист... Он наверняка натравлен на меня доктором Занской. А вообще... вы-то сами его, этого фельетониста, хорошо знаете?..

Раиса Ивановна Фролова — врач Центральной больницы Министерства здравоохранения. Трудовой день ее заполнен, прямо скажем, до предела. Первым делом надо сбегать в 234-ю школу. При виде знакомой фигуры у директора начинается нервный тик.

— Когда наконец будет уволена моя сестра? — зловеще вопрошает посетительница.

— Но позвольте, она хороший педагог...

— Нет, не позволю! Я вас всех разоблачу! В райком буду писать, в роно нажалуюсь!..

— Так вы уже жаловались. И на свою сестру и на нас...

Столпившиеся в дверях ученики с неподдельным ужасом взирают, как разъяренная женщина мечется по кабинету, размахивая кулаками и чернобуркой.

Во второй половине дня доктор Фролова принимала больных.

— Следующий! Ну как, легче стало?

— Да как вам сказать, доктор... Вроде бы немного полегчало...

— Сестра, дайте книгу предложений! Пусть запишет благодарность! Это всегда пригодится! А пока никого ко мне не пускайте: у меня важное дело...

Какое именно дело? Для Фроловой обычное — наступательный телефонный разговор:

— Это кто? Командир части? Почему не выполняете приказ начальника округа? Почему до сих пор не разжалован майор Фролов?! — Голос Раисы Ивановны дрожит от негодования.

— Но такого приказа не было. Это, видимо, говорит его жена?

— Да, жена! Погоны с него сорву и загоню на Север, это уж будьте уверены!.. Но и вам, голубчик, тоже не поздоровится! По всем комиссиям вас, заступников, затаскаю!..

Может быть, в тот же день секретарь комсомольской организации другой воинской части писал руководству Центральной больницы:

«Недавно командир части получил письмо Фроловой. Она в самых отборных выражениях хулит своего брата. А мы о нем можем сказать только хорошее. Прошу помочь нам разобраться в этом деле».

Да, разобраться пора! Добрый десяток комиссий уже несколько лет занимается расследованиями, доследованиями и дообследованиями по кляузам Раисы Ивановны. Тридцать четыре организации Москвы были втянуты в разбор ее писанины! Если кляуза не действует, клеветница пишет на того, кому подана была предыдущая. Только в одну воинскую часть Раиса Ивановна настрочила за год несколько десятков жалоб. Теперь сочиняются реляции на командование части, которое «не принимает мер».

Почему же Раиса Ивановна чувствует себя так вольготно? Что позволяет ей так распоясаться? Видимо, помимо всего прочего, тут играет роль и платочек, прикладываемый к глазам при словах: «Я взываю к вашей гуманности».

Не выдержала в свое время родная мать Фроловой, подала заявление в народный суд: «Моя дочь Фролова никому не дает выходить на кухню. Даже в присутствии моей внучки, десятилетней девочки, постоянно выражается нецензурными словами... Сломала мне руку избивает... Когда остаюсь одна дома, вынуждена сидеть в закрытой на ключ комнате...»

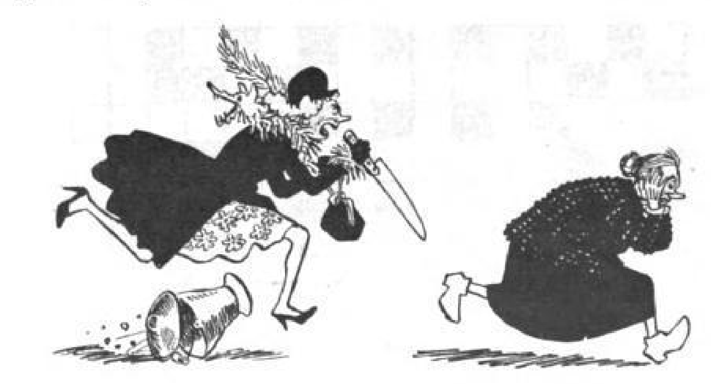
Призвать бы Раису Ивановну к порядку со всей строгостью! Но... платочек делает свое дело. Народный судья 1-го участка Дзержинского района Москвы товарищ Шишкин направляет весь материал в Центральную больницу «для рассмотрения общественностью»...

Изъявляя родственные чувства, Раиса Ивановна гонялась с ножом по всей квартире за родной теткой. Пришлось милиции заводить дело о мелком хулиганстве. Платочек выручил и на этот раз: направили дело в товарищеский суд.

Отделавшись шрамом от удара вилкой, ушел от Фроловой муж. Ушел к отцу сын, именем которого так успешно спекулировала дама с платочком.

Мы за гуманное отношение к людям. Поэтому хочется верить, что Фролова понесет наконец наказание. Это будет настоящая гуманность: десятки людей облегченно вздохнут и скажут спасибо.

К. ОБОЛЕНСКИЙ

Скажите, а что едят голуби?

Билет на право входа во второй город необходимо предъявить, даже когда это так трудно.

Фото М. НАЧИНКИНА.

Метро — это второй город. Это город в городе.

В метро есть свои улицы и перекрестки. Магазины и аптеки. Есть свои «бульвары» — станции, где стоят скамейки. Можно посидеть с любимой и помечтать о чем-нибудь, глядя на синие поезда. Попытать счастье в лотерее или купить билеты в театр. Прочесть свежую газету, выпить стакан сока.

Школьники и студенты, отправляясь на занятия, доучивают под землей свои уроки.

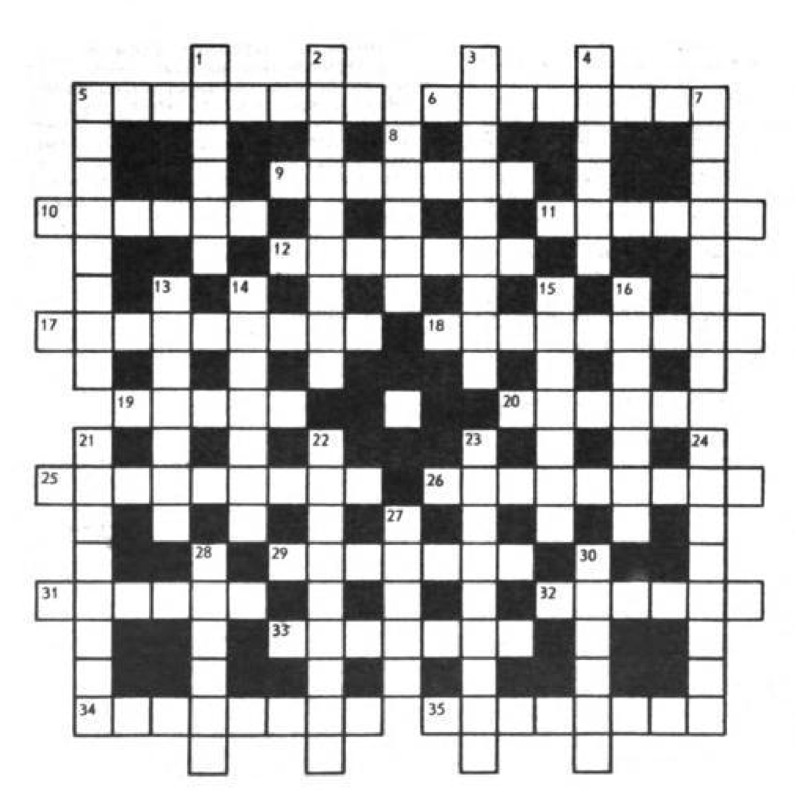
Легкий ветерок, оставленный поездом, иногда слегка качнет бронзовые люстры. Щелкают электрические часы. Вспыхивают огни светофоров. Девушки в красных фуражках руководят посадкой.

А наверху, на земле, перед станциями метро тоже идет своя особая жизнь. Здесь назначают свидания, покупают в палатках цветы, кормят голубей, гуляют с детьми. Зимой просто забегают в верхний зал станции погреться — оттаять или позвонить по телефону-автомату и сказать шепотом что-то очень важное. А кто приехал и поднялся наверх, закуривает первые сигареты.

У ворот второго города всегда шумно, весело, людно.

М. Коршунов

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Вид сливы. 6. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Три сестры». 9. Помещение для содержания подопытных животных. 10. Охотничья сумка. 11. Остров в Эгейском море. 12. Советский музыковед, композитор. 17. Столица европейского государства. 18. Коллекционирование почтовых марок. 19. Котельное топливо. 20. Метель. 25. Распространенная птица. 26. Ядро земного шара. 29. Соцветие кукурузы. 31. Пешеходная прогулка. 32. Поэма М. Ю. Лермонтова. 33. Континент. 34. Искусственная кожа. 35. Театральный работник.

По вертикали: 1. Форма восточной поэзии. 2. Народный артист СССР. 3. Ближайшая к Солнцу точка орбиты планеты. 4. Грузовое судно. 5. Химический элемент. 7. Типографский рабочий. 8. Горная область в Эфиопии. 13. Воображаемая линия, делящая земной шар на полушария. 14. Русский математик и механик. 15. Известковый шпат. 16. Автор научной системы физического воспитания. 21. Название одного из сборников Н. В. Гоголя. 22. Морское животное. 23. Нагревательный прибор. 24. Опера Дж. Верди. 27. Герой эстонского эпоса. 28. Река, впадающая в Восточно-Сибирское море. 30. Промысловая рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали: 4. Прибаутка. 6. Вольтижировка. 11. Почва. 12. Алиев. 13. Вьетнам. 17. Доярка. 18. Аккорд. 19. Доцент. 20. Облако. 21. Акведук. 24. Домна. 25. Счеты. 27. Перламутровка. 30. Коловорот.

По вертикали: 1. Писатель. 2. Залежь. 3. Ставрида. 4. Псел. 5. Азов. 7. «Отверженные». 8. Колокольчик. 9. Ломоносов. 10. Терракота. 13. Вахта. 14. Ершов. 15. Наряд. 16. Манок. 22. Каракуль. 23. Увертюра. 26. Купава. 28. Раек. 29. Ватт.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

На первой странице обложки: Памятник Т. Г. Шевченко в Киеве. Фото Б. Градова.
На последней странице обложки: Зимний пейзаж. Фото Л. Раскина

В воскресный день здесь больше всего лыжников.

Есть и паспорт и медали, а в метро все равно «на своем ходу» не пускают.

Морозоустойчивые.

У ВОРОТ ВТОРОГО ГОРОДА

Надо срочно позвонить ей!..

Пожалуй, она кого-то ждет.

А эти никого не ждут. Им хорошо вдвоем.

В недалеком будущем.
Рисунок В. Соловьева.

Влюбленный вратарь:
— Если вы не уйдете, меня выгонят из команды.
Рисунок В. Сигачева.

— Крошке так нужен свежий воздух...
Рисунок В. Воеводина.

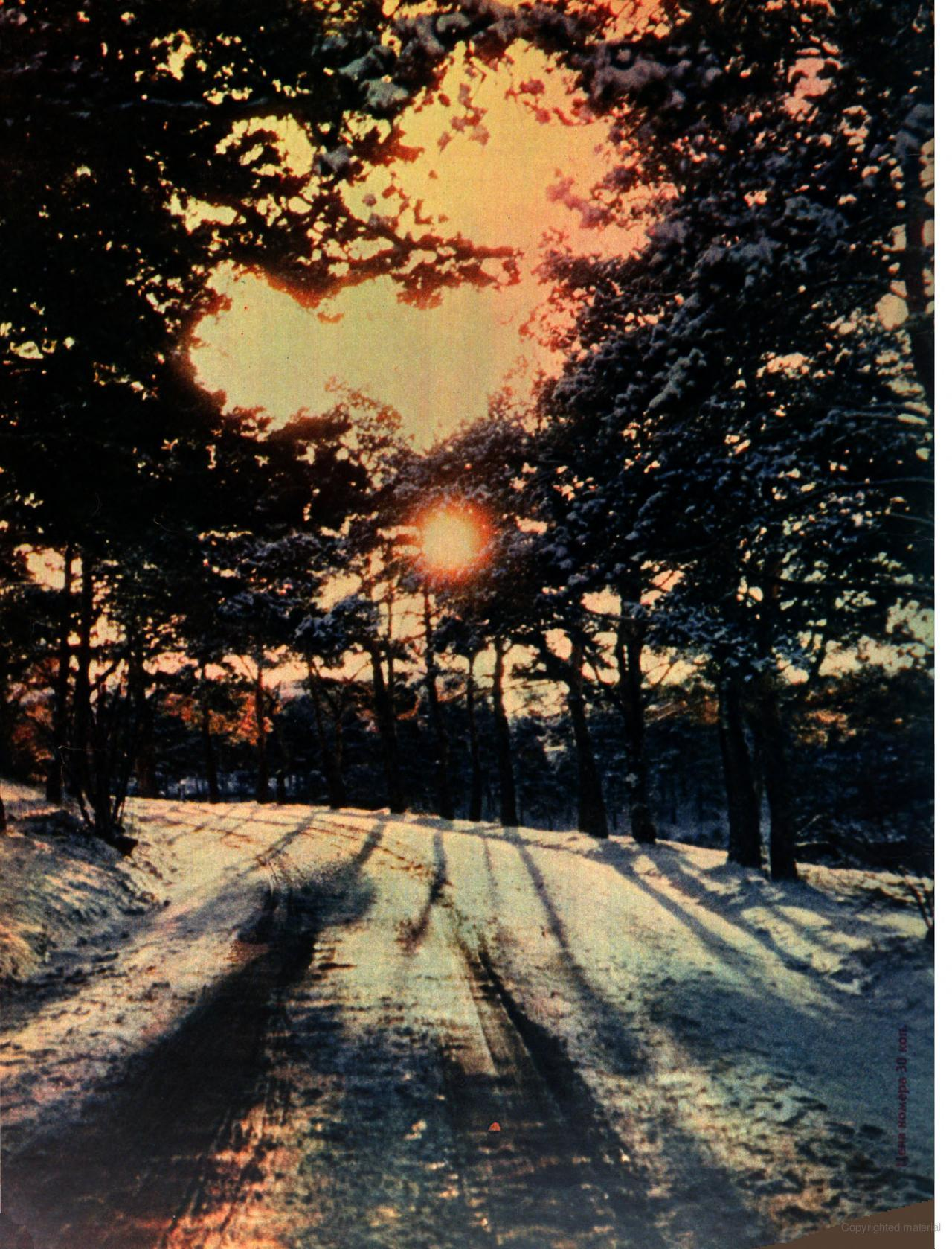

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02063. Подписано к печати 8/III 1961 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 900 000. Изд. № 562. Заказ 562.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.